

Владимир Найдин

Реанимация

Записки врача

Записки врача

Антонина

«Не входить». «Реанимация» — в любой приличной больнице есть такое отделение. Святая святых. Место, где пытаются задержать человека на этом свете. Иногда — получается, а иногда — не очень. То есть не получается. Почему не входить? Чтоб не мешались, не морочили голову идиотскими советами, не разносили инфекцию на своих сапожищах и одеждах, на невымытых волосах. Но главное — чтоб не падали в обморок при виде беспомощных людей, опутанных проводами и трубками, хрипящих, стонущих, борющихся за жизнь. Ведь среди них, вон там, за стеклянной перегородкой второй слева, тот самый или, что еще тяжелее, та самая, из-за которой ты приперся, проник, «просочился» в этот жуткий, всегда освещенный мертвенным светом зал.

Ну и, конечно, не слушали то, что им слышать абсолютно ни к чему. Хлопающие вздохи дыхательных аппаратов, тиканье мониторов, душераздирающие крики: «Танька, подруга, ты куда мой лоток со шприцами подевала? Поставь, где взяла! И не имей привычки цапать!»...

Там персонал особый. Энергичный, беспокойный и малосентиментальный. Привыкли к стрессам: то давление падает, то рвота кровью, а то и вообще сердце остановилось к чертовой матери. Извините за выражение. Но ведь так и есть! Только вроде наладили — человек свободно задышал, кривульки на мониторе нормализовались, можно отойти чайку попить с коллегами, и вдруг — раз! Остановка сердца, будь она неладна! Надо бегом нестись, электроды волочить, подключать, отключать, капельницы заменять. В общем, аврал. Как на корабле во время шторма. Боцман орет, матросы суетятся. Капитан мужественно грызет потухшую трубку. Морской волк.

С некоторыми поправками здесь то же самое. Наша Антонина-реаниматолог, конечно, не волк. Зато была четко волчица. Оскалит зубы, отбросит сигаретку, вцепится в помирающего пациента и, глядишь, вернет его из небытия.

Он уже там, светящийся тоннель видел, неся по нему как бы к Богу, а она его бац — и обратно возвернула. «Не знаю, нужно ли это? Не уверена. Может, ему там гораздо лучше будет? Но у меня работа такая. Вот я ее и исполняю», — задумчиво говорила Антонина, сбрасывая пепел на чайное блюдце. Она много курила. Голос поэтому хрипловатый, прокуренный. Но лицо милое. Простое русское лицо. Привлекательное. Фигура замечательная. Держала форму. У нее и дочка была взрослая, и куча мужей побывала (они у нее всегда моложе были. Гораздо). А она все равно в молодежной форме. Кроме того, за словом в карман не лезла.

Как-то раз оживляла одного временно усопшего адмирала. Не старый еще, боевой, но сердечко в подводных походах поизношено. Вот он однажды под капельницами и «дал дуба». Сердце замерцало, затрепетало, задергалось и, зараза, остановилось. Антонина, к счастью, была рядом. Ругнулась непечатно и полезла оживлять его. В прямом смысле полезла. Села на него верхом и давай непрямой массаж сердца делать. Пока дефибриллятор принесут.

Но вместо этого устройства прибыл сам директор института, знаменитый нейрохирург и весьма неординарный человек. Академик. Постоял, понаблюдал за ее действиями. Она уже подышала «рот в рот» и «рот в нос» (небольшое удовольствие) и снова подпрыгивала на

больном, толкая энергично грудную клетку. Директор постоял, покачался с пятки на носок, засунув руки за пояс хирургического халата, привычная позиция. И спросил серьезно, но с сомнением в голосе: «Что, Тонька, надеешься, адмирал тебя вые. т?» — «А вдруг, — отвечает растрепавшаяся и потная Антонина, продолжая на нем подпрыгивать, — моряки они такие, заеб...ие. Я знаю». — «Ну-ну, старайся, авось получится», — сказал директор и важно удалился, так и не вынимая рук из-за пояса халата. Получилось, однако. Запустила она его «движок». Человек еще пожил. Когда выписывался — шел своими ногами.

У Антонины с директором были свои отношения. Она его несколько раз вытаскивала с того света.

После сокрушительных инфарктов — этого бича всех активных хирургов. Опасная специальность. Слишком большое нервное напряжение. Сердце не выдерживает. Во-первых, нагрузка на сам «мотор», а во-вторых, на то, что в нем хранится. Есть мнение, что душа, Она ведь живая и тоже не выдерживает. Бред какой-то, но так говорят и верят в это. Я тоже, кстати, склоняюсь к этой ненаучной гипотезе.

Квартира директора была в институтском доме, то есть рядом, даже выход в общий двор. Прошел тридцать шагов, и ты уже дома. Но наш академик был трудоголиком и все свои сердечные атаки схватывал на работе. Домой не доносил. Как почувствует характерную боль за грудиной, бросит пару таблеток нитроглицерина под язык, пососет, подумает и жмет на кнопку вызова. Под столом. Как в сберкассе, если ее собираются ограбить.

Только вместо охраны вбегает кто-нибудь из реаниматологов: или Виталик Саладыгин (странная фамилия), или наша Антонина. Всплеснет по-бабьи руками: «Опять!» И давай шуровать. Кислородный баллон прикатит, масочку, закись азота (чтобы болевой приступ снять), инъекции туда-сюда вкатит. И глядишь — отпустило, глаза просветлели, мусть из них исчезла, пересохшие губы зашевелились, водичку запросил. Антонина все устроит, попоит, вызовет нужных помощников. Быстро, умело, толково, без лишних «мерехлюндий». Хороший врач, по призванию. Своей уверенностью успокоит любого человека, а этому цены нет. И шутку понимала с лета.

«Я у тебя как за пазухой», — говорил просветлевший директор. «Эх, — отвечала Антонина, — не бывали вы за моей пазухой. Там еще лучше». И смеялись оба.

Насчет ее пазухи ходили разные слухи. Весьма романтические. Однажды в середине рабочего дня она устроилась «отдохнуть» в кабинете заведующего отделением. Тот был где-то в командировке, и помещение пропадало зря. К ней прилепился молодой симпатичный ординатор. Он приехал откуда-то из Сибири набираться хирургического опыта и столичных знаний.

Вот он с Антониной и набирался. Но забыл запереть дверь.

В самый сокровенный момент дверь распахнулась, и вошла одна гранд-дама. Зина. «Гранд» — это только ростом. Но не умом. Зато была еще и членом партийного бюро. Бессменным. Зачем-то ее всегда переизбирали. Черт его знает (извините) зачем! Она обязательно выступала на всех собраниях, волнуясь и покрываясь багровыми красными пятнами. Несла абсолютную чепуху. Когда-то она служила военным врачом, носила черную косу вокруг головы и на фото была привлекательной. Но личная жизнь не сложилась, она ударилась в партийное строительство — надо же заниматься чем-то серьезным и полезным. Кроме медицины.

Так вот она и вошла в тот славный чертог, как бы нарушив романтическое свидание. Но оно не нарушилось. В ответ на возмущенный, даже ошеломленный возглас: «Что это значит?» Антонина выглянула из-под сибиряка и хриплым от страсти голосом сообщила: «У меня обеденный перерыв, я тут е...сь и прошу закрыть за собой дверь». Мужик захрюкал, затрясся, застонал неизвестно из-за чего, но головы не повернул, не хотел расшифроваться. Дама поглядела на всю эту картину, на его могучие ягодицы, позавидовала и выскочила как ошпаренная.

Помчалась в партийное бюро жаловаться. Но секретарь, ее подруга, только гораздо умнее, выслушала, тонко улыбаясь анемичными губками, потрясла седой челкой и сказала:

— Угомонись, Зина, над тобой все смеяться будут. А ты член партбюро, лицо, облеченное высоким партийным доверием! Значит, над кем будут смеяться? Вот то-то же. А в реанимации надо усилить политико-воспитательную работу. Может, тебя туда послать?

— Только не туда! — завопила с ужасом дама. — Лучше Саладыкина, он там и так работает.

Саладыкин, крепкий мордовский мужичок с фельдфебельскими складками на щеках, сидел в уголке партбюро и делал вид, что читает брошюру «Материалы икс, икс, три палки съезда партии». Он так всегда называл римские цифры. Читать он не любил и, по-моему, не умел. Родился в семье лагерного врача (а какие еще врачи в Мордовии?) и впитал с молоком матери, вернее, с молоками отца гигантский интерес к женским задницам. Желательно тоже гигантским. Когда он встречал в коридоре нашу «кадриху» с привлекательными габаритами (у нее грудь, талия и зад составляли неразделимое целое), то сразу пристраивался следом и шел совсем не туда, куда ему надо было идти. В его голубых глазах светился восторг и уважение. Кстати, он был прекрасным анестезиологом, наркоз давал виртуозно, осечек почти не имел, но когда что-то не ладилось и больной шел в штопор, горестно говорил: «Имеем большие трудности». Хороший был мужик.

Он с интересом выслушал взволнованный рассказ гранд-дамы, гыкнул, углубил в улыбке носогубные складки и охотно отправился проводить политико-воспитательную работу. Ему не терпелось выяснить все подробности. От него мы их потом и узнали. Славное было время! Партийное.

Партийное-то партийное, но очень непростое. Однажды приключилась такая история. Это была середина семидесятых. К нам поступил некий пациент с тяжелой черепно-мозговой травмой. Его жестоко избили бутылкой с кефиром. Прямо на лестничной площадке перед дверью его квартиры. Кошмар! Голову расколотили вдребезги, чуть не убили. Спасло то, что он был изрядно выпивший. Алкоголь играет роль наркотизатора. Это его и спасло.

Я сам устроил этого человека к нам в институт. Позвонила моя сестра, соединила со своей подругой, известной переводчицей с болгарского, и та слезно попросила перевести ее друга из Боткинской к нам. Человек она была сверхделикатный, по пустякам бы просить не стала, и я активно включился в процесс перевода. Позвонил в Боткинскую, в реанимацию.

Лечащий врач измученным усталым голосом (работа там адская) сказал, что если хотите забрать, то пожалуйста, но поскорее, а то вот-вот помрет. Очень плох. На вопрос, транспортабелен ли, получил ответ: «Терять нечего, на реанимобиле выдержит, да и ехать близко, десять минут».

Я пошел к главному врачу, фамилия больного никому не знакома, мало ли травматиков, которым по башке звезданули. Перевели, трахеостому сделали, аппаратом провентилировали. Антонина с ним повозилась изрядно. Он и оклемался. Дня через три вышел из комы. Глазами лупает, что-то сказать пытается. Белобрысенький, ногти обкусаны, щетина пегая. Антонина ему что-то в вену капает, то одно, то другое. Щетину побрила электробритвой, обихаживает. Хороший доктор своего больного пестует как родственника. Но через несколько дней вдруг сама приходит ко мне:

— А вы его откуда знаете?

— Да ниоткуда. Знакомые попросили. А что?

— Какая-то вокруг пациента возня. Неизвестные люди на меня выходят, звонят, расспрашивают. Я, конечно, в несознанку. А тут по «Голосам» («Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна») стали про него вещать. Он, оказывается, переводчик с немецкого (может, поэтому белобрысый?). Рильке переводил (А кто это такой, не знаете?), теперь Белля переводит. Вот писатель Белль и поднял кипеш. Мужик еще и диссидентствовал, чего-то подписывал, выступал. В общем, выражал несогласие. Вот его и огрели. Ну, мне-то что? Мое дело лечить да на ноги ставить, а там уже пусть разбираются сами. Нам, татарам, все равно.

Прошло еще несколько дней, я зашел в реанимацию. Белобрысый улыбается, что-то

бормочет, ногти отросли, щетины нет, лежит гладкий, перспективный. Я порадовался. На другой день я туда опять попал на обход. Смотрю, а его кровать пустая, аккуратно заправлена. Спрашиваю:

— Антонина, а где переводчик наш?

— Не наш, а ваш. Умер ночью.

— Как это?

— Так это. Я после дежурства, ухожу домой. Устала как собака. Чао!

Не хотела говорить и глаза прятала. На нее это не похоже. Несколько дней не появлялась. Отгулы были за переработку. В этом горячем цеху всегда перерабатывают. Потом вышла, но со мной не общалась. Переводчика похоронили, панихида была, народу набралось много, милиция в отдалении мелькала. Я туда не пошел. Мы к своим бывшим пациентам не ходим в финале. Не принято. Да и компания это не моя. Я — сочувствующий, не более того.

Жизнь дальше крутила свое колесо: работа, семья, дети. Изредка посиделки с друзьями на чьей-то кухне. Пытались меня расспрашивать про погибшего переводчика, но я не знал ничего нового. Поэтому интерес к этому случаю гас на корню.

А вот Антонина проявилась. Я к ней обратился с просьбой съездить посмотреть мать Александра Владимировича Меня, тогда еще не такого знаменитого священника, но человека замечательного: светлого, умного, красивого. Мы тогда только познакомились. Его мать была тяжело больна, он ее обожал и трепетно ухаживал.

Антонина как-то удивленно хмыкнула, когда я упомянул священника, и спросила: «А почему меня зовете, а не Саладыкина, вы вроде с ним общаетесь на партийном поприще?» Я объяснил, что очень доверяю ей как врачу, а с Виталиком мы общаемся сугубо формально, с некоторым эротическим уклоном.

У меня с ним конфуз даже приключился один раз. Нас направили в райком на утверждение какими-то чинами на выборах в Верховный Совет. Меня — на завагитколлективом, а его — завагитпунктом. Или наоборот. Забыл. В райком народу набилось тьма-тьмуца. Со всех предприятий. Вызывают по алфавиту. Наша буква «н» — нейрохирургия, где-то в середине списка, ждать долго. Мы пристроились в уголке и стали мирно беседовать.

Про погоду, про футбол, потом он перешел на любимую тему «женщины и особенности их строения» и так увлекся, что мы прослушали, когда подошла наша буква. К тому времени, когда он закончил рассказ о том, как он несколько раз (?) терял невинность, а я утер слезы смеха, зал опустел. Выяснилось, что мы опоздали. Нас не утвердили. Были большие неприятности. Мы не могли разумно объяснить свое опоздание и тему так отвлекшей нас беседы.

Так что сотрудничать с ним на медицинском поприще я остерегался. Антонина посмеялась, и мы поехали. Случай оказался крайне тяжелым, предсмертным. Антонина подтвердила мою мысль о кишечном кровотечении в результате цирроза печени (старый гепатит, еще в военные годы). Объяснила отцу Александру, что нужно уповать только на Бога, он согласно кивнул головой, и мы уехали. По дороге она еще раз сказала, что старушка не жилец, а сын ее, конечно, супер, она такого никогда не встречала, весь светится. И перекрестилась. Да, когда мы уходили, она ему руку поцеловала, а он ее благословил.

И вдруг под влиянием минуты и доверия ко мне она рассказала о том странном случае с переводчиком-вольнолюбцем. Вернее, о его странной смерти. Оказывается, поздно вечером, во время ее дежурства в отделении появились два молодых и очень серьезных человека. Они были в халатах и шапочках. Правда, шапочки были какие-то мятые и надеты косо. Видно, что они их раньше никогда не надевали. Их привел в реанимацию старший дежурный по институту, неопределенно помахал Антонине рукой и быстренько смылся.

Они строго спросили Тоню, в каком отсеке лежит «имярек». И не менее строго, даже с

несколько скучающей интонацией посоветовали ей сходить в ординаторскую. Попить чайку с коллегами, посудачить о чем-то своем, девичьем. Сказано это было так уверенно и настойчиво, хотя и с определенной долей ерничества, что Антонина неожиданно для себя послушалась и пошла куда велели.

Там никого, кстати, не было. Она тянула большую мензурку спирта, закусила мятной жвачкой, выплюнула, матюгнулась и стала заполнять истории болезни. Буквально через десять минут заглянули смятые шапочки, одобрительно кивнули головами и исчезли навсегда. Она еще посидела, ощущая тревогу и переваривая спиртягу. Даже вспомнила его формулу — $\text{CH}_3\text{CH}_2\text{OH}$. Удивилась ее логичности и пошла к пациентам. Настала ночь, больные дремали, стонали в забытии, хрипели. Все как обычно. Белобрысый как будто тоже спал. Тоня успокоилась. Но на рассвете он умер. Внезапно. Сестра даже не успела ее позвать. Сказала, что перестал дышать. Остановилось сердце. Бросилась реанимировать, но поняла, что бесполезно, и отпустила его с богом. Я больше ни о чем не стал расспрашивать. Чего ее тревожить?

С этого времени я стал ей доверять еще больше. Честная потому что.

Однажды попросил ее поехать со мной к одной пожилой женщине с непонятным диагнозом. Она была матерью моего приятеля-художника. Он иллюстрировал детские книжки: «Гуси-лебеди» и другие сказки. Он казался мне человеком свободным, раскованным, хотя и довольно богемным. Жена его была тоже художницей, очень талантливой. И вот они «намылились» за кордон.

С маленьким сыном. Совсем, с концами. Надоела им советская власть, да и просто хотелось повидать мир. Уфицци, Лувр, Прадо — они же художники.

Но вот богема богемой — Фред Астор, чечетка на столе (он обожал чечетку, в ней был для него особый шик), а мать оставить не мог. Совесть не позволяла. Молодец! Тем более он был единственный сын.

Она была безропотной простой русской женщиной. Очень славной.

И вдруг она заболевает. Температура под сорок, бредит, упало давление. Диагноз непонятен. Грипп? Нет ни кашля, ни насморка. Инсульт? Ноги-руки шевелятся, глотание нормальное, речь — тоже, слова в бреде произносит, вспоминает какую-то речку и лужок.

Сын считал, что это про свою родину, он уже когда-то слышал этот текст. Жаропонижающие — аспирин, парацетамол — не помогают нисколько. Я привез Антонину в помощь. Она покрутила пациентку, повертела, пожалала своими плечами: «Непонятное кино». Велела кислородный баллон прикатить, чтобы подышать качественным воздухом. Прикатали, подышали. Никакого результата. Решили подождать до утра. Разъехались. Сын остался дежурить. А ночью она умерла. Сгорела. Что это было? «Чего тут непонятного, — резюмировала Антонина, — освободила она сына, отпустила с Богом. Видно, хорошая была женщина. Любила его. Не хотела ему кислород перекрывать. Я уже встречала такие случаи». Тонкое, однако, наблюдение.

Антонина вообще была очень чутким человеком. А почему была? Она и сейчас есть где-то. Просто я давно ее не встречал. Наверняка движемся параллельными курсами. Мы же доктора. Оба.

Грустный клоун

Так называется картина, нарисованная моей девятилетней внучкой Машей. В семье — Манечкой. На выставках и в каталогах — Марией. Она настоящая художница. Может быть, ген такой, а может, просто Бог поцеловал в макушку, что, в общем, одно и то же.

Я одного такого клоуна знал, любил и очень жалею, что его уже не стало. Переместился в другое измерение — время подошло. Мое тоже подходит, и я тороплюсь зачем-то рассказать о том, что я видел, чувствовал, знал. Была такая чудная детская книжка Бориса Житкова «Что я видел?» Там маленький мальчик захлебывается от разных

впечатлений и радостно их описывает. Очень хорошая книжка. Я часто чувствую себя этим мальчиком. Только так хорошо, как он (Житков), рассказать не могу. Но стараюсь.

Звали его Лев, но по контрасту с именем он был совершенно не царственен и прайд (семья львов) рыканьем не сдерживал. Его окружение было совершенно необычным — акробаты, дети, инвалиды. Станный перечень, но что было, то было.

Лев Соломонович был детским врачом-невропатологом. Хорошим и очень знающим. Читал специальные книжки, статьи в научных журналах, думал над каждым новым пациентом. Ездил на бесконечные специализации — то по детскому параличу, то по водянке мозга. На этом поприще мы и познакомились много лет назад. Он был совершенно незлобив, врагов не имел, детей любил, свою жену вообще обожал, фанатично собирал библиотеку: фантастику, поэзию, научпоп. Читал и запоминал. Окончил Саратовский мединститут, работал на эпидемиях трахомы где-то на Урале, а потом переместился в маленькую абхазскую Гудауту и остался там навсегда врачом детской больницы для парализованных.

А еще у него была страсть — цирк и акробатика. Казалось, ну какой из Соломоновича акробат? Прекрасный! Мастер спорта СССР, чемпион Абхазии. Еще в юности, на песчаных пляжах Саратова, еврейский мальчишка-сирота (отец погиб на войне) научился стоять на руках как вкопанный, прыгать заднее, переднее, боковое (арабское) и еще черт знает какое сальто, не замечать насмешек, вытирать кровь с разбитых губ, ободранных коленок и делать цирковой «комплимент» — «Оп-ля-ля» с наклоном и так изящно шаркнуть ножкой.

У меня сохранилась фотография — Левка прыгает боковое сальто через райкомовскую «Волгу». «Это первого мая, — пояснял Лев. — В будние дни я через любые машины прыгаю, но в праздники — только через партийные. Народу и начальству нравится. Каждый понимает по-своему. А один раз прыгнул через автоцистерну с вином. Сухим. Но с подкидного мостика. Так взлетел, что еле поймали. Вчетвером ловили. Одному палец вывихнули. Обменя. Вино было «Изабелла». Очень хорошее. Пили долго».

Он открыл акробатическую школу. Потянулись мальчишки и девчонки со всего побережья. Приезжали на электричке, на попутках. Одного пацанчика на ослике привезли. Очень способный оказался. Колесо делал идеально. Постепенно появились свои звезды. Был армянский красивый парнишка, Ашотик, крутил подряд три или четыре сальто и при этом смешно кривлялся. Глаза черные, с вечной армянской печалью. Но с лукавыми искрами. У матери еще пятеро мал мала меньше, а отец стигнул где-то в России. Ни слуху ни духу. Наклепал шестерых и смылся. Мать была счастлива, что хоть этого пристроила. Он как собачонка около Льва Соломоновича крутился. Даже ночевать у него оставался, когда Левина жена Тамуся на дежурство уходила. Она была акушером-гинекологом и в маленьком городке пользовалась огромной славой. Вторая мать всего поселка! Или роды, или аборт — никто мимо не проскакивал.

Ашотик вырос и превратился в Париса — с тонкой талией, мускулистыми ногами-руками и со всеми остальными необходимыми частями, которые у греков прикрывались виноградным листиком или умышленно изображались недоразвитыми. Чтоб не отвлекать внимания от общей красоты. Ашотик не был древним греком и носил красные трусы с черными лампасами.

Лева повез его в Москву поступать в цирковое училище. Я помог им устроиться в гостиницу «Алтай» с удобствами на этаже, и они были довольны. Конкурс был не то триста, не то шестьсот человек на место. Там уже учились его крестники. Когда оценивали экстерьер соискателей (половина сразу отсеялась), обратили внимание на фигуру Ашота. А когда попросили пройти в образе и он, нацепив детскую панамку в виде модной шляпки, изобразил проход Софи Лорен, его сразу перевели в четвертый финальный тур. В стойке он стоял как свеча, прыгал рондат-фляк — сальто по десять раз без остановки по кругу манежа, жонглировал сразу пятью сухумскими мандаринами и в конце положил перед каждым членом жюри слегка очищенный плод.

В общем, Левку поздравили, Ашота приняли и дали место в общаге. Лева его обнял, сказал какое-то слово, поместился в поезд Москва — Сухуми на боковую полку и отбыл в

Гудауту малой скоростью. Денег было негусто.

Потом он сотворил еще одно благое, необычное дело. В больнице-санатории лечились юноши, девушки и дети, перенесшие полиомиелит. Несчастье, которое их настигло, оставило им сухие параличные ноги. При полном благополучии всех остальных органов и членов. Включая голову. Умные были ребята. Лева, начитавшись каких-то переводных английских авторов, решил из них сделать рукоходов. Так раскачать и укрепить верхнюю часть туловища и рук, чтобы они смогли как-то возместить, скомпенсировать свою ножную убогость. И ведь получилось! Ребята фанатично занимались и превратились в настоящих атлетов. Мощные торсы, мышцы, как канаты, шеи, как колонны. Если не смотреть на ноги. А что на них смотреть? Ну, не повезло с ногами.

Один из парней, Нерсик, так накачался, что делал стойки на одной руке, поднимался на руках по лестнице-стремянке, спрыгивал с этой стремянки опять же на руки. Цирковой номер! Настоящий рукоход! Лев и его повез в Москву, да не в училище, а прямо в цирк. И ведь приняли! И номер поставили. И Нерсик срывал шквал аплодисментов, забираясь на руках на какую-то поднебесно-купольную лестницу, и сотворял там всякие чудеса эквилибра, демонстрировал потрясающей красоты торсы, могучие руки и невозмутимо-равнодушное лицо с могучим же армянским носом.

Думаете, легко новичку в цирке получить номер? Но тут уж действовали Левкины связи и знакомства. Дело в том, что по всем циркам страны тогда гремела группа акробатов Замоткиных. Он и сейчас жив, скромный и даже застенчивый Володя Замоткин, и его милая жена и ассистентка Элочка. Только ходить ему мучительно тяжело — колени раздолбаны, как буфера у старого вагона. Болят, скрипят и не держат.

Этот Володя, кстати, тоже саратовский сопляжник Льва, исполнял единственный в мире номер — сальто-мортале на ходулях. Акробат становился на двухметровые ходули, превращаясь в сказочного монстра-кузнечика, и с подкидной доски крутил сумасшедшее сальто, приземляясь на опилки без всякой страховки. Простенько так взлетал на высоту двухэтажного дома, переворачивался там через голову на 360 градусов и грохался с этой высоты на палки — ходули-ноги, чуть приседая для амортизации. Больно! Но улыбка была абсолютно радостной, до ушей. Оп-ля-ля. И публика, конечно, не видела ссадин, синяков, растяжений и опухолей, которые сопровождали каждого прыгуна на утренних тренировках в пустом цирке. Иногда со страховочной лонжей, а иногда и без. Невидимые миру слезы.

Но цирк — как наркотик. Кто вкусил, не может выплюнуть или завязать совсем. Левку уберегла врачебная стезя — ему хотелось лечить людей, а не только удивлять и развлекать.

Ведь цирк — это удивление. Надо уметь делать то, что другие не умеют и никогда не научатся. Завязывать удава вокруг шеи. Совать голову в пасть бегемоту. Стоять вниз головой на одной руке, а другой рукой играть серенаду Шуберта на гусях или, еще лучше, на двуручной пиле. Надо, чтобы зритель понял — он этого сделать не сумеет. Это его очень удивит и озадачит

Больше всех Лева уважал клоунов, просто благоговел и преклонялся. Клоун должен уметь делать все, что другие артисты делают, но делать это смешно и нелепо. У него дурацкий костюм. Короткие рукава и штанины, огромные башмаки и рыжий лохматый парик. Настолько огненно-рыжий, что клоунов и называли рыжим. Он должен спотыкаться на ровном месте и падать в какую-то неподходящую среду — лужу, известку, на бревно.

Сам клоун почти никогда не смеется. Он — не весел. Плакать — плачет, заливая слезами своего визави в двух метрах от него. Горюет, страдает, боится, несчастливо влюбляется — и делает это все таким образом, чтобы над ним смеялись другие. Труднейшая роль! С нею справлялись только великие. Чарли Чаплин — великий, например.

Лева и сам был по натуре таким клоуном. Печальным, веселым и удивительным.

Его авторитет в цирковой среде был огромным. Когда приезжал в Москву, то звал всех друзей в цирк. Нас пропускали без билетов, сажали в директорскую ложу и почтительно говорили: «Сам Мильман приехал». Такая неарийская фамилия никого не смущала. Человек умел делать дело. В маленьком приморском городке клепать кадры для Его Величества

Цирка. И делать это абсолютно бескорыстно, из интереса.

Один раз и для него наступил час «икс». Этот час встречается в жизни у любого человека, иногда раз, иногда два, редко — три. После чего биография делает резкий поворот, ее рельсы идут в новом направлении — иногда к счастью, иногда наоборот. В прославленной акробатической группе заболел центровой. Без него ансамбль рассыпался. А через две недели надо ехать на гастроли в Австралию. А оттуда в Сингапур, Гонконг и Малайзию. Одним словом, на Борнео. Само слово-то какое — Бор-не-о. Романтика! Левке предложили войти в эту элитную труппу, чуть потренироваться и вылететь на сказочные гастроли. Каков соблазн! Вот страдание! С одной стороны — Борнео, Австралия, аборигены, утконосы, здесь зима, там лето. Лихая и совершенно новая жизнь, а с другой — семья, обожаемые жена и дети, а еще и парализованные ребятишки в больнице, которые спят и видят себя акробатами, силачами, ловкачами! Левка мучился-мучился и... остался. Если бы поехал, то больше в медицину не вернулся бы. Он знал, что цирк засасывает, как очаровательная зеленая травка на коварном болоте. Наступил... и привет. С концами. Даже булькнуть не успеешь. Друзья-циркачи рассказывали.

Я подозреваю, что и жена Тамуся внесла свою лепту. Вспоминается чудесный фильм «Тридцать три», когда Травкин-Леонов на «Чайке» перед полетом на Марс едет посоветоваться с женой. Получает мокрым полотенцем по морде и обреченно (облегченно) докладывает: «Семья согласна!» Думаю, что здесь было что-то похожее.

В общем, он остался. Но начал писать стихи. Они у него получались совершенно цирковыми и очень искренними — с нелепыми выкрутасами. Левку обвиняли в графоманстве, отмахивались (я, увы, в том числе), а он писал их и писал. Ночью. У него была бессонница. Тематика стихов была широкая и разнообразная — на смерть Листьева и футбол одноногих инвалидов, события у Белого дома и нежность к жене. Вот послушайте:

«Нет болей в суставах,
Когда снимаешь платье.—
Снимают усталость
Крепкие объятия,
Жена и осьминог...
Какие глупости!! У каждого своя судьба.
Но мне от осьминога еще б
четыре щупальца,
Чтоб всю покрепче обнимать тебя».

Немного коряво и нескладно, но чувства, чувства каковы! А еще в своих стихах он устраивал всякие цирковые штучки: акростих, монорим, омфоним, слова-перевертыши. От этой словесной акробатики сама поэзия абсолютно увядала, но он этого не замечал и радовался вообще всякому словесному разнообразию.

Еще он любил делать из пластилина различные акробатические пирамиды. Сначала из проволочек мастерил каркас, а потом одевал его желтым, синим, красным пластилином. Его персонажи делали стойки на руках и голове, горизонтальные висы — «крокодилы», мостики и арабески. Иногда целыми ночами лепил. Чтоб не страдать от бессонницы. Сейчас в Гудаутах есть целый музей этих фигурок. Их более ста. Как музей мадам Тюссо. Он фотографировал эти композиции, а на обороте писал «стишата» (его выражение):

Скепсис свой побереги,
Перо поэта здесь бессильно.
Ну и что, что нет ноги —
Им костыли, как крылья.

Хоть это звучит банально, но он действительно приносил увечным детям радость,

крылья, надежду. Это дорогого стоит. Сам он был сказочно бескорыстен и непрактичен. Целый вечер трясся на «уазике» по горным дорогам, старика-инсультника консультировал. «Устал как собака, но хорошо заработал! Подарили пятьдесят рублей». Увидев на моем лице крайнее удивление, оправдывался: «Мы же в Абхазии. У нас на эти деньги можно курицу купить, сулугуни, зелень и еще на домашнее вино останется. Мы люди не гордые, на целую неделю еды хватит». Иной уровень жизни.

Они с Тамусей вырастили двоих детей. Сын — инженер, уехал в Москву. Живет трудной жизнью. Дочь стала врачом-невропатологом. Очень работающая и живучая. В маленьком городке под Саратовом скооперировалась еще с двумя врачами и кормят поросенка. Осенью забивают его и имеют на зиму мясо. На три врачебные семьи. Саратовским депутатам в Думе и Совете Федерации, включая губернатора, забыл его фамилию, такое и не снилось. Там миллионы и защита чести и достоинства от журналюг. А здесь задашь болтушку поросенку между утренним и вечерним обходом — и порядок. Все сыты. Доктор еще успевает смотаться в Саратов, на курсы усовершенствования врачей. На специализацию — эпилепсия. Или — Альцгеймер. В самый раз. Смеется, когда рассказывает. Левка часто к ней приезжал. Внучат обучал акробатике.

А потом начались удары судьбы. Жестокие и несправедливые. Лев был к ним не готов. А кто к ним может быть готов? Я? Вы, мой читатель? Не знаю, не знаю. Нелепо, трагически погиб старший внук. Семья у сына распалась. Он записался в Чернобыль. Ликвидатором. Облужился. Вторая группа инвалидности. Согнулся, но не сломался.

Левины гены, наверно, помогли. Ремонтирует машины, пестует огород, доит коз, молоко отдает двум-трем подшефным ребятишкам. Увечным, бедным, но веселым и обнадеженным. Он их тоже акробатикой потчует. Как и отец, считает ее универсальным лекарством.

Однако это «универсальное» лекарство имело и обратную сторону медали. У Левки начали разрушаться и болеть коленные суставы. Это участь всех акробатов-прыгунов. Человеческие коленки рассчитаны на многие тысячи сгибаний-разгибаний, даже на сотни тысяч. Сколько раз человек встанет-сядет, сделает шаги вперед, вверх и вниз по лестницам и пригоркам, прокатится на лыжах и коньках-роликах и тому подобное. Ну, еще немного попрыгает через лужу или вверх — от избытка чувств. Но когда он прыгает через райкомовский лимузин или вертит сальто на ходулях, то, извините, скромный и простой коленный сустав долго не вытерпит, он хочет смягчить эти зверские жесткие удары и начинает страдать. Сохнет в нем смазка, откладываются соли, истончаются хрящи и связки. Сустав скрипит, болит и распухает. Болит так, как будто в него насыпали толченое стекло, как будто налили кипятку.

Леве пришлось взять палочку, а потом и два костыля. Чтоб хоть как-то разгрузить многострадальные коленки. Акробат и клоун — и вдруг на костылях. Станешь тут печальным.

Я пытался его немного подлечить, придумал специальную физиотерапию. Она помогла, боли уменьшились, он стал опираться только на один костыль. И тут же увлекся... футболом для инвалидов. Для одноногих: «Мяч ведь бьют одной ногой... Только вместо белых крыльев мы имеем костыли...»

Мы движения ускорим,
С Марадоною поспорим,
Мы имеем три опоры,
А у них ведь только две.

Он ездил на разные футбольные баталии, кричал до хрипоты, когда мяч влетал в чьи-то ворота, забитый то ли ногой, то ли костылем. Привозил и дарил треугольные памятные вымпелы. В общем, как-то забылся и отвлекся. И тут — на тебе: внезапно умирает жена. Он в Саратове, она в Гудаутах, жаркий июльский день. Она оперирует — «кесарит», потом

трудные роды, одни, вторые. Становится нехорошо, давление, капельница, инфаркт. Все.

«И для меня вдруг ночь настала/ в разгаре солнечного дня...» Стихотворение так и называется: «Я не могу никак очнуться...». Ему стало скучно жить. Даже цирк его больше не радовал. Произошло смещение «удельного веса жизни». То, что казалось ценным и важным, стало легковесным и незначительным, шутки и цирковой смех ощущались плоскими и несмешными.

Как Дон Кихот, порой мы продолжаем
с жизнью биться,
И ничего я не могу забыть.
Ах, как мне хочется с выводами ошибиться,
Ах, как мне хочется так людям нужным быть.

Он был чистый, хороший человек. Грустный клоун.

Сгущение крови

Леван Александрович был худощавым и подтянутым. Щеточка седых усов лежала точно посередине верхней губы. Пряжка брючного ремня точно по центру, ни на миллиметр влево или вправо. Он и оперировал так же — ровно и аккуратно, избегая рискованных ситуаций и необдуманных действий. «Эх, была не была» к нему совершенно не относилось.

Хороший нейрохирург и, несмотря на выраженную осторожность, — очень удачливый. Все-то у него складывалось как надо. Одно дело плотно прилегало к другому, без зазоров и перекосов. И лишнего тоже ничего не делал, а это в хирургии очень важно — не делать лишнего, непродуманного. А главное — воздерживаться от тех операций, которых можно избежать. Это безусловный признак очень хорошего врача-хирурга. Как у больших писателей — можешь не писать? Ну и не пиши.

Он был учеником знаменитого грузинского «бриллианта» — Бондо Чиковани, к сожалению, рано умершего от профессиональной болезни хирургов всего мира — стенокардии и инфаркта миокарда. Однако все самое лучшее — знания, взвешенность, высокую технику — Леван успел взять у своего учителя. Раннюю стенокардию, к счастью, не взял. Приобрел позже, но об этом дальше. Зато вскоре стал главным нейрохирургом республики, потеснив без особых усилий очень серьезных и весомых конкурентов.

Он оперировал не так уж часто — два-три раза в неделю. Больше не удавалось. Слишком много побочных обязанностей — комиссии, консилиумы, обучение молодых. Но главное, бесконечные торжества — веселые и печальные, юбилейные и похоронные. Что подделаешь? Грузины, как все кавказские народы, обязаны крестить, хоронить, женить, отмечать памятные даты всех близких, далеких и даже очень далеких родичей и друзей, а также родичей друзей и друзей родичей. Это отнимает массу времени и сил, но избежать этого нельзя. Это обида. Не принято здесь!

Вот на крестинах внука своего соседа по даче Леван и почувствовал заметный неполадок в организме, рука неуверенно держала стаканчик вина, какой-то этот стаканчик был тяжелый и неуклюжий. «Переутомился, — решил Леван, — надо отоспаться». Собственно, никакой дачи там еще и не было, так, развалюха в деревне, досталась жене от тетки. Он собирался ее перестраивать. В Кахетии любят все переделывать на свой лад.

Но на другой день за рулем своей «Волги» он удивленно обнаружил, что левая нога плохо выжимает педаль сцепления, какими-то рывками, толчками. «Странно, — подумал он, — машина только из ремонта».

Дальше — больше: стал заметно хромать, нога цеплялась за любую неровность, любой кустик. А из руки стали выпадать простые предметы — кружка, зубная щетка, да и вакуум-отсос (это такая трубочка со шлангом) однажды на операции потянуло куда-то в сторону, хорошо, что ассистент перехватил.

Пришлось дальнейшие операции отменить и выехать для обследования в Москву. Он категорически не хотел заниматься диагностикой в родных стенах. Ведь Тбилиси хоть и столица, но большая деревня. Все друг друга знают и готовы обсуждать чужие проблемы с утра до вечера, комментируя по-своему любой шаг и любое слово. Только не это. Такая болтовня не для него.

Положили в отдельную палату в Институте им. Бурденко — главном нейрохирургическом центре тогдашнего еще Советского Союза. Вообще-то одиночных палат там и не было, но заведующий отделением любезно предложил свой кабинет, перебравшись в ординаторскую к прочему врачебному народу, поближе к массам. Кроме того, срабатывало и коллегиальное чувство, свой брат-хирург пострадал. Да еще в памяти было ярко отпечатано фантастическое грузинское гостеприимство, хлеб-соль на свежем воздухе, когда научные семинары и коллоквиумы служили лишь легким туманным орнаментом в непреходящей картине застолий на Мтацминде, на фуникулере, во Мцхетах и еще в десятках живописных и хорошо приспособленных для этого мест.

Но это все мемурии, воспоминания. А действительность была невеселой. Подозревалась опухоль, причем быстро растущая, в правой лобно-височной области. Магнитного резонанса в те годы еще не было, а компьютерный томограф показывал какую-то странную тень — то ли формирующуюся опухоль, то ли опухолеподобный инсульт. Такое тоже известно.

Я навещал его, но в суть болезни не вникал — уж очень авторитетные доктора им занимались. Но потом ко мне пришла его жена Нана, сначала говорила какие-то общие слова и вдруг горько заплакала. Мы, когда бывали в Грузии, с женой и дочкой любовались этой красивой и властной женщиной — и как она управлялась с детьми, невестками, внуками и руководила домом, да и Левана держала в обходительной строгости. Она нас научила сворачивать вокруг пальца в кольцо лук-порей (в Москве тогда мало известный), окунать в солонку и прикусывать с мягким лавашом. Вкусно! А тут она, высокая, гордая, с черной копной волос, в которых уже серебрятся нити, плачет навзрыд, закрыв лицо ладонями. У меня мороз по коже.

Потом как-то успокоилась и стала рассказывать.

— Ему становится хуже, а ничего кардинального не делается. Только обследования и обсуждения. На ноге флебит образовался, капают в вену электролиты и все неудачно — вены быстро тромбируются. Я ведь тоже врач, хоть и биохимик, и понимаю, что идет какая-то пробуксовка, а время уходит, и он слабеет на моих глазах. Что мне делать?

Как ни странно, я кое-что придумал. Отвлекся от авторитета коллег.

В те годы я только узнал о ДВС — синдроме, когда у человека изменяется (по разным причинам) текучесть крови по сосудам. Еще из курса гистологии известно, что внутренняя поверхность артерий должна быть гладкой, как идеально отполированное зеркало. Такой гладкой, что, если искусственно отполированную поверхность посмотреть в микроскоп, она покажется лунным перекореженным пейзажем по сравнению с идеальной гладкостью человеческого сосуда. Если бы можно было в них заглянуть, то предстала бы фантастически гладкая и завораживающая взгляд трубка, втягивающая вас прямо в себя, как тоннель. Конечно, некоторая гипербола, но красиво.

Так вот кровь прямо катится, не останавливаясь и ни за что не цепляясь, по этому тоннелю, который разветвляется на все более мелкие, но такие же гладкие сосудики вплоть до крошечных капилляров. Такая механика у здорового человека. Но вот бывает, что кровь — а это тоже сложная и совершенно неоднородная река, начинает прилипать по краям этой полированной трубки, по ее основанию, по стенкам. Это называется «внутрисосудистое свертывание». Просвет сосуда сужается, кровь уже не «катится», как ртутный шарик, а с трудом продирается через дебри свернувшихся собственных телец. Как жидкое молоко превращается в густую простоквашу, а легкий морсик становится тягучим киселем. Повторюсь, что эти сравнения для непосвященных, а на самом деле картина намного сложнее.

В результате кровь не попадает туда, куда надо, а если и добирается до нужного органа, то совершенно не в том количестве и качестве, которое необходимо для нормальной жизни этого самого органа. Кровь туда не «текет» или «текет» недостаточно. Ну, натурально, этот орган или его участок хиреет, чахнет и вызывает массу неприятностей у живого (пока еще) человека.

Вот такую «неприятность» я и заподозрил у моего коллеги. Однако банальные анализы на свертываемость крови были вполне благопристойны и у лечащих врачей не вызывали никакой озабоченности. Меня же смущала клиника: быстрое тромбирование вен под капельницами, жалобы процедурных сестер на трудности внутривенных инъекций (я дважды присутствовал при этих неудачных манипуляциях), наконец, тромбофлебит (воспаление) на одной ноге. Нога распухла и была постоянно закутана плотной повязкой, от которой исходил могучий запах мази Вишневского — дегтя и рыбьего жира в чудном сочетании. Эта мазь, кстати, спасла жизнь тысячам раненых, это отдельная поэма, но ее броневой аромат не забывается никогда. Как сыр у Джерома — в сорок лошадиных сил.

Но это так, по ходу дела.

Подобную ситуацию со свертыванием крови я встречал в своей практике не раз и не два, а все сто двадцать два. Даже, увы, у собственного отца. Много лет назад. Банальные анализы как будто нормальные, а «счастья нет».

И всегда в этих случаях меня выручала одна лаборатория, находящаяся в недрах Института акушерства и гинекологии на самой окраине нашей гигантской Москвы. Добираться туда было сущей пыткой, на машине через «пробки» вообще невозможно, а на метро и автобусе — достижимо, но с помятыми боками и оторванными пуговицами. Кстати, название у лаборатории благозвучное — гемостазиологии, или коагулографии. Коротко и ясно.

Создатель этой лаборатории (о нем отдельный разговор) завел непреложное правило: заполнять все клеточки-показатели, которые существуют в стандартном бланке свертываемости. Не отдельные выборочные и даже не большинство, а все без исключения. Просто? Просто-то просто, да не хочется. Лень и халтура преследуют человека на всем его трудовом пути. Борьба трудна. Бывают, конечно, исключения. Вот порядок в этой лаборатории и был таким приятным исключением. В результате подробного заполнения рисовалась довольно полная картина свертывающей системы крови, а выводы были почти всегда безошибочны. Если даже не было четких указаний, то отмечалась хотя бы тенденция, а это тоже пицца для размышлений и действий.

Да, кстати, о создателе и вдохновителе этой не по-русски педантичной лаборатории. Поучительная история. Много лет назад, лет за десять, а то и пятнадцать до этого, в Москву приехал юноша поступать в Первый медицинский. Поступил. Его отец был тоже врачом, популярным и преуспевающим в масштабе маленького приморского городка на юге Грузии. Он был не только авторитетным и удачливым акушером-гинекологом, что почетно в любой местности, но и весьма умным и проницательным человеком, что встречается гораздо реже также в любой местности.

Навестив сына в Москве после первой же сессии и увидев все соблазны, которые как-то плотно окружают красивого и мягкого грузинского юношу, и с трудом, как он шутил, сам избежав этих соблазнов, он принял совершенно кардинальное решение. Поднатужившись морально и, главное, материально, он нашел нужных людей в министерстве (коррупция тогда только зачиналась и была доступна для относительно простых людей) и добился, чтобы сына Гурама отправили учиться в Париж, в Сорбонну, по обмену. Была такая форма. Гурама туда, а Пьера (условно) — нефтяника — сюда. Абсолютная идиллия. Тем более что грузин учился во французской школе и преуспевал в языке, а Пьер ходил зачем-то на курсы славистики. Сначала в качестве чудачества, а потом пригодилось. Все и устроилось.

Прошло пять или шесть лет, а может, и все восемь. Что стало с Пьером, мне неизвестно, а вот Гурам появился в Москве совершенно в умопомрачительном виде: синий блейзер,

блестящие пуговицы, кремовые брюки в стрелочку, начищенные ботинки и свободный французский с парижским прононсом. Каково? А еще, кроме того, за спиной аспирантура и прекрасная диссертация по свертывающим системам крови. Глубокие знания и желание заниматься наукой.

Заодно прихвачена лаборатория и методика работы в этом направлении. Точная и педантичная.

Шутки шутками, а результаты, которые выдавал Гурам, а потом и обученные им милые женщины-гематологи, позволяли серьезно корректировать лечение многих больных. Полезное дело.

Офранцузенный Гурам спас чисто кахетинского Левана. У него в крови оказался тот самый «синдром внутрисосудистого свертывания», что привело к нарастающему ишемическому инсульту. В мозгу образовалась зона, куда из-за тромбоза кровь почти не попадала. И функция мозговых клеток в этой области неуклонно гасла. Отсюда и парализация руки и ноги, головные боли, снижение памяти, медленное угасание мышления, концентрации внимания и прочих важнейших функций, которые и определяют суть человека. Медленный, но неуклонный конец. Б-р-р-р!

Но здесь все оказалось оптимистичней. Получив такой важный ориентир, доктора (по совету тех же моих знакомых гематологов) назначили нашему пациенту больше дозы гепарина. Два раза в день уколы подкожно прямо в живот. Как колют инсулин. Гепарин — пиявочный продукт. Этот малоприятный на вид червячок — великий целитель. Известен еще с времен Древней Греции. Греки любили оттягивать лишнюю кровь. Когда долго не было войны. Потом этим полезным делом занимался известный Дуримар.

Давно известно, что пиявка присасывается к теплomu телу (холодное ее не волнует), анестезирует место укуса и сразу вводит в ранку противосвертывающее вещество — гирудин. Для комфортного поглощения слишком густой крови, как мы разводим молоком кашу или поглощаем коктейль через трубочку. На этом принципе и основано лечебное действие гепарина — производное гирудина. Кровь умеренно разжижается, и кровообращение в пострадавшем органе налаживается. Это, конечно, примитивная схема, все гораздо сложнее, но для понимания ситуации вполне достаточно.

Вскоре я торжествовал. Моя идея материализовалась. Леван начал выздоравливать — прояснился вздор, ушло общее «обалдение» и онемение, задвигалась вначале нога, а потом и рука. Вокруг народ удивленно пожимал плечами и благосклонно радовался — никто не ожидал такого исхода. Про Нану и говорить нечего, она вся светилась.

Вот почти и вся история. Леван Александрович вернулся не только в Тбилиси, но и к операционному столу и помог выскочить, «выкрутиться» из смертельного тупика не одному десятку пациентов. Еще пять или шесть лет он активно работал, растил внуков и, к сожалению, перестраивал дачу.

Она же его в конце концов и погубила. Лихо оседлав конек крыши и что-то там прилаживая, он не обеспечил себя хорошими лесами. Понадеявшись на хилые ступеньки самодельной лестницы, свалился с самой верхотуры и ударился грудью.

Охая и стеная, поднялся и принялся за верстаком выправлять согнутые гвозди. Труженик! Вечером поднялась температура, одышка, его с трудом довели до клиники и через несколько дней он умер от гнойного перикардита — воспаления околосердечной сумки. Остановить это злостное воспаление не удалось никакими антибиотиками. Вот так судьба и «косая» за ним следили, и на этот раз шанса на спасение не оставили. А человек был замечательный.

Письмо из Грузии

Уважаемый Владимир Львович, ко мне в руки попала Ваша книга «Один день и вся жизнь», где Вы выражаете симпатию к грузинскому (мингрельскому) народу, описываете

наш обряд гостеприимства.

Наша деревня Анаклия Зугдидского района расположена там, где река Ингури впадает в море, где Вы когда-то один день находились в гостях и выходили на катере. Среди сопровождающих Вас находился человек, который рассказывал, как в начале войны его захватила немецкая подлодка. Этот человек был наш односельчанин Варлам Кикинадзе, он умер несколько лет назад.

После прогулки по морю Вас пригласили на обед в дом, где жили специалисты Анаклийского Животноводческого совхоза, муж и жена: он — ветврач, она — зоотехник. Эти добрые люди уже здесь не живут. Что касается остальных, кто Вас сердечно принимал: Тотоба, Дато, Котэ, — царствие им небесное!

Ваша книга «Один день и вся жизнь» — большая награда для нашего народа, я сравниваю ее с орденом чести, которым Вы наградили грузин.

Эта книга явилась маленькой частицей истории нашего народа, и скажу больше — Ваша книга есть учение Христа, призывающего любить и уважать друг друга!

Хотелось бы, чтоб «Один день и вся жизнь» стала настольной книгой в каждой грузинской семье, чтобы люди знали, что есть в мире здравомыслящие творцы, умеющие ценить совесть, честь и моральный уровень грузинского народа. Я не собираюсь Вам льстить, нет... я высказал свои мысли, возникшие после чтения книги.

Дорогой Владимир Львович! После Вашего приезда у нас кое-что изменилось, но верьте, грузинское гостеприимство осталось прежним.

Приезжайте в гости и убедитесь в этом. Крепко жму Вашу руку и молю Бога о Вашем здоровье.

Суважением, Ваш почитатель, Важа Александрович Салия.

5.05.2007 г.

Свой крест

Меня всегда привлекала Грузия и сами грузины. Вот передо мной цитата из книги малоизвестного немецкого искусствоведа Винкельмана (XVIII век — 250 лет назад): «...Существуют целые народы, у которых красота вовсе не считается преимуществом, так как все красивы. Путешественники единодушно говорят это о грузинах».

А откуда на моих полках этот Винкельман? Иоганн, Иоахим. Издательство «Академия», 1935 год. Почти год моего рождения. Чуть позже. Давно. Откуда? Читаю надпись: «С глубоким уважением Владимиру Львовичу от Темура. 8.IX, пятница — 1972 г.», и сбоку нарисован маленький крестик. Над этой надписью наискосок — другая, поблекшая: «Дорогой Ламаре от Нины». Без числа. Друг другу передаривали. По пятницам. Мне тоже подарили. В пятницу.

Но грузины действительно красивы. И очень мне нравятся. Хочется о них писать.

Темур, надо произносить «Тэмур», — очень импозантный юноша. Прекрасный. Но большой! Психически. У него есть список — кого надо убить в первую очередь, а кого во вторую. Первым стоит отец. Но в скобках приписка: «Не убивать, пока дает деньги». Очень толковое добавление.

Его отец — Дато — маленького росточка. Сильно хромой. Ходит быстро, валится на одну сторону. Неудачно сросшийся перелом шейки бедра: было приключение. Ехал в поезде Тбилиси — Кутаиси. Медленный поезд. Идет двенадцать часов всего триста километров. Скорость — четыре километра в час. Останавливается не просто у каждого полустанка, но и у любой лежащей на путях коровы. Те же любят полежать на остывающих рельсах, послушать их гудение, при случае почесаться о светофор. Хорошо проводят время. Я сам бы так хотел. Дато был слегка выпивши и гнался вдоль всех вагонов за хорошенькой девушкой. Она смеялась и не давалась. Спряталась за тамбурной дверью. Дато так стремительно ее догонял, что не заметил открытую дверь из этого вагона. Шагнул туда, прямо в кусты. Под треск ночных цикад и потрясающие ароматы грузинского лета. Пролежал до утра. Даже

вздремнул. До следующего поезда. Никто его не искал. Оперировать перелом не решился, срослось криво. Однако это его мало беспокоило.

Преподавал биологию в педагогическом вузе. Он любил биологию и женщин. На первых же занятиях по биологии он взвешивал девушек. «Надо знать собственный вес, — убеждал он удивленных девиц, — вес влияет на все ваши биологические характеристики: темперамент, ум, эмоции, цвет волос, качество кожи. Что может быть лучше гладкой полной блондинки? Только очень полная гладкая брюнетка. Ха-ха-ха. Сейчас я помогу вам встать на весы, вы многое поймете и лучше узнаете себя». Это была ключевая фраза — «помогу встать на весы». Он поддерживал их под локоток, касался талии. Ниже не касался, только оглядывал с удовольствием. Очень он любил этот отряд млекопитающих. Конкретное — Из чего происходит млекопитание — его тоже интересовало:

— Форма груди и ее консистенция (он выражался научно) тоже влияют на общий вес. И наоборот.

— То есть как — наоборот? — спрашивали некоторые наивные взвешиваемые.

— Вот будете ходить на мои лекции, узнаете много интересного. Я и мужчинам (мальчикам) расскажу весьма полезные сведения. По биологии, разумеется.

Студенты улыбались, но на лекции ходили охотно. Он там, правда, больше сбивался на физиологическую разницу полов, размножение, оплодотворение и прочие увлекательные биологические штучки. Но это и давало ему заполненную аудиторию. Начальство хвалило и ставило в пример другим кафедрам. Те возмущенно передергивали плечами и саркастически улыбались.

Зачеты и экзамены он принимал тоже с определенным уклоном. В одной из групп студенты пошли даже на смелый эксперимент. Прислали ему в качестве коллективного сдающего одну студентку. Очень аппетитную: гладкую, полную и весьма опытную, без ненужных комплексов. Как он там в кабинете ее экзаменовал — осталось неизвестным, но через полчаса студентка высунула в дверь белую руку с ярко-красным маникюром и часть растрепанной головы и хрипло сказала: «Давайте зачетки! Все!» Группа ликовала. Девица потом сияла как именинница.

В деканате насторожились и вызвали к ректору для объяснения. Но как раз в это время он выпал из поезда и сломал ногу. Пока лечился, дело заглохло. Лихой был мужик.

Очень опекал свою семью. Жена у него была тоже профессорша. Патологоанатом. Специфическая профессия. На большого любителя. Кончилось тем, что ее хватил инсульт. В старину говорили — «кондрашка хватил». Странно было бы, если бы не хватил: сын — шизофреник, муж — женолюб, и вокруг — одни покойники. Вскрытые и не очень. Очумеешь тут!

Я приехал ее консультировать. Лежала тихая, как мышка. Рука и нога не двигались. Но речь сохранилась. Сказала еле слышно «спасибо» и отвернулась к окну. Дато ковылял возбужденно. Потирал руки. «Надо ей помочь, она справится, она молодец», — говорил он, утешая сам себя. Она, не поворачивая головы, сжав здоровую руку в кулак, погрозила ему, а потом построила выразительный кукиш. «Вот, видите, — смеялся Дато, — все понимает и верно оценивает. У нее вообще ум аналитический. Как у меня», — сказал он серьезно и обидчиво поджал губы. Как будто я собирался с ним спорить.

Я сделал назначения, выпил чаю, который подали «племянница из Зугдиди». В таких культурных семьях домработницу обязательно обозначают как родственницу. Молодая девушка с тревожным взглядом и перекрученным на боку передником. Ей было явно не по себе. Вскоре стала понятна причина.

В комнату быстро вошел, почти вбежал юноша. Это и был «Тэмури». Белая рубашка, бархатная черная жилетка (какой-то народный промысел — орнамент цветочками по краям). Русая эспаньолка, мягкие спадающие волосы, пробор не сбоку, а по центру головы. Пристальный, чересчур пристальный взгляд. Эффектный молодой человек. Мельком взглянул на меня и сразу бросился к книжному шкафу, нашел Винкельмана, надписал и подал мне, настойчиво глядя в глаза: «Вы добрый человек, и такая книга вам пригодится».

«Спасибо, спасибо», — забормотал я, стараясь не встречаться с ним глазами. Он крепко пожал мне руку, а потом приложил ее к своей груди, явно подражая какому-то фильму. Потом ласково и широко улыбнулся. Как осветился. Эти метаморфозы очень пугали. Сердце у него колотилось. «Тахикардия, — сказал Темур, прочитав что-то интуитивно в моем взгляде. — Я все их дурацкие термины выучил, а как лечить, они не знают». И кивнул в сторону родителей.

— Тэмурик, пойди в свою комнату, доктор будет осматривать маму, — сказал отец.

— Не пудри, батоно, мне мозги. Он ее уже осмотрел, иначе не стал бы пить чай. Я его уважаю, поэтому и дарю такую важную книгу. Ладно, если вы настаиваете, я уйду, но буду поблизости. — Он поклонился в пояс, так, что его мягкие длинные волосы закрыли лицо, потом резко выпрямился, и волосы взметнулись густой волной. Очень картинно. На это и был расчет. Когда Темур вышел, повисло смущенное молчание.

— Так, так, так, — забарабанил пальцами Дато, — он долго лежал в больнице, стал спокойнее. Они не хотели его выписывать. Пусть, говорили, полежит, подлечится. Да и опасность обострения велика. Я настоял на выписке, забрал домой. Я сам обязан за него отвечать. Это мой крест, и я должен его нести.

Я спросил:

— Разве это не опасно? Все-таки перечень врагов существует, вы сами мне сказали о нем. Какой-то принцип составления подобного списка существует в его мозгу?

— Да нет, обычный бред. Соседи, родственники, случайные прохожие. Даже артисты и политики, которых он видел по телевизору. Лечащий врач-психиатр (очень, кстати, милая женщина) сказала, что у таких больных зачастую имеется список как любимых, так и ненавидимых ими людей. Персонажи переключиваются из одного списка в другой. Его врач сама присутствует там — то в левом, то в правом столбце. Темур делит страницу пополам вертикальной чертой. Слева — кого убить, справа — наградить. Там чуть не по десять человек с каждой стороны. Видно, вы сразу попали в правую сторону, вот он книгу и подарил.

Он как-то быстро на меня глянул, и мы наверняка подумали о том, как я перемещаюсь из правой стороны в левую и что из этого может получиться. В общем, я засобирился уходить, но чтоб сохранить лицо, не спеша повторил назначения несчастной матери, жене очень непростого человека, профессорше, инсультнице и так далее. Она лежала с безучастным видом, как будто нас не слушала.

Я еще раз приходил. Она стала чуть лучше. Начала сидеть в глубоком кресле. Рассматривала гравюры в большой книге: Леонардо да Винчи, Дюрер. Анатомические рисунки. Она же сама анатом. Патологический. Наклоняла голову, и густые мягкие волосы спадали на лицо. Красиво. Сын, оказывается, был на нее похож.

Дато сказал, что у Темура весеннее обострение и его приходится запирают в комнате. «Веселое кино!»

Но «веселье» переросло в драму. Я об этом узнал уже в Москве, через месяц или два после возвращения из Тбилиси.

Весеннее обострение у Темура не только не уменьшилось к лету, но и приобрело уже совершенно агрессивный характер. Он вернулся к «окончательному» принятию решения и стал целыми днями изучать свой список плохих и хороших людей. Плохие явно преобладали. Он горестно качал головой и цокал языком. Что-то бормотал себе под нос. Совсем слетел с катушек.

Отец с беспокойством следил за его нарастающим возбуждением. И когда он поздним вечером стал надевать длинный плащ, застегиваясь на все пуговицы, и прихорашиваться, а потом встал перед зеркалом, чтобы проверить, насколько у него решительный вид (он так и сказал), Дато совсем испугался. И даже пытался его остановить.

Но у шизарей в момент обострения развивается исключительная сила. Одной рукой он легко смел с дороги отца, небрежно отодвинул ногой племянницу и, выскочив на улицу, зашагал куда-то решительной походкой. Отец бросился в комнату Темура, чтобы по черному

списку определить — куда и, главное, к кому отправился больной сын. Список лежал на столе аккуратно придавленный по краям разными тяжелыми предметами: плоскогубцами, неизвестным минералом (сын когда-то в давние счастливые времена учился на геологическом факультете политеха), даже маленькой гантелей. Аккуратно, ровно, как по линейке, была подчеркнута фамилия постоянного лечащего врача — Георгадзе Софиго. Один из лучших психиатров Грузии, внимательный, добросердечный человек, очаровательная женщина.

Дато похолодел, лысина покрылась испариной. Дрожащей рукой, пальцы так тряслись, что он с трудом набрал номер (это было давно, телефоны были со скрипящим диском). Несчастный отец дозвонился до психиатра. Время было позднее и, к счастью, вернее, к несчастью, она была дома.

Еле ворочая пересохшим от волнения языком, Дато прохрипел в трубку: «Калбатано, Софиго! Беда! Тэмури очень возбужден и, как мне кажется, пошел к вам выяснять отношения. Я очень волнуюсь, как бы беды не было. Он последнее время не хотел принимать никаких таблеток».

«Почему вы мне раньше не сообщили о его состоянии? Надо было его отправить в стационар. Ну да ладно. Если он действительно придет ко мне, я сумею ребенка успокоить. Мы столько лет знакомы, он хороший мальчик. Я вам, батано, перезвоню, не волнуйтесь», — вот что сказала напоследок эта милая женщина, профессиональный психиатр.

Но она не перезвонила. Переоценила свои силы. «Хороший мальчик» позвонил в дверь, и, когда она смело ее распахнула, успев только ласково сказать: «Это ты, Тэмурик?», зажмурившись, ударил кухонным ножом в грудь. Прямо в сердце. Она умерла мгновенно. Темур жутко закричал, прибежали родичи. Дальше — тишина. Его отправили в психушку. Навсегда. Больше он оттуда не вышел.

Как потом складывалась жизнь его родителей, я почти не знаю. Краем уха слышал, что мать поднялась, стала ходить, даже себя обслуживала. Но всегда молчала, хотя у нее не было афазии. Один лишь раз сказала: «Не о чем больше говорить». Ее можно понять. Дато долго болел, но потом вернулся на кафедру. Сникший, увядший. Девушек взвешивал рефлексивно, исключительно по привычке. Дорого ему стоила роковая ошибка — «нести свой крест». Слишком пышно было обозначено. А вот теперь он действительно нес свой крест. До конца жизни. Такой вот жизнелюб.

А грузинская жизнь продолжалась. Менялись президенты и министры, лозунги и глобальные цели, «отпадали» целые области и соседские народы. Но грузины оставались красивыми, добрыми и очень деликатными. «Нация воинов и поэтов» — так сказал «белый лис» Э. Шеварднадзе. Тоже хороший гусь. Как и все политики. Но мое отношение к грузинам не меняется. И это хорошо.

Цена шаблона

Она работала в нейрохирургии и была хорошим нейроофтальмологом. По главному дну определяла состояние сосудов всего мозга, оценивала внутричерепное давление, выясняла степень сдавления зрительных нервов. Крепкая профессионалка.

Была работающей, добродушной и смешливой. В коллективе ее любили и подсмеивались над мелко закрученным перманентиком и яркими нелепыми шляпами. В свободное время она их примеривала — красные и желтые, но больше всего любила зеленые, цвета молодой травы. Она от них не могла оторвать глаз.

Защитила диссертацию. Родила сына — без мужа. Мальчишка получился очень красивый, с романтическими глазами, густой шевелюрой и ярким румянцем. Чересчур ярким. Выпадал из образа, но ничего. Все гадали, кто отец, а она загадочно улыбалась, сохраняла инкогнито и совершенно не переживала из-за этого.

Ездила на конференции и семинары общества офтальмологов. Пошла на курсы иридодиагностики — когда по радужке глаза определяют все болезни и даже характер

человека. Очень была увлечена этой наукой. С сыном сидела мама — самоотверженная, преданная и с такими же букельками-перманентиком. Но без шляпы. В платочке.

Так мирно и жили втроем. Растили парня, снимали дачу, принимали гостей с тортиком, раскладывали пасьянс. Она совмещала работу с консультациями в хозрасчетной поликлинике, больные ее любили за конкретность и сопереживание. Зарабатывала вполне прилично. Покупала парню костюмчики, велосипед, потом компьютер и турпоездки. Была хорошим товарищем. Один раз мне тоже очень помогла.

Младший сын, катаясь на санках, упал, перевернулся и серьезно повредил глаз. Она по первому же моему звонку вызвала такси и примчалась, несмотря на воскресный вечер. Обезболила, наложила повязку, успокоила, как могла. На другой день устроила нас в Глазной институт к известному детскому офтальмологу. Последствия, увы, остались, но она была на высоте. Мы с женой всегда это помнили и были благодарны. Такое не забывается.

Вышла на пенсию. Помимо платной поликлиники, подрабатывала и дома. Купила специальную щелевую лампу (где-то уже списанную), повесила таблицу зоркости, принесла грузики для измерения глазного давления (при глаукоме). Бывшие коллеги охотно присылали ей больных, да и пациенты передавали о ней хорошую молву. Смотрела медленно, внимательно, все объясняла и всегда обнадеживала. Писала подробные заключения. Очень толковые.

Шло время, она продолжала работать. Сын вырос и стал врачом. В страховой компании. Мама состарилась и умерла. Это было для нее большим ударом, но она не поддавалась. Правда, ее стали мучить периодические головные боли. Она считала, что от переутомления. Но, несмотря на это, пошла и закончила курсы иглотерапевтов. Увлекалась вначале, но потом вернулась к привычным ей осмотрам.

Однако со временем ее заключения стали слишком стандартными и одинаковыми, даже для разных больных: ангиопатия сетчатки (расширение сосудов глазного дна), шейный остеохондроз — отложение солей в шейных позвонках, воспаление тройничного нерва. Последние она определяла так: нажимала большим пальцем в ямочку над бровью и, увидев болезненную гримасу, радостно говорила: «Ага! Вот он где попался!» Гримасничали или вскрикивали все — она давила очень больно. Так всегда и появлялось заключение: неврит первой ветви тройничного нерва.

Я часто присылал ей больных, но постепенно эти штампы стали мне надоедать. Я стал реже направлять сложных больных. Она огорчалась и обещала исправиться.

Но вот как-то позвонил ее сын и сказал, что у матери подозрение на инсульт, удалось поместить в Кремлевскую больницу. Он устроил ее туда по страховке, но все равно сверху взяли приличные деньги. Пришлось даже продать компьютер.

Но ей не лучше, а хуже — онемела правая рука и ослабла правая же нога, появились затруднения в речи, с трудом добирается до туалета. И с каждым днем становится хуже. Что делать?

Я пошел к начальству, немного похлопотал, и ее перевели к нам, в сосудистое отделение, в хорошую двухместную палату. Вид у нее был ужасный — глаза выпучены, волосы, как пакля, сваялись, углы рта запеклись.

«Во-ло-дичка, — хрипло шептала она, — я тебя сразу узнала. Я совсем пло-ха. Такой у меня ползучий инсульт».

Старший невропатолог отделения Николай Иванович, человек крепко за семьдесят, уставший от медицины и безразлично-ласковый ко всем пациентам, посмотрел на нее, постучал молоточком по сухожилиям, невнятно пробормотал что-то успокоительное и, прочитав заключение Кремлевки, назначил очередные сосудистые и обменные лекарства.

«Мозг надо освежить, — сказал он мне, поглядывая с интересом на закипавший чайник на отдельном аккуратном столике, — но сосуды надо поддержать».

Назначил ультразвуковое исследование сосудов мозга. Оно показало, что есть затруднение кровотока в левой теменной доле.

«Ползучий инсульт, я такой описывал еще сорок лет назад, — сказал Николай

Иванович, — со знаменитым профессором Коноваловым». Действительно был такой авторитетный невролог. Мы все у него учились. Но это было очень давно.

Больше Николай Иванович нашей пациенткой не занимался, только заглядывал мельком на утренних обходах, одобрительно поднимал брови и махал ей рукой. «Лечение получает адекватное», — докладывал он начальству.

Молодой ординатор, который вел больную, бредил только нейрохирургией, мечтал об оперативной деятельности — виртуозной и нескончаемой. Отвлекаться на больную, которую не надо оперировать, ему совершенно не хотелось, и он, уже уходя домой, переодевшись из романтического хирургического зеленого костюма в свой «штатский» пиджак, даже не присаживаясь к столу, писал знаменитое: «Status idem», по-латыни, то есть — все по-прежнему. Но это была халтура и безобразие с его стороны. Потому что она на глазах ухудшалась, уже не присаживалась в постели и, показывая здоровой рукой на голову, жалобно бормотала: «Бо-бо». Очевидно, голова сильно болела, она плакала, два раза была рвота. Это отметили в своем журнале дежурные сестры, но не этот поганец, который упорно и легкомысленно писал St. id.

Я не был у нее целую неделю, хворал. А когда пришел — не узнал: глаза мутные, нос заострился, щека «парусит» при выдохе (кстати, типично для инсульта). На меня поглядела и скрестила на левой руке указательный и средний палец. Сын Алешка печально пояснил: «Это она могилу показывает, она мне раньше это поясняла». Он сидел на низенькой скамеечке около изголовья, и она запускала свои пальцы в шевелюру сына, медленно перебирая его густые каштановые волосы. Очень его любила.

В ординаторской все были заняты важными делами — обсуждали прошедшую сложную операцию, покупку Абрамовичем футбольной команды «Челси», общее потепление климата. Николай Иванович в своем кабинете по-прежнему пил чай с маленькими сушками, обгрызая их своими еще крепкими зубами. «Пока еще все свои», — гордо показывал на свой рот и смеялся. До нее никому не было дела. Все понятно — инсульт.

— Надо ее выписать, чего ее мучить? — сказал Николай Иванович.

— Дома она сразу помрет! — ответил я.

— Она и здесь скоро... того, — заключил Николай Иванович деликатно и поглядел через дырочку сушки на меня. Как в моноколь.

— Подожди ее хоронить. А что показала компьютерная томография? Там отек? Почему болит голова?

— Болит потому, что оболочки напряжены, плохое кровоснабжение. А томографию мы не делали. Незачем, и так все ясно, да у нашего отделения и лимит на бесплатные исследования в этом месяце закончился.

— Но это же наша сотрудница, нехорошо как-то.

— А ты пойди, голубь, сам и договорись с рентгенологами, авось повезет.

Он уже начал сердиться, даже хрумкать сушками стал раздраженно. А я пошел и договорился. Они даже не очень сопротивлялись, только требовали визу заведующего. Профессор, мой давний приятель, человек хозяйственный и справедливый, задумчиво выслушал мои аргументы и спросил, подвергаясь совсем другим сомнениям: «Как ты думаешь, вон та дубовая старая балка поместится на моем багажнике?». Он тогда фанатично строил дачу и грузил на машину все, что бесхозно валялось во дворе. «Запросто», — ответил я искренне, и он тут же подписал заявку.

Прошло почти два дня. По коридору шел молодой, очень красивый рентгенолог и держал за уголок еще мокрый снимок. Он шел мне навстречу и весело ухмылялся: «А вы оказались правы, что на компьютер послали, — смотрите, какая «туморяга» (опухоль на сленге) нарисовалась». Я посмотрел и ахнул. Вся левая теменная доля была придавлена плотной опухолью. «Старая менингеома, доброкачественная, лет пятнадцать росла и процветала, — веселился рентгенолог Виталий, — там, в отделении, все забежали, засуетились — такую «бандуру» проворонили. Николай Иванович чуть сушкой не поперхнулся».

Я пошел в отделение. Никто там не забегал, так, немного сконфузились, и то старые опытные врачи. Заведующий отделением помотал головой, как конь, фыркнул и сказал, что на такую опухоль лезть опасно, очень сильное смещение (дислокация), последствия удаления непредсказуемы. Он не берется при всем своем опыте. Надо обращаться к директору.

Я и обратился. Мы многие годы вместе работали, еще с юных лет. Он долго рассматривал томограмму, кряхтел, цокал языком и потом сказал своим глухим голосом: «Я так устал оперировать своих однокашников, каждый месяц попадается кто-то. (Она тоже сорок лет назад училась с ним в одной группе и даже была старостой — аккуратно отмечала, кто ходит на лекции, а кто сачкует.) «Ладно, передай, пожалуйста, чтоб ее готовили на следующей неделе, я потом скажу точный день».

Стали ее готовить — уменьшать отек мозга гормонами, капать в вену электролиты, и тому подобные дела. Она очень удивилась предстоящей операции: «Зачем?» Я как мог объяснил. А она выговорить слово «менингеома» не могла, слишком сложно. Хотя в своей трудовой жизни касалась многократно этой проблемы, клиника менингеомы ей была хорошо известна. Вот так эта самая доброкачественная опухоль «добивала» ее.

Однако в мозгу еще оставались какие-то социальные вопросы: она потерла большим пальцем по указательному — «деньги, мани». «Какие же деньги? Ты ведь будешь оперироваться в своем институте, здесь проработала всю жизнь. И оперировать будет директор — ни о каких деньгах и речи быть не может, успокойся». Она закрыла глаза, полежала, потом всхлипнула.

Крупные слезы скатились вбок, к ушам, и там застряли. Я их утер салфеткой и пошел к себе.

Директор оперировал блестяще — быстро, аккуратно, изобретательно обходя крупные сосуды, прижигая лишь мелкие, не травмируя никаких важных тканей. Одно слово, виртуоз. Ни возраст пациентки, ни тем более возраст опухоли его не смутили нисколько. Он с ними разобрался лихо и уверенно. Мастер! Во время такой операции получаешь эстетическое наслаждение. Помогал ему тоже профессор, заведующий отделением, тот, который мотал головой, старый товарищ, он предугадывал каждое его движение. Молодец. А того юнца, который только бредил операциями, а сам писал: «Статус идем», не взяли. Директор просмотрел историю болезни, наткнулся на его «вдумчивые» записи, шмыгнул носом, пожал плечами и ничего не сказал.

Все стало ясно, и молодца отослали в «почтенный публикум», наблюдать и учиться. Я тоже там занимал наблюдательный пост и волновался: как она потом будет приходить в себя, «оклемываться»?

После удаления опухоли осталась настоящая яма, величиной с «трехрублевый мандарин», как в давние годы находчиво описал доктор объем операции. Такой фольклор.

Она на удивление быстро вышла из послеоперационного периода и через три дня сидела в постели, левой рукой размазывая по тарелке кашу (а что с такой кашей еще делать?), а правой, раньше парализованной, достаточно крепко держала сушку, отгрызая от нее мелкие кусочки.

«Чтоб не подавиться», — серьезно сообщала она еще хриплым после интубации голосом. Сушку, конечно, принес Николай Иванович. Угостил, в качестве компенсации.

Потом началась обычная реабилитация — гимнастика, массаж, занятия с логопедом. Это уже моя епархия. Восстанавливать ее было сплошным удовольствием — функции быстро возвращались, она пребывала в отличном настроении, шутила, беспокоилась, что много ест и станет слишком толстой. «Полные офтальмологи нынче в цене», — шутил я нелепо. Но эти вполне глупые слова ее несказанно веселили. Наверно, за ними она видела какие-то свои радужные перспективы. «Ты меня спас, и теперь я стану снова полным офтальмологом», — она даже хохотала. Ну, и поглупела она, конечно. Не без этого. Что же тут удивляться? Мозг медленно сдавливался опухолью, привыкая к ней, приспосабливался годами, а тут — раз! — и в полчаса освободился от пресса. Он и «обалдел» слегка от этой

свободы. От нее, свободы-то, кстати, почти все балдеют с непривычки. Ну, это уже политика.

Через две недели она уже была дома, а через месяц стала наращивать прическу, отдавая предпочтение куделькам и завитушкам. Шляпы пока только мерила, на улицу выходить в них стеснялась. Сначала сын ее выгуливал, а потом она стала выходить сама и даже посещать булочную и ближний супермаркет.

Прошло полгода, и она приняла первого больного, написав привычное: ангиопатия сетчатки и «обратить внимание» на вертебробазиллярный синдром (то есть на сосуды шеи и затылка). Пациент остался доволен и прислал свою тещу, страдающую косоглазием. Богатый человек — хотел тещу улучшить, сделать покрасивее. А та привела сестру мужа, золовку, с глаукомой. И пошло-поехало.

Она вскоре выкупила сыновий компьютер, а в ломбарде — мамины колечки и браслетик.

Когда пациенты истощались, она звонила и жалобным голосом сообщала: «На мели». Стараясь ей помочь, я предупреждал, чтобы избегала шаблона: «Вспомни, к чему тебя шаблон чуть не привел!» «К могиле», — весело отвечала она и обещала исправиться. Иногда исправлялась, а иногда нет. «Что поделаешь, — говорила она — если у него (нее) действительно плохие сосуды сетчатки!»

Действительно, ничего не поделаешь.

Парашют раскрылся

«У вас новенькая, — сообщила строгая старшая сестра, — заполняйте историю болезни. О ней уже сам директор справлялся, кажется, она дочка его украинских друзей». Хорошие сестры все знают о больном. Раньше всех.

Она сидела на краю кровати и болтала ногами в теплых пушистых тапках. Тапки розовые, а помпончики на них — ярко-красные. Как нос у клоуна. Брюки тоже были розовыми и пушистыми. Она сама была румяная, полненькая и на вид очень здоровая. Только взгляд иногда вдруг тяжелеет, как будто там опускали шторку.

Меня она встретила весело: «Я как раз таким и представляла своего доктора». «Каким же именно?» — польщенно спросил я. «Молодым, не очень опытным, но положительным. И худеньким. Даже тощеньким!» И она засмеялась переливчатым смехом. Как будто горошину в горле катала. Симпатичная дамочка. Волосы светлые, коротко острижены под мальчишку, с пробором. Сама плотная, прямо литая. Вот уж не тощенькая! Как украинская клецка!

Когда я начал ее осматривать — давление мерять, простукивать, пальпировать, она только покрикивала: «Смелей стучите, сильнее давите, не бойтесь. Меня трудно продавить! Очень упругая, как теннисный мячик. Или хоккейная шайба». Веселилась.

Оказалась знаменитой спортсменкой. Чемпионкой мира в таком экстриме, как парашютный спорт, мастер спорта. Прыгала простыми и затяжными, одна и в большой компании, с самолета и вертолета. По-моему, собиралась с ракеты спрыгнуть. Из космоса. Готовилась поступать в отряд космонавтов, вернее, космонавток. Вот тут-то ее и тормознули.

Обнаружились серьезные проблемы со зрением. И не только. Ее давно мучили головные боли. Она терпела и в них не признавалась. Вот отсюда и была шторка перед глазами — когда простреливала боль где-то позади лобной кости. У нее был красивый выпуклый лоб без малейших морщинок. Да и возраст был «доморщенистый». Лет тридцать пять — тридцать шесть. Уже сейчас не помню.

Провел ее по диагностическим службам — биотоки мозга, рентген, нейроокулисты. Пришлось сделать спинномозговую пункцию. Она легла на бок, коленки подтянула к груди, прямо в колобок превратилась. Плотный такой колобочек. «Колите быстрее, пока я не испугалась. Я не боли боюсь, а щекотки», — и опять засмеялась.

Я осторожно ввел пункционную иглу. Во что-то плотное уперся, остановился. Чуть влево, вправо, вниз. Никак. Лоб в испарине. Всегда так легко пунктировал, а тут не

получается, шмыгаю носом.

«Ну что, доктор, скоро? Надоело лежать в плотной группировочке». Спортсменка. Терпеливая.

«Крепче нажимайте! Сильнее!» — голос за моей спиной. Это моя наставница Нина Николаевна. Она хирург еще с фронтовых времен. Видала виды. Надавливаю. «Трэк!» Прощел. «Ой!» — вскрикивает пациентка. Ее зовут Люда. Людмила Терещенко. Хохлушка. Действительно терпеливая. Все хорошо. Ликвор получен. Прямо струйкой в пробирку набрался. Давление ликвора измерил, здорово повышено. Где-то давит. Заклеил прокол, повернул на спину: «Отдыхай».

Выхожу из процедурной. Нина Николаевна с ехидцей: «Что-то вы, доктор, уж очень миндальничаете с пациенткой, сюсю-мусю разводите. Нельзя так. И ручку поглаживаете якобы для успокоения. Смотрите, доктор! Это все во вред больной». Я густо краснею. Даже уши светятся. У меня таких мыслей и не было. Просто пожалел симпатичного человека. Однако женщину, не мужчину. Я же его не гладил бы. Хотя почему ей во вред? Непонятно. Ну да ладно. Замнем для ясности.

Иду по коридору в ординаторскую, размышляю. Люду на каталке отправили в палату. Каталки тогда были старые, погромыхивают. Она мне рукой помахала. Я кисло улыбнулся. Под контролем неусыпного ока наставницы, как еще можно улыбнуться?

Навстречу какой-то высокий большой человек. Халат накинут на плечи. Явно посетитель. Заговорил басом: «Володя, ты? Сто лет, сто зим! Как тут оказался?» Всматриваюсь, но не узнаю. Что-то знакомое, а вспомнить не могу. Витька Богданов! Вместе учились в физкультурном институте. Легендарная личность, тоже парашютист. Заматерел, плечи — косяя сажень, лицо обветренное, бас откуда-то из глубины поднимается. Настоящий мужчина.

В те ранние пятидесятые он прославился на всю страну. Во время прыжка — спас товарища. Уже не помню деталей, у того что-то случилось со стропами, зацепились и перекрутились, в общем, человек был на волосок от гибели. Витька, рискуя жизнью, его распутал и вместе приземлился. Герой! Его наградили боевым орденом Красной Звезды. Представляете? На втором курсе советского вуза получить орден? Эта история в те времена нас очень всех взбудрила. А над Витькиной головой просто ореол светился. Вот какие у нас были однокашники!

Обнялись, похлопали друг друга по спинам. Я только до лопаток дотянулся. «А я здесь жену навещаю, у нее должна быть операция. Часом не знаешь Люду Терещенко?» — «Я как раз ее лечащий врач, только что пунктировал. Вон ее на каталке повезли». — «Вот здорово! Ты уж за нее похлопочи. Она девка хорошая, чемпионка мира. Только очень уж шепутная, непоседа. С хирургического стола может спрыгнуть. Ей все равно с чего спрыгивать, чемпионка мира. Ты уж за ней приглядывай». Он пожал мне руку своей огромной пятерней и пошел в палату к жене.

Обследование закончилось диагнозом: опухоль лобной доли мозга. Опухоль абсолютно доброкачественная, но большая и давняя. Значит, она жила, рожала детей (у нее семилетняя дочка), прыгала с немыслимых высот, а опухоль тем временем росла. Они ужасно коварные — эти «добрые» опухоли. Растут медленно, постепенно раздвигают ткани. Мозг успевает приспособиться к этому давлению. И функционирует без заметных потерь. Но потом «терпежка» заканчивается, количество переходит в качество — начинаются головные боли, снижается зрение. Может наступить и полная слепота. Надо оперировать.

Доложили директору, он решил оперировать сам. Стали ее готовить. Она держалась стойко. Не ныла, не скулила, даже пошучивала: «То-то я чувствую в голове лишние мысли, надо их урезать». Наступил день операции. Ей обрили голову. Так полагалось. «Без прически я даже интереснее», — комментировала Люда, потирая ладонками гладкий лоб и темечко. По часовой стрелке. Обтирала, как бильярдный шар, и балагурила: «Приятное ощущение, надо и с других мест сбрить. Вот Витька обрадуется!» (В те незапамятные времена женщины еще не брили чего надо.)

Но вот наступил день операции. С самого начала мне потрепал нервы наш анестезиолог Петя Саладыкин. Я уже не раз о нем писал, про его ерничество, цинизм и хладнокровие. Здесь он тоже отличился. Увидев, что я как-то усиленно хлопочу около хорошенькой пациентки, он разыграл свой обычный спектакль. Усыпил, ввел ей в вену релаксант, чтоб на время парализовать дыхательные мышцы и ввести трубку в трахею. Стандартная манипуляция. Весь фокус состоял в том, чтобы быстрее ввести трубку, заинтубировать, пока больной не дышит. А дальше — подключить дыхательный аппарат. Просто и ясно. Саладыкин производил это действие ежедневно, с девяти утра и до девяти вечера — с перерывом на обед и трепотню о толстых женщинах. Большой зад был его неотвязной мечтой, идеей фикс. Оставшееся время он шутил. По-своему.

Когда он увидел, что у Людмилы прекратилось дыхание и пора вводить в трахею бронхоскоп, он мельком взглянул на меня и как бы в задумчивости пробормотал: «Большие трудности. Ничего не получается». — «Это еще почему?» — «Шея очень короткая и назад плохо разгибается. Бронхоскоп не войдет». — «Чего же ты раньше молчал, трепло!» — «Не рассчитал. И на старушку бывает прорухка. Дело житейское, как говорил Карлсон». — «Сам ты Карлсон. Она уже синееет без кислорода. Вводи быстрее!» — «Ладно, попробую».

Он ловко и быстро ввел бронхоскоп, заинтубировал, подключил аппарат, который бодро зачмокал, гоня воздух в легкие. Больная порозовела и вошла в операционный сон. «А ты, дурочка, боялась», — беззлобно пробормотал анестезиолог и отодвинулся в угол операционной, чтобы уступить передний план нейрохирургам.

Я как второй ассистент уже мыкался около обритой головы Людмилы, вошла строгая Нина Николаевна, и мы начали готовить операционное поле — обрабатывать йодом, разметать линии разреза, делать из простыней требуемое окошко. Наконец распахнулись обе двери-качалки, и важно вошел наш директор, прославленный академик и настоящий Мастер. С большой буквы.

«Ну-с, что наша красавица-парашютистка?» — «Спит, Александр Иванович», — почтительно вынырнул откуда-то сбоку анестезиолог-озорник. «Тогда приступим», — отозвался маэстро и сделал уверенный разрез чуть выше лба. Чтобы потом отросшие волосы прикрыли операционный шрам. Разрез был мастерский, изящный. В виде бабочки или летящей птицы. Он сразу расцвел кровью, которую мы остановили. Операция началась. Она длилась больше двух часов и благополучно закончилась. Когда потом мы по традиции пили чай в директорском кабинете, Александр Иванович красочно комментировал ход операции: «У нее лобная кость оказалась толще, чем у медведя, я такого у женщин не встречал. Даже мышцы на руке занемели, пока кусачками раскусывал». И он с удовольствием продемонстрировал нам свою небольшую, но мускулистую и при этом изящную руку. Ему нравились собственные руки. И было чем гордиться. Он этими руками прооперировал и спас тысячи людей — население города средней величины. Мы, естественно, преданно вздыхали и поддакивали — Нина Николаевна более сдержанно, а я более пылко. Я действительно им восхищался. Он мог делать то, что мне было недоступно. И, замечу честно, таковым и осталось.

Потом Александр Иванович помолчал, подумал и сказал неожиданно: «Вот интересный вопрос. А зачем человеку лобные доли? (Он так шутил, прекрасно зная, что с этой областью мозга связан интеллект.) Этой милой девушке пришлось резецировать чуть не весь полюс лобной доли, чтоб добраться до опухоли. И что? Вот посмотрите, она очухается и будет жить припеваючи. Как будто ей ничего не убрали. Вот ты, Володя, с психологами вожаешься, спроси у своего Александра Романовича Лурии, для чего лобные доли? Скажи, Арутюнов спрашивал. Вот он повеселится! И лекцию прочтет, часа на три-четыре. На разных языках. Но доказать ничего не сможет. А я этих лобников пачками видел. На фронте, например. И сам их делал лобниками, как сегодня. Не нужны им были лобные доли. Жили как прежде. Ладно, благодарю за помощь». Это означало, что чаепитие закончилось, пора расходиться. Опытный доктор, он оказался прав. Через несколько дней Люда уже стояла, держалась за спинку кровати и весело рассказывала соседкам по палате, как ее пытались обмануть на

одесском Привозе. «Пытались мне вторить вязкую кофточку под видом шелка. А у нас, парашютистов, на шелк особое чутье. От него зависит наша жизнь. Я его по запаху чую».

Увидев меня, она обрадовалась: «Вот, доктор, все хорошо, но что-то у меня с чутьем случилось. Запахов не слышу. Муж принес духи, одеколон, а они для меня что вода». Я уклончиво отвечал, что это последствие операции, надо подождать. Хотя совсем не был уверен в результате. Обонятельный путь в мозгу как раз лежит под лобными долями. Он мог пострадать.

Еще через пару дней Люда уже гуляла по коридору под ручку с навещавшим ее мужем и сообщала знакомым (а у нее уже пол-отделения были в знакомцах), что обоняние у нее пропало, но обаяние наверняка осталось. И поглядывала многозначительно на мужа Виктора. Тот сдержанно улыбался, чуть углубляя вертикальные складки по углам рта. Суровый мужчина. Его трудно развеселить, но Людмиле это удавалось с успехом.

Скоро она поправилась полностью и даже вышла на работу. Трудилась спортивным врачом в клубе военных — не то летчиков, не то моряков. Работа — не бей лежачего. Что летчики, что моряки имели исключительное здоровье. И ни в какой врачебной помощи абсолютно не нуждались. Они были такими здоровыми, что у них даже травм не было. Рассказывали про одного заслуженного парашютиста. Воздушным потоком его бросило на ЛЭП. И мачта этого ЛЭП погнулась. А ему — хоть бы хны. Шутили, конечно. Но конструкция действительно слегка покосилась.

Люба приходила к нам как-то на контроль. Такая же круглолицая и веселая. Осталось только углубление — ямка — чуть повыше лба. «Это у меня родничок, как у грудного. Видите, прямо дышит? А если засмеюсь — даже вибрирует. Мне это не мешает. Вообще, чувствую себя отлично. Прошуся опять прыгать, но никто даже слушать не хочет. Считают, что я поглупела, раз у меня из головы что-то вынули. Дураки! У меня лишнее убрали, а у них это лишнее осталось». Так она витийствовала, развлекала себя и нас, докторов.

Но вот как-то позвонила и сказала совершенно не своим, а чужим тусклым голосом: «Витька пропал, неизвестно, что случилось, но, по-моему, что-то очень плохое. Сердце так и колотится, каких попить капель? Валокордин не помогает, слаб для меня».

Через какое-то время, не скоро, месяца через два-три, она приехала и рассказала трагическую историю. Оказывается, Виктор был в составе парашютного десанта, который должен был приземлиться на какую-то памирскую вершину. Редкостный идиотизм. В честь энского праздника — не то 1 Мая, не то 7 Ноября — наши советские спортсмены на ярких парашютах спрыгнут на горы Памира и побьют все мировые рекорды. Это будет уникальный прыжок, потому что никому в мире это не пришло в голову. Гиннесс тогда только обдумывал свои нелепости — сколько сосисок можно проглотить за единицу времени или сколько тысяч пчел уместится на голове пчеловода.

Так вот, какой-то чудаковатый на букву «М» из идеологического отдела ЦК, радостно поддержанный такими же кретинами, придумал это шоу. Вопрос о возврате с вершин они решили просто — спустятся как смогут. Кто умеет — на лыжах, а кто не обучен — на пятой точке.

Прошло много лет, и деталей я не помню. Инструктор из ЦК явно имел дефектные лобные доли. Но парашютистам от этого было не легче. Существовал и такой фактор, как кислородное голодание. Памирские вершины, на которые выбрасывали бедолаг, если уж не семитысячники, то шеститысячники точно. Там воздух разрежен до нижнего предела допустимого. Сухой, холодный, разреженный воздух. Шикарно! Как с ним быть?

«Наденете кислородные маски», — ответили мудрецы-идеологи. «А баллоны куда?» — «За спину!» — с улыбкой советовали на Старой площади, удивляясь простодушию спортсменов. «Но это утяжелит нас, скорость спуска повысится. Приземление будет сверхжестким, как на боевом парашюте». (Оказывается, нагрузка на парашютиста при этих условиях равна прыжку со второго этажа, не слабо? Номер для каскадеров.) «А вы и призваны нами, чтобы боевым прыжком еще более укрепить славу нашей Родины. Хотя дальше ее укреплять как бы и некуда».

В общем, демагогия в чистом виде, здесь они были опытными мастерами, и переубедить их смог бы только совсем большой начальник. Но он, к несчастью, был занят другими важными государственными делами. Впрочем, с таким же коэффициентом полезного действия.

Подхалимы из парашютной федерации сделали «под козырек», и ребят, вернее, сильных опытных мужиков, повезли на заклание. Люда сказала, что видела любительский фильм, снятый перед прыжком, и поразила Витькиному взгляду. Он смотрел в иллюминатор тоскливо-безнадежным взглядом. Оказывается, он следил за парашютиком-маркером, который предварительно сбрасывают для определения направления и скорости ветра. Очевидно, движение этого парашютика не предвещало ничего хорошего. Так и оказалось. Сильнейший ветер и разреженная атмосфера изменили все параметры спуска. Даже выпускающий член экипажа покрутил пальцем у виска, досадливо махнул рукой и скрылся за дверью пилотской кабины. Да еще на экране можно было легко прочитать по его губам то, что он сказал напоследок. Но это явно непечатно.

Ребят разбросало шквалистым ветром. Только Виктор и его боевой товарищ Серега приземлились рядом. Но если Серега упал в огромный снежный завал — сугроб, то Витьке жутко не повезло: несмотря на умелое управление стропами, его в последний момент рвануло ветром, сильно ударив о скалистый выступ. Он, очевидно, потерял сознание, и тогда неуправляемый парашют намертво зацепился за этот злосчастный выступ. Виктор повис над пропастью — без кислородного аппарата, специальной утепленной одежды, с разбитой головой и... без шансов на спасение.

Его единственно возможный спаситель Серега лежал в глубоком снегу и тоже еле телепался.

Он слышал стоны Виктора. Они потом преследовали его многие годы.

Теоретически он мог бы Виктора спасти — забраться на скалу и втащить на нее тело обездвиженного товарища. Но это сугубо теоретически. Практически это было явно невозможно. Кончались запасы кислорода в организме, наступало смертельное кислородное голодание. Надо было спастись самому. Хрипя и стеля, он выбрался из сугроба и пополз вниз. Прочь от скалы, на которой умирал его товарищ. Такая ему выпала доля.

Его нашли обмороженного, но живого много ниже места приземления. Шансов спасти Виктора уже не было. К тому же начиналась непогода — пурга, мороз, ветер. Надо было самим уносить ноги.

Виктора сняли через год. В особой высотной атмосфере тело мумифицировалось, и лицо совершенно не изменилось. Похоронили на окраине Москвы, в Братцево, недалеко от Тушинского аэродрома, где он провел самые счастливые, звездные часы своей жизни.

Люда достойно перенесла этот удар. Ходила на работу, обследовала спортсменов, растила дочку. Спортивное ведомство устроило ей приличную квартиру около работы. Головные боли больше не тревожили, однако обоняние так и не восстановилось. Про обаяние она больше не упоминала, но за собой следила, делала макияж, обильно душилась. Вкусными духами от нее пахло за десять метров. «Самцов привлекаю, но все попадаютя редкостные идиоты. Мне таких даром не надо, не годны ни на что».

Потом как-то резко затосковала, взяла отпуск и с дочкой уехала в Киев, к родителям. Осмотрелась и решила остаться. Атмосфера там ей показалась гораздо теплей, чем в Москве. Во всех смыслах. Приезжала прощаться.

Парашют в этот раз удачно раскрылся. Она приземлилась.

Пункция

Его звали Волей. Не Валеи, а Волей. Воля Гиршин. Правда, по паспорту он числился как Вольт Григорьевич. У него папа был учителем физики и очень уважал великих предшественников. А заодно единицы измерения физических величин — ампер, джоуль, ом. Сына назвал Вольтом — «напряжение тока». И не ошибся. Воля напряженно любил женщин.

Он их любил многогранно, объемно, всецело. Как Королев был влюблен в ракеты, Пеле — в футбольный мяч, а Флеминг — в пенициллин, так он любил женщин. Как таковых. Профессионально любил. Такие особи редко встречаются, но женщины их чувствуют мгновенно и отдаются без колебаний. Почти.

Но в одном случае даже он растерялся. Дело было в приличной общаге для врачей, приехавших на повышение квалификации. Он там часто кантовался. Потому что сам был врачом. Как прилетит из Караганды, а позже из Новосибирска на семинар или симпозиум, так сразу там поселялся. Настоящий цветник. Доктора и, главное, докторицы, вырвавшись из домашнего и больничного хомута, скинув с шеи кучу нудных обязанностей: дежурств, политзанятий, воспитания детей, охламона мужа — расцветали как розы, орошенные утренней росой.

В тот раз он молниеносно познакомился с миловидной, но на вид очень строгой докторшей. Он даже не успел спросить про ее специальность, место жительства и, кажется, имя. Она только глянула строго сквозь очки в тонкой золоченой оправе и сразу пошла в его номер. На ней было строгое синее платье с благонравным отложным воротничком, туфли-лодочки и маленькие сережки с топазиками. Волосы аккуратно заколоты гребнем сзади, показывая очень симпатичную шейку.

Он по привычке заливался соловьем, а она молча сняла платье, повесила в шкаф на плечики, комбинашку сложила вчетверо, очки осторожно устроила на тумбочку и распустила чудные густые волосы. Готова. Воля стал быстро раздеваться, но она целомудренно даже не смотрела в его сторону. Потом, когда он забрался под одеяло, она как-то напряженно замерла и вдруг выхватила из-под головы подушку, изогнулась дугой и, страстно заорав, выбросила подушку в окно. Только крепкие ее груди вздрогнули. Дело было летом, окна открыты. Воля, услышав, что подушка шлепнулась на козырек входа, слегка удивился такому страстному началу. Но положение обязывало, и он старался соответствовать своему напряженному имени. Потом Воля жаловался, что какая-то тревожная мыслишка его буравила. И не напрасно. Вскоре раздался деликатный стук в дверь, и голос коменданта, известного своей «голубизной», спросил: «Это не ваша подушечка из окна свалилась? Что-то она далековатенько отлетела!» И хихикнул. Видно, Волины гормоны и на него действовали. Они очень чуткие, эти «голубые». Но Воля ими не интересовался и сдавленным голосом, не прерывая увлекательного процесса, прохрипел: «Она тут лишняя».

Комендант на цыпочках благоговейно удалился, и через час вся общага обсуждала не только летающие тарелки (тогда они занимали ученые умы), но и летающие подушки. Популярность Воли так возросла, что, когда он шел утром по коридору, люди, побросав кефир, выглядывали из буфета. Женщины с живым интересом, а мужики — с плохо скрытой завистью. Пришлось переехать к брату в коммуналку. В Банный переулок. Хорошее было время!

Человек он был легкий, необременительный. На какую-то серьезную любовь не претендовал, но и сам ее никому не давал. Так уж был устроен. Свою жену (она успешно делала вид, что ничего не знает) и детей опекал по-настоящему. Но они как бы находились в другом измерении, ином пространстве. Семья — в одном участке его души, сердца, головы, а женщины — в абсолютно другом, не соприкасаемом с первым. У него в округе были две или три постоянные любовницы.

Он их подбирал по именам: чтобы были одинаковыми, а главное — совпадали с именем жены. Таким образом, исключались все оговорки и накладки. А то бахнешь в порыве страсти не то имя — она может обидеться, насторожиться, будет задавать вопросы. Ему это надо? Так он умело все устроил и жил припеваючи.

Многочисленные ученики — аспиранты, ординаторы (он же был зав. кафедрой, профессором) — его боготворили. Подражали как могли: крутили на пальце тощую связочку ключей от съемной квартиры, мурлыкали по телефону, высоко поднимая удивленные брови: «Как, есть какие-то затруднения? Мы их разрулим в два счета!» Посылали женщинам улыбки и перебирали от нетерпения ногами. Помогало это им слабо — Волиного шарма и

напора не хватало.

Удивительно, но это его пристрастие сыграло добрую службу большому количеству простых тружеников, преимущественно шахтеров. «Каким образом, — спросите вы, — где уголь, забой, штреки, грязь, темнота и вдруг милые дамы?!» Ребус!

А вот и не ребус. Воля трудился в районах, где добывали уголь. А где уголь — там шахты, где шахты — там производственный травматизм. Даже небольшой обвал в штреке, просто мизерный обвальчик часто заканчивался трагически — переломом позвоночника. Плохой некачественный крепеж, халатная его установка, смещенные породы, неправильное прохождение трека — и пожалуйста: «А молодого коногона несут с пробитой головой...» — пелось в популярной шахтерской ленте «Большая жизнь», где были сплошь все герои и вредители. Хорошее было кино — с Андреевым и Петром Алейниковым. Вот, шахтера привозят в приличную районную или даже областную больничку не столько с головой, сколько со спиной. А разбитая спина — это совершенно не подарок: парализованы и бесчувственны ноги, нарушено мочеиспускание и прочие интимные тазовые функции. Вот эти-то функции, вернее их отсутствие, и привлекли внимание Гиршина. «Рыбак рыбака видит издалека».

Готовя докторскую диссертацию (он все успевал, и здесь его продвигал вперед могучий гормон), он разослал спинальникам чуть ли не по всему тогдашнему Союзу специальный опросник: «Если из всех ваших проблем я мог бы вначале решить только одну, какую из них вы бы предпочли первой?» И чуть ли не 75 процентов опрошенных ответили: «Секс. Семья распадается, депрессия глушит». А один респондент так и написал: «Верните мой стоячий член — без него я как без рук!» Простой человек, шахтер, что с него взять? Но сказано четко.

И Воля решил помочь собратьям-мужчинам. Не всем конкретно, но хотя бы некоторым. У кого травма напрямик не поразила нужный центр, а только его заблокировала. В литературе смутно упоминалась какая-то английская методика стимуляции этих центров. И Воля приступил к разработке гениально простой методики. Двухходовке. Мат в два хода.

Нефункционирующего мужчину укладывали на бочок, подтянув колени к груди, и делали элементарную спинальную пункцию. Убедившись, что игла там, где надо (по струйке или каплям ликвора спинномозговой жидкости), медленно вводили коктейль из двух стимуляторов — стрихнина и прозерина. По «кубику» того и другого. Просто и ясно, затем мужика переворачивали на спину. Он глядел вниз и не верил своим глазам — член стоял, иногда чуть покачиваясь от длительного бездействия. Но это был только первый этап.

Немедленно приступали ко второму. Подгоняли машину «Скорой помощи», запихивали туда страдальца на носилках, стараясь не ушибить об потолок стоячий член, и, включив сирену, мчали его домой. Там находилась уже не первый месяц тоскующая жена или близкая подруга. Они прошли курс специальной подготовки (об этом отдельный опус — эти шахтерские жены и подруги были очень туги для популярных объяснений. Они твердо знали, что в СССР секса нет, а есть один только разврат. Но в конце концов соглашались им заняться. И только в интересах науки).

Так вот, с той или иной степенью успеха происходило простое человеческое соитие, укрытое от нескромных глаз. Строго по инструкции крупного специалиста Вольта Гиршина — он снизу, она сверху. «Прости меня, грешную», — плевались и каялись целомудренные дамы. Но потом входили во вкус и смущенно замолкали. Только громко стонали и тихо вскрикивали. Об этом уж подробно рассказывали товарищам на досуге возрожденные мужчины. Ибо после трех-четырех таких романтических поездок рефлекс эрекции закреплялся, и древнейшее изобретение природы начинало вполне прилично «фурычить» (в смысле — функционировать).

Можете себе представить популярность Воли среди тоскующих и действительно глубоко несчастных мужиков? Слава его была почти легендарной. Больше, чем у Стаханова и Паши Ангелиной, и лишь чуть меньше, чем у Гагарина. Ненамного. А где слава, там и зависть. Был даже такой знаменитый роман прекрасного писателя Юрия Олеши: «Зависть». А где зависть, там и завистники. Они, подлые, это роскошное мероприятие и загубили.

Написали донос в обком нашей партии. Мол, неприкрытый разврат с псевдонаучной подоплекой. Идеологическая диверсия. Использование служебной автомашины и расходование дефицитного бензина на внеплановые цели. А цели как раз были плановые — у Воли целая очередь выстроилась из страждущих. Они даже слегка ссорились: «Я раньше тебя записался на е...лю. Твоя баба еще не прошла инструктаж, а моя прошла, мне Вольт Григорьевич так и сказал. Хвалил ее!»

До этого доноса-анонимки все шло успешно. Более чем. И научный материал набирался. А потом полностью вошел в блестящую докторскую диссертацию и монографию Гиршина. Но! Донос испортил всю песню. Потянулись проверочные комиссии из райкомов-обкомов-горздравов. Неискушенные шахтеры радостно ржали и подробно описывали волнующий их процесс всем комиссиям подряд. Мужики в комиссиях (их меньшинство) слушали внимательно и даже сочувственно покряхтывали. А вот женщины — их было подавляющее большинство, причем пенсионного возраста, сплошь общественные инструктора (была такая стукаческая должность) — они густо краснели, трясли партийными прическами- коками и мелко семенили ногами в фильдеперсовых чулках, убегая от, правды жизни. Вслед им неся совершенно гусиный гогот и жеребьячье ржание. Я думаю, они чувствовали себя в «капричос» Гойи или химерах Брейгеля. Ну, это как посмотреть. Тем более что этих художников на выставках соцреализма они не встречали.

Одним словом, последовали суровые выводы. Объявить строгий выговор члену партии Исааку Израилевичу Либману, главному врачу областной больницы, предупредить его о неполном служебном соответствии, эксперименты над живыми людьми прекратить, на кафедре неврологии провести тщательную проверку научной тематики.

Ну и при чем здесь Изя Либман, дружок Воли Гиршина? Только потому, что дружок развратителя?

Изя Либман был плотным жизнерадостным мужчиной, который бегал трусцой, регулярно купался в проруби, соблюдал строгую диету, ничего не пил крепче кваса, был верен жене и строго руководил больницей. У него всюду была образцовая чистота и порядок. А в коридорах на цепях под потолком висели электрические транспаранты с загадочными буквами «УТ». После обеда в них загорались зеленые лампочки, посетители изгонялись, больные заползали под одеяла, потому что УТ означало: «Уважайте тишину!». Вечером после десяти их тоже зажигали. Порядок.

Так при чем здесь Изя? И где Воля? При том, что Изя был членом КПСС, а Воля благоразумно им не был. Партийная комиссия хотела наказать Гиршина, но он беспартийный, поэтому наказывали Либмана. За что? За все! Беда с этими евреями. Да еще в нашем Казахстане.

Какой-то доброхот еще прислал в адрес комиссии сексуальный компромат — случайно «залетевший» в казахскую глушь номер «Плейбоя». На обложке которого как раз в условной, но высокохудожественной форме обозначалась любимая Волина позиция — всадница сверху. Журнал действительно использовался доктором как учебное пособие и был зачитан до дыр. Комиссия его тоже изучала с глубоким интересом, а один почтенный член из идеологического отдела райкома брал его домой. И неоднократно! Потом приобщи к выводам комиссии. Короче говоря, эту сексуальную лавочку прикрыли. А с нею развалили всю важную социальную структуру реабилитации инвалидов.

Дело в том, что Воля был спец не только по проблемам «ниже пояса». Как замечательно писал Губерман: «Я живу теперь спокойно, так как власти не мешаю, лишь проблемы ниже пояса я и ставлю, и решаю». А Воля решал и другие проблемы, связанные с несчастными спинальниками. Он добился факта профессиональной переориентации инвалидов. То есть, когда становилось ясно, что потерпевший не встанет на свои ноги (а это прояснялось уже через 2–3 недели), к нему приходил мастер по переобучению: часовое дело и ювелирка, переплетное и портняжное мастерство, машинопись (тогда компьютеров еще не было). И языковые курсы — для тех, кто чуть пообразованней.

Медленно, но терпеливо они начинали обучать обезноженных (а иногда и

обезрученных) людей основам какого-либо дела. В будущем оно могло их прокормить и тем самым хоть как-то утешить и приспособить к невеселой жизни. Это полезнейшее дело, которое Воля подсмотрел в Англии (мы туда ездили на конгресс), тоже развалили.

А вскоре выяснилось — жена горздравовского начальника из национальных кадров хочет заведовать отделением. А так как по специальности она гастроэнтеролог, то и отделение надо перепрофилировать. Что и было сделано. Так что антисексуальная кампания увенчалась полной победой. Изя с инфарктом отправился на инвалидность, а Гиршин отправился в Сибирь, в большой шахтерский город. Собрал вещички, расцеловался с одноименными любовницами, посетив и порадовав каждую персонально, взял в охапку детей, жену, двух-трех верных ассистентов и отбыл.

А по прибытии организовал такое же образцовое спинальное отделение, завел новых любовниц, подготовил докторскую и написал монографию. «Наш пострел» — так любовно звали его ассистенты.

Излеченные (сексуально) больные писали ему благодарственные письма, передавая искренние приветы от возрожденных подруг. В Сибири он тоже наладил методику, и очередь на е...лю удлинилась до Урала. В нее стремились попасть не только спинальники. Теперь Воля стал умнее — он определил в начальники этого отдела родную сестру местного шахтерского босса: человека властного, богатого и сурового. Когда сестра с восторгом рассказывала ему про успехи на сексуальном фронте, он расклеивал стальные ниточки губ, что означало поощрительную улыбку, и говорил: «Ну-ну». Весь город знал об этом красноречивом высказывании, и Гиршин стал фигурой неприкасаемой.

Он защитил докторскую, написал вторую серьезную монографию, по ней стали учиться другие врачи. Но резвился он по-прежнему. Такая у него была карма. Своими впечатлениями он щедро делился. Не хвастался, а просто описывал процесс, подробно останавливаясь на трудностях. Все-таки научный работник! Профессор. «Понимаешь, — говорил он задумчиво, теребя нос, предварительно глубоко засунув в него палец (такая была у него дурная привычка), — пришли мы к ней на новую квартиру, а там только что ремонт закончился. Абсолютная чистота и пустота. Шаром покати — ни дивана, ни креслица какого-либо заваливающего, даже табуреток нету. Ведь есть такой «табуреточный» способ (тут он меня заинтриговал). А на дворе лето, на мне бобочка, а на ней легкое платьице, подстелить нечего. Что делать? А на голом полу очень жестко, она женщина нежная. Пришлось подоконник использовать, благо в новых домах они пошире. Чуть стекло не выдавили».

Я тоже попробовал применить эту методику. Нет-нет, не подумайте чего такого! Это касалось исключительно медицины. У нас в клинике тоже бывали спинальные больные и среди них много молодежи. Автомобильные травмы, падения, а в разгар лета — ныряльщики. Жарко, разбежался, бултых вниз головой, а там мелко, воробью по колено. Идиот. Удар лбом, шейные позвонки ломаются, паралич рук и ног. Трагедия! У нас был такой парнишка из Калининграда, физмат заканчивал, но ума не прибавилось. Нырнул в Балтийское море здоровым долговязым юношей, а вынырнул оттуда инвалидом. Но ему повезло — спинной мозг после ушиба оклемался, и функции восстановились, мы его одной гимнастикой и массажем поднимали на ноги. Теперь он профессор, математический анализ читает студентам. Поумнел.

А вот другой случай, где я гиршинскую методику применил. Тот гораздо печальнее, даже драматичней. У нас в приемном покое работала немолодая медсестра. Войну в госпитале отвоевала. С ранеными была добра и приветлива. Сама высокая, статная, породистая. Родила дочку, та выросла и породу подтвердила. Встретила красивого парня, вышла замуж. Парень — загляденье: сероглазый, с волнистыми волосами, твердым подбородком, рослый, накачанный. Летчик. Второй пилот. Готовился в первые. В прошлом истребитель-перехватчик. Перешел на гражданку. Казался умным, но оказалось — не совсем.

Во время шумной свадьбы бодро пронес довольно увесистую невесту (порода!) до пятого этажа, возбуждился, выпил водки, потом натурально шампанского, потом опять водки, сел на перила и покатило лихо вниз — встречать очередных дорогих гостей: сорвался в пролет

старинной лестницы (в прежде барских домах тогда лифтовой шахты не было), сломал позвоночник. Паралич ног, тазовые расстройства, секс, понятно, на нуле. Тушите свет, приехали! «Летал как сокол, упал как блин», — он еще находил силы горько шутить. Постепенно научился ходить, опираясь на палочки, кое-как наладилось писание, а вот секс — хоть плачь. «Ты у нас целкой остался», — деликатно отмечали сердобольные сопалатники. Жалели его.

Вот этого героя я и решил подлечить. Сделал первую пункцию. Получилось удачно. Вернулся со свиданки окрыленный. Пел, шутил. Подробности рассказывать отказался, хотя коллектив очень просил. «Сглазите», — отбивался Ромуальд. Это так заковыристо его назвали романтические родители-учителя. Вторая пункция — еще удачней. Приехал обратно только на другой день, загадочно улыбнулся и завалился спать. Все вокруг ходили на цыпочках. Меня искренне зауважали.

На третьей пункции — «прокол». Как обычно, преспокойненько его пропунктировал, ввел лекарства (стрихнин с прозергином), осторожно пересадил в кресло-каталку и пошел поторопить машину «Скорой помощи». Домой ехать побыстрее. Ковать железо, пока горячо. А он, дуралей, наклонился — ботинки зашнуровать, аккуратист, кресло опрокинулось вперед, голова оказалась ниже пояса, сильное лекарство переместилось из крестца в голову, из спинного мозга в головной, а у него совсем другая функция. И стоять там нечему, если только ушам!

Ромуальд мгновенно густо покраснел и потерял сознание. Я растерялся. Что делать со стрихниновым ударом? Это в Средние века знали, чем яды выводить. Лягушку полночную устраивали на темечко или пепел сожженного паука растворяли в моче девственницы. Веселое было время! А сейчас, в наш цивилизованный век что делать? Хорошо, что через приемный покой, где Ромуальд хрипел на кушетке, проходил анестезиолог Петя Саладыкин. Он меня часто выручал. Я был завагитколлективом, а он — моим замом. Тогда все участвовали во всенародных выборах. Я к нему кинулся: «Петя, спасай, больной отключился!» Петя взял стетоскоп, он у него всегда висел на шее, как в современных сериалах показывают. Он его даже поверх пальто надевал. Послушал сердце, умелым пальцем поднял веко Ромы, покачал головой и с мрачным видом сказал:

— Большие трудности. Он спит.

— Как спит?

— Крепко. Слышишь, как храпит? Это в науке означает крепкий сон. Сейчас будет пробуждение. — И довольно сильно ударил его сначала по одной щеке, потом по другой.

Ромуальд открыл один глаз и сказал: «Я — сейчас!» И снова захрапел. Отдыхал от моего лечения. Я трепыхался поблизости и нервничал. Хотел как лучше, а получилось... Ничего не получилось. Член крепко спал вместе с хозяином. Только что не храпел. Натерпелся я страху. Он, конечно, скоро оклемался. Глазами хлопает: «Где я? Уже вернулся? Или еще не ездил?». «С того света ты вернулся!» — весело ответил ему Саладыкин, потрепал меня по плечу и пошел куда-то вдаль, в прежнем направлении. И, пожалуйста, пока я предавался печальным, но глубоко научным размышлениям, кто-то «настучал» начальству. Меня пригласили «на ковер» к главному врачу, и методика Гиршина прекратила свое существование в нашей клинике.

Однако мы — люди упорные. Ромуальд выписался домой, и я ему еще дважды повторял «уколы возрождения». Благо не надо было доставать машину «Скорой помощи». Невеста в халатике крутилась поблизости и подавала ценные советы. Рефлекс восстановился. Хеппи-энд! Через годик даже дитя появилось. Достижение! Но методику запретили. Велик риск, щекотливая тема, и год неподходящий — не то 73-й, не то 75-й. Не помню. Но время явно застойное.

А у самого Воли сын вырос абсолютно с обратным знаком: примерный семьянин, европейски лощеный джентльмен и спокойный, уравновешенный человек. К тому же настоящий ученый — молекулярный химик. Полиглот — знает не то десять, не то пятнадцать языков. Женился на иностранке и сразу уехал к ней. Там и живет. В Россию не

приезжает. За исключением одного случая. И то — не по своей воле. Ну, это другая история.

Он вообще-то был вундеркиндом. Я с ним познакомился, когда ему было двенадцать лет. Ходячая энциклопедия. Знал все, до чего мог дотянуться. Учился шутя и на одни пятерки. Я решил подразвить его физически. Привез из Москвы боксерские перчатки и показал несколько приемов. Он надел перчатки, внимательно меня выслушал, немного подумал и двинул отца в челюсть. Да так удачно, что тот упал на спину и сломал дверцу шкафа. «Ты мне его испортишь, — сказал Воля, потирая ушибленный бок, — пусть лучше будет ученым».

Он и стал им. Школу окончил с золотой медалью в четырнадцать лет. За год проходил по два класса.

Выпускное сочинение написал в стихах. В РОНО удивились и поставили двойку — в стихах не положено. Воля ринулся в ГОРОНО. Там тоже удивились, но исправили на пятерку. Потом поступил в МГУ без репетиторов и окончил в девятнадцать лет.

Гиршин очень им гордился, рассказывал о нем всем друзьям и даже некоторым женщинам, если они задерживались дольше, чем на пятнадцать минут.

С заграничной родней поддерживал чудные отношения. Объяснялся преимущественно жестами, но так красноречиво, что они его понимали хорошо.

Потом сам уехал жить за рубеж. Начал новую жизнь. Со старыми привычками. Флаг ему в руки.

Муха на потолке

Во время большого медицинского конгресса английский докладчик начал свое выступление с показа одного-единственного слайда — беловатый мутный квадрат, а в середине лампа. Рядом — муха. На потолке. Известный всем плафон с лампочкой и мухой, который встречается в Лондоне и Вязме, Нью-Йорке и Туле, в Мытищах и Санкт-Петербурге. Тогда еще в Ленинграде. Потому что дело происходило лет тридцать, а то и сорок назад. Именно этот слайд с анонимным потолком докладчик отбросил на экран и... замолчал. Сказал вначале что-то вроде: «Дамы и джентльмены!», включил прибор и замолк.

Все уставились на картинку, ждали продолжения или объяснения. Но докладчик спокойно стоял, дружелюбно поглядывая на аудиторию, и... не говорил ни слова. Прошла минута, потом две, в зале послышался ропот, вежливое недоумение, переглядывание... Потом — три минуты, четыре... Покашливание. Наконец, чутко уловив приближение «перебора», лектор сказал: «Вы смотрите на эту картинку всего три минуты, и она уже вам надоела. Она примитивна и не несет никакой информации. Скучно и тоскливо. Но парализованный спинальный больной вынужден смотреть на этот «пейзаж» часами, днями, годами. До смерти. Каково ему? Разве так можно жить?». Зал сочувственно зашумел...

Валя Перов, мой пациент, ставший почти другом, был именно шейным спинальником. И эта осточертевшая картинка была наименьшим злом среди всех бед, постигших его в одночасье теплым сентябрьским днем 196... какого-то года.

Валентин был штатным летчиком-испытателем в очень солидной «конторе». Успешный, удачливый, грамотный. Окончил МАИ — авиационный институт. Фактически — инженер-испытатель. Находился в резерве отряда космонавтов. Прошел все комиссии. Характер твердый, нордический, хотя родом из Бишкека (тогда Фрунзе). От тесного общения с коренным населением — глаза чуть припухшие и раскосые, самую малость. Неизменная любовь к мантам (это такие гигантские пельмени). Валя мог съесть одновременно десять мантов, что равно пятидесяти хорошим сибирским пельменям.

Серьезный мужчина.

Так вот, день был теплый, сентябрьский. Бабе лето, плавала легкая паутина, прилипала то к щеке, то ко лбу. Валентина она не раздражала. У него была очень устойчивая нервная система. Тогдашняя жена Мара повела дочку Олю в садик. Торопилась. Она тоже летчица, только спортивная, акробат (или «акробатутка», как шутил Валя). Ежедневные

тренировки. Летная семейка.

У Вали — выходной. Основных испытательных полетов не было. Но по общественной линии нарисовалась нагрузочка — надо испытать планер, который уже через месяц отправится на чемпионат мира. Не его это дело, да и серьезное начальство из «конторы» наверняка было бы против. Если б знало. Но оно узнает, увы, позже. А пока Валя надел легкий комбинезон, ботинки на толстой подошве, белый подшлемник и старый кожаный шлем — испытанный товарищ, в молодые буйные годы частенько «планерил». Увлекался этими бесшумными полетами — свистом ветра, невесомой послушной «фанерой», подхватыванием воздушных потоков, которые мощно влекли вверх и вдаль, передавая как бы из рук в руки другим потокам. Такая увлекательная игра! Эх, молодость! Ветер в... заду.

Он и сейчас не старик, всего тридцать пять, самый смак, но копилка переживаний почти полная. Почти... И горел, и садился аварийно, и катапультировался. Много чего было. Ладно...

Пошел в диспетчерскую, получил полетный лист для испытаний. Знакомый такой желтый листок, разделенный пополам вертикальной линией: слева — название фигуры пилотажа, справа — оценка выполнения. Спрятал его в наколенный прозрачный карман. Кто составил полетное задание — неизвестно, подпись неразборчива. Обратил на это внимание, коротко ругнулся. И правильно сделал. Убить его мало. Ну, это потом.

Взял дежурный парашют — такой плоский ранец. В кабине положил его под голову. Больше некуда. Очень неудобная кабинка — узкая, тесная, и лететь надо почти лежа, ноги где-то под приборной доской. Тьфу на вас! Это все, чтобы уменьшить фюзеляжное сопротивление. Мудрецы! Размах крыльев — огромный. Кончиков крыльев не видно. Вот конструкция — фюзеляж узенький, как осиная талия, а крылья длинные, стрекозиные. Не планер, а сказочное насекомое.

Полетели. На заданной высоте, где-то около двух тысяч, отцепился от буксира, покачали друг другу крыльями. Пока, мол, до встречи. Воспитанные люди. До встречи... Ирония судьбы.

Стал выполнять летные задания: первое, второе, третье... Планер слушался вполне прилично — горка, свечка, развороты. А на следующую фигуру он не был рассчитан... Безмянный деятель-мудак ошибся — вписал в полетный лист не ту фигуру. Под ухом раздался зловещий сухой треск, как будто расщепили сосну, и плоскость (крыло) отвалилась. «Привет Шишкину из «Мотора», как говорилось в популярной «Первой перчатке». Планер на мгновение завис и стал падать по принципу «кленового листа», скользя по кругу.

Началась борьба за жизнь. Валя пытался отодвинуть назад фонарь-колпак, чтобы вылезти из планера законным путем. Но кабину перекосило, колпак заклинило, и он не сдвигался ни на миллиметр. В таком случае его можно было выбить ногами. Такие ножищи, да еще в могучих башмаках — вполне подходящий инструмент для такого вышибания. Но и тут незадача — ноги зажаты глубоко под приборной доской. Чтобы их подтянуть и достать оттуда, надо сесть в кабине. А кабина-то как раз закрыта чудным плексигласовым колпаком, крепким, как броня танка, и нависает почти над самой головой. Упс! Мышеловка захлопнулась. Молодцы конструкторы. Сэкономили. Уютный планерок. Могила.

Еще немного пошебаршился, попытался повернуться на бок, кулаком выбить фонарь. Все тщетно. Передал по радио. Попрощался — и словами и мыслями.

Ударился спиной. Сознание потерял, но ненадолго — все-таки падал плавно и медленно, но достаточно, чтобы на том уровне, где лежал край парашюта, получился перелом шейных позвонков. Паралич рук и ног. И всего остального.

Вообще, треснулся «знатно», аж гул пошел по аэродрому. Хорошо еще, что на поле упал, а не в лес или на поселок. Вытащили из кабины довольно быстро, но Валя все это помнил смутно, отрывочно. Какие-то эпизоды ярко всплывали перед глазами, потом расплывались, исчезали, появлялись другие картинки и образы. Мелькнуло перекошенное от страха лицо жены. Исчезло...

Уже в санитарной машине появилось странное чувство невесомости, есть только

голова, правда, какая-то подозрительно тяжелая, а тела — нет. Оно не то чтобы легкое, невесомое, а как бы отсутствующее. Нет его, тела-то, некая голова профессора Доуэля. Руки не поднимаются, ноги не шевелятся.

Так началась его новая «спинальная» жизнь. Жизнь-борьба, жизнь-приспособление, жизнь- мучение. Но жизнь! Черт бы ее побрал!

Перевезли в Институт имени Бурденко, подключили к дыхательному аппарату. В эти дни, кстати, мы с ним и познакомились. Тут как раз освободился шведский аппарат, которым спасали знаменитого Льва Давидовича Ландау. К этому аппарату Валентина и подключили. Без него он бы пропал. Перелом верхних шейных позвонков вызвал отек спинного мозга, пострадали дыхательные центры, да и дыхательные мышцы — межреберные и диафрагма, мощный насос, оказались парализованными. «Полный, братцы, ататуй — панихида с танцами», — как тогда замечательно сочинил мужественно-смелый Галич.

Аппарат довольно противно «чмокал», утомляя Валентина, но воздух гнал исправно. Машина, что с нее взять!

Друзья соорудили противоположный матрас из трубок, которые, надувались воздухом. Каждые пять минут воздух перетекал через ряд в соседние трубки. Получалось, что тело касалось матраса, попеременно опираясь на эти трубки — то на одни, то на другие. Поэтому кожа спины, ног и рук не успевала «замлеть», прижаться к опоре, омертветь. Мертвая кожа и есть пролежень. Многие парализованные люди от них погибали. Валентин был защищен от этой напасти. Каждые пять минут щелкал автомат-реле, и он покачивался на воздушном матрасе, как на волнах.

Сейчас эти устройства есть в любом магазине «Медтехники», но тогда, лет сорок назад, были редкостью. Его приятель, конструктор Сережка, рассчитал эту «релюшку», а ребята из экспериментального цеха склеили трубки из велосипедных камер. Молодцы!

Но, конечно, главное было то, что через несколько дней прилетела мать — Ольга Афанасьевна. Собрала вещички, бросила свой Фрунзе — Бишкек, повесила замок и появилась в Валиной палате. Спокойная, приветливая, с глубоко запрятанным в глазах ужасом.

Она ловко поворачивала на бок своего огромного беспомощного сына, протирала спиртом все опасные точки — на лопатках, на крестце, на пятках, шутила сквозь слезы, что может опять понянчить свое непутевое дите, подбадривала и убеждала его чуть-чуть подождать — и все наладится, устроится. Он ее слушал и ждал.

Шло время, его прооперировали относительно удачно: он не умер. Обломки шейного позвонка убрали, остатки скрепили косточкой из его же таза. Все тип-топ. Толку никакого. Движения в руках-ногах не появлялись, моча сама не выделялась, только через трубочку-катетер.

С этими операциями на шейных позвонках — длинная история. В Англии жил известнейший нейрохирург — сэр Людвиг Гутман. Ему там сейчас даже памятник поставили — перед входом в госпиталь, где он работал.

Он вообще-то родом был из Германии и там процветал. Но у него был изъян — он оказался евреем. С приходом Гитлера не только процветание, но и жизнь оказались под вопросом. А он, что интересно, дружил с нашим Бурденко и обратился к нему за советом: не эмигрировать ли ему в СССР — самую передовую и демократическую страну мира? Что ответил Николай Нилович и ответил ли вообще, неизвестно, но Гутман напрямик направился в Лондон, где прославился настолько, что получил из рук короля (или королевы) звание пэра и стал сэром.

Вот он как раз и занимался спинальными больными — всеми аспектами этого несчастья, постигающего тысячи старых, молодых и совсем молодых людей. Когда полные сил, надежд, стремлений мужчины, женщины и даже дети в одну минуту, в одночасье превращаются в инвалидов, и жизнь их течет по совсем другим законам и направлениям. В одну минуту, даже в одну секунду. Трэк! — и ветка надломлена. И неизвестно, срастется ли, чаще — нет. Называется гематомия — кровоизлияние в спинной мозг. Оно бывает

крохотным, с булавочную головку, но этого достаточно, чтобы человек оказался обездвижен, зависим... и несчастен. Спинной мозг в шейном отделе тоненький, толщиной с обычный карандаш, и любое кровоизлияние внутри его — фатально.

Так вот, сэр Гутман установил, что операция при такой травме почти бессмысленна, «кровенной блок» остается, и потому незачем мучить больного. Это было революционное утверждение. Хирурги до сих пор спорят. Единого мнения нет.

Уже давно умер Гутман, он давно — памятник, а споры идут. Он был невысокого роста, со щеточкой усов, с пузиком и лукавыми темными глазами. Улыбчивый. Я с ним познакомился в 60-е годы на конгрессе в Англии. Узнав, что мы из советской делегации, он подошел, рассказал о дружбе с Бурденко и пригласил в свой спинальный центр в пригороде Лондона. Это впечатляло.

Палаты были большими, на восемь-десять человек, но каждая кровать закрывалась полукруглой ширмой-занавеской, и больной мог изолироваться от окружающего мира. «Мой дом — моя крепость».

Старшие сестры, поджарые, как борзые, в темных строгих платьях, подчеркнутых по узкой талии широким красным поясом-кушаком, энергично скользили по коридорам и палатам, крутым орлиным взором замечали все недостатки, сквозь сжатые губы делали регулярные «втыки» сестрам помладше. Дисциплина, чистота и порядок. Увы нам. Удобные туалеты, ванны с держалками-поручнями, подвесная дорога для тренировки ходьбы парализованных, в зале — вертикальные столы, на которых выставляли совсем обездвиженных — чтоб они видели весь мир вокруг, а не ту знаменитую муху на потолке. В общем, добротный лечебный комбинат. Фабрика здоровья.

Но это еще не все, самое главное — Гутман придумал олимпийские игры для спинальников — параолимпиады. Они и теперь проводятся. Чуть позже больших Олимпиад, более чем по двадцати видам спорта.

Сначала эта картина спортсменов-инвалидов коробит, вызывает странное чувство: что это за соревнование убогих? Но потом привыкаешь. И азарт, даже кураж, с которым соревнуются люди на колясках, так заразителен, что перестаешь замечать их изъяны.

Сидя на колесах-каталках, они фехтуют на рапирах и вопят, как оглашенные, при удачной флеш-атаке, носятся, как юркие автомобильчики, по баскетбольной площадке и метко атакуют кольцо, грубят и бьют друг друга по башке якобы случайно, колотят пластмассовый шарик с такой силой, что он отлетает от стола пинг-понга в другой зал и даже в иное измерение. Интересно, что знаменитый эфиопский стайер Абебе Бикила, двухкратный победитель Олимпиады в марафонском беге, позже стал параолимпийским чемпионом. После звездной Олимпиады попал в аварию, сломал позвоночник, парализовало ноги. Не сдался, научился стрелять из спортивного лука сидя в кресле. Опять стал чемпионом. Стрелял, как Вильгельм Телль. Всех обыграл. Все это придумал сэр Людвиг Гутман. Молодец, сэр!

Моему Валентину до Олимпиады было далеко. Но все-таки бойцовский характер сказывался: тренировал собственное дыхание и добился отмены аппаратного дыхания. Научился самостоятельно садиться в постели. Тренировался по 7–8 часов, полный рабочий день, уставал как собака, но не сдавался. Мать была и ассистентом, и тренером, и кухаркой. И, конечно, прачкой. В те уже далекие времена памперсов еще не изобрели (вот уж за что можно было свободно давать Нобелевскую, Ленинскую и даже Букеровскую премии — все вместе). Поэтому она непрерывно стирала, гладила и опять стирала. На Валином теле не было ни одного пятнышка, ни одной потертости, тем более пролежней. Редчайший случай! Это все мать следила, милая и скромная Ольга Афанасьевна.

А жена, Мара, вскоре ушла. Забрала дочку и отчала. Попросила не обижаться, потому что ей надо тренироваться и летать. «Первым делом самолеты», без них — жизнь не в жизнь. Валя ругнулся и успокоился. Тем более что дочку Олю (ее назвали в честь бабушки) часто привозила бывшая свекровь. Он с девчонкой шутил, загадывал хитрые загадки, придумывал смешные речевки. Смеялись.

Но вот с тазовыми функциями были настоящие проблемы. Моча то стопорилась наглухо, то лилась широкой рекой. Просто бедствие какое-то. Чувствительности ведь не было в пузыре. И что подло — все это происходило неожиданно. Раз! И потекло. Очень мешало жить и работать.

Постепенно организм приспособился: когда мочевого пузырь наполнялся, какой-то боковой нервный путь относил эту радостную весть куда-то наверх, и у Валентина вставляли дыбом коротельные волосы на голове. Как ежик. Очень быстро поседевший ежик. Валентин кричал: «Мама, «утку»! Быстро!» Между вставанием волос и мочеизлиянием был четкий временной промежуток — двадцать секунд. Как часы. Валя замерял время на огромном хронометре, висевшем на шее. Друзья позаимствовали в какой-то секретной лаборатории.

С кишечником тоже были немалые проблемы. Но там мама как-то справлялась. Ставила высокую сифонную клизму и вымывала все к чертовой матери. Когда Валентин уставал от этого «говенного водопада», он кричал матери: «Все! Ольга Афанасьевна, хватит. Остальное — Гитлеру!» Скучать им было некогда.

А бывшая жена Мара вдруг неожиданно умерла. И нет чтоб героически разбилась на своей авиаакробатике. Ведь нет — мгновенно сгорела от рака всевозможных женских органов. Всех сразу. Вот как бывает! Валя очень переживал. За дочку Олю, что осталась сиротой.

Его выписали из клиники, и он поехал домой, осваивать новую жизнь. Конечно, перед этим съездил в Крым, на курорт с неблагозвучным названием Саки. Старинное татарское название. Что-то очень романтическое, но не для русского уха. Там были лечебные грязи, ванны, специальная гимнастика. Но в основном — народный университет. Опытные спинальники учили новичков всем премудростям незнакомого и ужасного существования — от подбора удобной обуви до развода с прежней женой и приобретения новой, более приспособленной и морально, и физически к ущербной жизни.

Как раз после Крыма в доме появилась Валентина. Шел такой спектакль в Москве, «Валентин и Валентина», с высоким, мужественным и кривоногим Киндиновым в главной роли. Все усматривали аналогию с этой парой. Новая Валентина была молчаливой, крепкой и абсолютно невозмутимой. На призыв: «Утку!» — спокойно отвечала: — «Летит». Научилась пересаживать Валю из коляски в автомашину и обратно. Он купил себе 21-ю «Волгу», с ручным управлением, механики переделали рукоятки газа таким необычным образом, чтобы можно было давить пальцами от себя, разгибать — все, что сохранилось в правой руке. Живучее существо — человек.

Был еще один немаловажный аспект в Валиной жизни. Он получил редкостно большую пенсию — пятьсот рублей. Профессор, доктор любых наук получал четыреста. А он — пятьсот. Все-таки производственная травма, да и «контора», от которой он летал, была суперсерьезной.

Эти деньги существенно скрасили жизнь и отделили его от основной массы спинальных инвалидов, людей не просто небогатых, а откровенно бедных. Ему отремонтировали дом, сделали пандус с перилами, он по нему въезжал и съезжал на коляске. А иногда в протезах-таторах, как сказочный Голем или Статуя Командора, вышагивал на прямых ногах, громыхая могучими башмаками. Они остались от того рокового полета. А грохот, как он говорил, внушал ему надежду, что он, возможно, поправится. Он долго не хотел верить в иллюзорность своих надежд.

Вот где он себя превосходно чувствовал, так это за рулем машины. Там он творил просто чудеса. Все-таки легчик, бывший истребитель, он обожал бешеную скорость во всех ее проявлениях: внезапно ускорялся на поворотах и на подъемах, не снижая хода, вписывался в любые виражи на сложных участках дороги. На скорости он как бы переходил в другое состояние, в другое измерение. Из-за этого измерения очень уважал товарища Эйнштейна: «Умный был мужик, соображал, что к чему. Скорость и время. Мог стать приличным летчиком или даже космонавтом». Шутил.

Один раз я сел к нему в машину и уже через полчаса вышел на дрожащих ногах, с мокрой спиной, укачавшись вусмерть. Он веселился: «Что, доктор, скапустился?» При этом надо учесть, что и газ, «рычаг скорости» и, главное, тормоза управлялись рукой, где пальцы только разгибались, но сгибаться не могли, а ноги были вообще неподвижными. Не слабо?

Невозмутимая жена, сидя на заднем сиденье, меня успокаивала: «Не волнуйтесь! Главное, чтоб он гастроном не проскочил, а то опять мне за молоком топать два квартала. В прошлый раз вообще в другой город уехал, промахнулся». Это, конечно, скрашивало жизнь.

Стал учить французский. Шло плохо. Только начнет дифтонги проговаривать, сразу волосы дыбом вставали, и требовалась «утка». Очевидно, звуковая волна в чужом языке совпадала с волной настройки мочевого пузыря. Он любил пошутить на эту тему. Мол, какой-нибудь французский кирасир 1812 года галантно огулял русскую красотку. Небось, говорил: «Лямур, лямур», а сам циститом болел. Или еще чем похуже. Вот генетически связь и закрепилась. Отсюда и неприятие французского языка.

Договорился в одном из отделов своей фирмы, что ему будут привозить на рецензию всякие технические задания, он с удовольствием их изучал, писал замечания. Но потом первый отдел «забурлил» — как это секреты вывозятся за пределы фирмы? Запретили. Валя ругался малоприличными словами. Помогли опять же друзья — стали присылать технические разработки без грифа «секретно». А по содержанию еще более интересные. Эта работа ему очень нравилась, тем более что вводила из мира болезней, хотя бы на время забывались парализованные ноги, слабые руки, капризный, даже психопатский мочевой пузырь. Да и деньги еще платили.

Он по-прежнему делал многочасовую гимнастику, стоял и ходил по пандусу, стараясь почти не опираться на перила, «ловил» равновесие. Как сейчас помню его огромную фигуру с поднятыми вверх или раскинутыми в сторону руками, крупный бисер пота на лбу, гримасу отчаянного напряжения на лице, иногда даже оскал зубов — когда стоять было особенно тяжело.

Переписывался с такими же спинальниками, с которыми лечился в Крыму, в Саках. Я читал эту переписку. Это особая форма эпистолярного жанра — смесь детального описания своего состояния, всех болячек и неприятностей с едкими шутками по поводу окружающей их жизни. Особенно их возмущали так называемые «спинальники-самозванцы». Была (и сейчас есть) такая категория пострадавших, у которых травма вызывала лишь частичное и, главное, обратимое повреждение спинального мозга. Этим людям сказочно повезло — в результате лечения, а иногда спонтанно, без всякой помощи извне, а просто в силу самовыздоровливания (есть такой чудесный термин) эти больные поправляются. Некоторые — полностью (такие, как суперсилач Валентин Дикуль), другие — частично, но с высоким процентом восстановления. Они упорно занимаются гимнастикой, проливая «пуды пота» (выражение знаменитого одно время спинальника Красова). Преодолевая болевые мучения, придумывают хитроумные упражнения, незнакомые ни гимнастам, ни йогам. Конструируют приспособления, в которых стоять, приседать и ходить не только гораздо легче больному человеку, но и полезней, потому что снимается часть веса тела и амплитуда движения увеличивается. Вообще делают полезное дело, это так. Этого у них не отнимешь.

Но есть в их поведении одна «закавыка», одна особенность. Получив хороший уровень восстановления, они начинают считать, что эти достижения есть результат только их тренировок, гениальных приспособлений, терпения и даже таланта. И уверовав в собственную одаренность и этот самый выдающийся талант, они пытаются убедить других пострадавших людей следовать только их путем. И никак не иначе. А у тех — совсем другая история поражения, гораздо более тяжелая и сложная. Иногда вообще ничего общего.

И посмотрев на лихие взмахивания ног и смелые кульбиты «умельцев» (Красов, лежа на спине, даже выделял нечто похожее на брейк-данс), они прекрасно понимают, что повторить эти движения невозможно по определению. А когда эти показы еще сопровождаются нравоучениями типа: «Делай как я и не иначе!.. Вы — лентяи, охламоны, бездельники, берите пример с меня!» — становится совсем нестерпимо.

Конечно, среди спинальников, как и среди обычных людей, есть и лентяи, и охламоны, но их не больше и не меньше, чем среди остальных. Хотя, безусловно, есть и просто сломленные люди. Сломленные своим несчастьем, тоской, необратимостью ситуации. Но много и очень сильных, упорных и мужественных. И сейчас они есть. Они работают как одержимые, преодолевают боль, слабость, неудачи. Однако глубина поражения так велика, что успехи ничтожны, а прибавка в здоровье почти незаметна. Проходят дни, месяцы и годы, а «воз и ныне там». Тут любой дрогнет. Попробуйте так неистово заниматься, тратить море сил, пота, слез, эмоций и времени — а результата почти не видно.

И еще одна сложность — родственники, и в первую очередь жена (или муж, если она спинальница). Мать и отец — с ними все понятно. Они не выдадут и не смоются аккуратненько. За редким исключением. А вот мужья и жены — большая проблема.

Но вот у Валентина она благополучно разрешилась, у него был крепкий тыл. Мать и новая жена вполне прилично ладили и дружно помогали ему сражаться с судьбой. Он был накормлен, чист, опрятен. Все механизмы — коляска, тьютора, машина — содержались отлично. За этим следила жена, она тоже была каким-то технарем. И еще — педантом.

Помню такую картину: Валентина в летном комбинезоне мужа возится с мотором «Волги». Комбинезон ей велик, пузырится на коленках и на попе. Капот машины поднят, она продувает насосом карбюратор. Валентин из кабины покрикивает: «Резче, шибче качай! Пах, пах! Напирай!» Жена молча наваливается на рукоятку насоса и страстно его дергает своей могучей рукой. Крупная женщина. Поршень вообще вылетает из насоса, рукоятка надламывается. «Вот бог дал силенку, — восхищается Валентин, — тащи другой агрегат!»

Жена смущенно улыбается, сопит, вытирает руки, нос ветошью и идет в гараж за другим насосом. Красота!

Потом меня зовут обедать. Подают те знаменитые киргизские манты. Ольга Афанасьевна приготовила по всем правилам. Душистые, ароматные, держу их за пупочку сверху, аж слюни текут. Валентин эдак с подковыркой спрашивает: «Рюмочку, конечно, нельзя? Повредит здоровью?» На что я важно отвечаю словами чеховского доктора: «При мне можно. Но без меня! Ни в коем случае!» (Потом в рассказе доктор с племянником напиваются в стельку.) У Чехова часто встречаются пьющие доктора. Это жизненно и понятно. Мы выпиваем рюмашку — одну, вторую, третью. И останавливаемся. Даже под прикрытием сытных и могучих мантов — достаточно. Валя розовеет, мелкие капли пота выступают на лбу, на крыльях носа. Чаше поднимаются дыбом волосы — его прямо на кресле-коляске жена отвозит в соседнюю комнату, «на свидание с уткой», шутит горьковато Валентин.

Я тоже розовею и покрываюсь испариной, водка с мантами — бодрящая смесь. Получается, что я «пьянствую водку» с пациентом? Формально, конечно, нехорошо. Но по жизни, как теперь говорят, нормально. Кроме того, человек он незаурядный — сильный, волевой, могучий. Учиться и учиться его стойкости. Вот я и учусь. В разных аспектах.

Потом пьем крепкий душистый чай и размышляем о Валиных перспективах. Они, мягко говоря, туманны. Прошло уже три года после травмы. Травматический процесс закончился, кровоизлияние в спинной мозг преобразилось в кисту и рубец, с которыми что-либо поделаться практически невозможно. Остаются какие-то компенсаторные возможности — тренировать те мышцы, которые меньше всего пострадали и могут взять на себя часть нагрузки.

Все это я объясняю Валентину, осторожно подбирая слова, чтоб совсем не утопить его веру и надежду хоть в какое-то улучшение. Однако сам в этот прогресс верю слабо. И он, конечно, по интонации прекрасно чувствует мою неуверенность. Улыбается и говорит: «Ладно, Львович, успокойся, замнем для ясности. Лучше мне подскажи упражнения для равновесия. Это я делаю с удовольствием».

С равновесием дело непростое. Не случайно в цирке жанр эквилибра очень ценится. Люди стоят на руках, на голове, даже на ушах — лишь бы не на ногах. А если уж встают на ноги, то обязательно на что-нибудь эдакое узкое и крайне неудобное — проволоку, острие

шашки, спинку стула, голову партнера. Канат считается широким и шикарным удобством. Это для начинающих. Так вот, для спинальника, да еще шейного, у которого параличи не только ног и рук, но и туловища, всякого рода вертикальная позиция превращается в цирковой номер. Даже сидеть без опоры — и то трудно, опрокидываешься на спину или на бок. Как ослабленный или недоношенный младенец. Которого обкладывают подушками. Представили? А вставать? Теперь вообразите, такого человека, закованного в мощный корсет и высокие тьютора-протезы наподобие средневекового рыцаря, которого ставят вертикально, как говорится, «на попа». Он должен «ловить» баланс, чуть придерживаясь за опору руками. Почему чуть? Да потому, что руки у него тоже «не люкс», ослаблены.

При этом надо учесть еще одну проблему — глубокую чувствительность ног, вернее, полное отсутствие этой самой чувствительности. Спинальник, если не смотрит на ноги, зачастую даже не знает, где они находятся, согнуты они или разогнуты, в каком положении стопы и пальцы. Бывает, что они подворачиваются и травмируются, а он об этом ничего не знает. И только вечером, снимая с себя всю амуницию, он с удивлением разглядывает посиневшие пальцы и распухшие лодыжки. С этой чувствительностью вообще все время какие-нибудь неприятности, и чаще всего — температурные.

Жгучий холод или крутой кипяток для больного неотличимы, вот он и напарывается на проблемы. Даже Валентин, за которым был идеальный уход, пару раз ошпаривал ноги, сидя в ванне. Горячая вода тоненькой струйкой льется на стопу, а он ничего не чувствует. В результате — настоящий ожог: покраснение, водяной пузырь, кожа слезает как перчатка. Еще лежа у нас в клинике, он однажды так ошпарил ногу, что на ней образовались глубокие ожоговые язвы. Ольга Афанасьевна терпеливо обрабатывала эти ужасные раны — облепихой, мумие, прополисом. Народными средствами. Залечивала неплохо.

Но вернемся к тренировкам равновесия. Сидеть ровно он научился сравнительно быстро.

Использовал вес головы как балансир. Сидел и покачивал головой, как «китайский болванчик». Потом по моему совету «утяжелял» голову: устраивал на темечко какой-нибудь груз — мешочек с песком, грелку с теплой водой, а на эту грелку водружал толстую тяжелую книгу. У него был томик знаменитой энциклопедии «Мужчина и женщина». «Как Васисуалий Лоханкин, — смеялся Валя, — осталось только на голову класть эту тематику». Жена, насмотревшись «Вокруг света», советовала ему ставить швейную машинку, как корзинку с фруктами. Шутили, шутили, но сидеть он научился довольно быстро и хорошо.

Стал учиться стоять и ходить. Это было гораздо труднее — задача со многими неизвестными. Ноги парализованы и абсолютно ничего не чувствуют, мышцы спины и брюшной пресс — еле-еле «фурыкают» (Валино выражение), руки, особенно кисти — тоже слабые, опираться на них трудно и ненадежно.

Закованный в протезы-тьютора и корсет, он стоял, покачиваясь и «ловя» баланс, в параллельных брусках. Время от времени, потеряв равновесие, с грохотом обрушивался вперед на эти бруска и провисал на них, закапывая перед собой пол крупными каплями пота. Они ручьем сбегали со лба и шеи. Grimаса напряжения и отчаяния изменяла его обычно спокойное лицо.

Эффект от этих тренировок был невелик — самостоятельно ходить он все равно не мог. Я посоветовал прекратить эти изнурительные «болтанки». Он послушался и окончательно стал «колясочником». Однако попытки «накачать» мышцы рук-ног-туловища не оставил и по многу часов упражнялся.

В это время появились в специальных журналах статьи о спинальниках, которые изнуряют себя подобными тренировками. В результате возникает опаснейший синдром — миокардиодистрофия, а проще говоря, по-русски — истощение сердечной мышцы. Это очень опасно для жизни. В моей практике тоже появились подобные случаи. Я стал его попугивать. Он хмурился, но продолжал свои самоистязания. Надеялся подняться еще хоть на одну ступеньку. «На ступень прогресса, мать его за ногу!» — возглашал Валентин, утираясь огромным махровым полотенцем, которое жена несколько раз за день заменяла на

сухое.

Часто приходила дочка, она жила неподалеку с бабушкой и дедушкой. Ее кормили чем-нибудь вкусным, а потом они с отцом занимались арифметикой. Она ловко решала задачки, раскалывала «как орешки», Валя радовался и гордился. Потом они играли в «угадайку» — Валя закрывал глаза, а Оля сгибала и разгибала отцовские пальцы на ноге и требовала ответа. «Вверх или вниз?» — строго вопрошала она. Его умиляла строгость тона, но он почти всегда ошибался: чувствительность так и не восстанавливалась. А главное, гасла надежда на восстановление. Время-то уходило!

По своему характеру он был человеком упорным, настойчивым, даже жестким, но с большой долей самокритичности и абсолютно лишенным чувства какой-то своей исключительности. Трезво смотрел на всю ситуацию и на свои ограниченные возможности.

Это его выгодно отличало от «птичников-отличников», о которых уже была речь. Те умельцы бодро и неистощимо упражняли те мышцы, которые уже и так восстановились. А слабые, полупарализованные мускулы оставались заброшенными. Я однажды с таким спинальником поговорил — откровенно и нелицеприятно: «Упражняйте те мышцы, которые ослаблены, а восстановленные мускулы и так достаточно хороши. Поменяйте акцент и вектор занятий!» Научно так поговорил. Он когда-то был врачом, правда, санитарным. Однажды неудачно прыгнул с доморощенного трамплина, приземлился попой на пенек и стал спинальником, но повреждение было не фатальным, и он быстро выбился в отличники. Хотел всех остальных дураков учить жизни. На мои слова окрысился: «Это я — я сам вылечил себя. Постепенно подтяну и остальные участки. Что же я, зря столько мучился?» Такому человеку доказывать, что мышцы и так бы восстановились? Ревизовать все эти месяцы и годы напряженных упражнений? На это я не решился. И он тоже всячески избегал продолжения неприятного «ревизионного» разбирательства.

С Валею можно было все это легко обсуждать, он был открыт для «конструктивной критики» (как модно говорилось). Но вот остановить его многочасовой изнурительный труд я никак не мог. Он гнул свою, только ему ведомую линию. «Он не отступит, — говорила Ольга Афанасьевна, — с детства упертый, как грецкий орех. Скорее расколется, чем сомнется. Отец у нас такой был. Из-за этого много неприятностей терпел. Да и я тоже особа неуступчивая. Но за его здоровье волнуюсь... Очень он бледный становится после занятий. И голова болит. Давление скачет».

Я назначил ему какие-то сердечные лекарства. Но он их принимал нерегулярно, от случая к случаю. Я его поругивал, но сам точно так же лечился — безалаберно. Хотя «сердечные» проблемы у меня уже тоже появились — время-то шло, а здоровья не прибавлялось. Я и сейчас так же лечусь, по той же системе. Как попало.

Я ему был уже не очень нужен и стал бывать гораздо реже — работа, заботы, дети, другие больные. Изредка перезванивались, но говорили чаще на отвлеченные темы.

Потом как-то внезапно умерла Ольга Афанасьевна. Сердце не выдержало. Для него это был смертельный удар. И вскоре он тоже умер. Тоже сердце. И тоже не выдержало этого изнурительного и беспощадного самоистязания. Незадолго до смерти он мне сказал: «Эх, Львович, если бы я тогда знал, как пройдут эти годы, я бы попросил друзей отключить этот чертов дыхательный аппарат. Чик — и все, готово, и все мучения, которые меня ждали впереди, остались бы позади или вообще бы не состоялись!» Что я ему мог ответить? Как возразить? Сильный он был человек, трагическая личность. Незаурядная. Достойная подражания. Во мне он глубоко живет, и память моя к нему часто возвращается. Особенно когда мне трудно.

Держи дистанцию

Он лежал в ванне, закрыв глаза, серьезный, как йог, натурально голый, но в офицерской фуражке с высокой тульей. Фуражка была с силой натянута на уши, которые изрядно посинели. Правда, они могли посинеть и от холода: вода-то давно остыла.

«Вот, — с плачем объясняла жена Лидка, — пришел ночью пьяный и который час уже так лежит. Соседям в ванную нужно, а он не вылезает, всех отгоняет и ругается. Может, хоть вы его образумите? Перед соседями стыдно».

Да-с, визит к моему подопечному Севке Володину получился необычным. Понедельник, раннее утро, огромная коммуналка на задворках Тверской, соседи ползают злые, как мухи. На работу надо, а этот разлегся без трусов. Перед бабами неудобно, хотя там смотреть-то особенно не на что: от холодной воды все срамные части скукожились до нуля. Но он все-таки подполковник танковых войск, да еще кандидат физико-математических наук, и в таком непотребном виде. Кошмар!

Я давно занимаюсь этим индивидом, уже несколько лет. Однажды кто-то из моих коллег попросил приехать на консультацию в госпиталь Бурденко, в Лефортово. Пациент перенес клещевой энцефалит. Гадкая болезнь. Таежный клещ кусает человека где-то на Урале, в тайге, на привале, в кустах, например. Когда он присел покакать. Попа-то голая. В этот момент клещ кусает и прямо ввинчивается в этот теплый желанный объект. И привет. Несколько дней все нормально, никаких признаков, и вдруг... Турист, геолог, охотник возвращается на базу или даже домой, на радостях ничего не замечает, только чуть температурит, думает, что слегка простыл. Пьет водку, аспирин. Потом — и то, и другое. Но энцефалитный вирус уже бурно размножается, крепнет от часа к часу, плюет и на аспирин, и на водку, поселяется в мозгу и «выстреливает». Да так, что мало не покажется.

Этот вирус такой же сноб, как и вирус полиомиелита, развивается в своих излюбленных местах — в двигательных центрах головного и спинного мозга, там он начинает свою разрушительную работу.

У человека наступает паралич шеи, рук, верхней части грудной клетки. Ноги и голова остаются сохранными, он может ходить, думать, разговаривать. Но этой сохранной голове не на чем держаться. Шея так слаба, что голова падает вперед, назад, вбок. Куда угодно. Поэтому ее приходится держать на подушке или в головодержателе. Руки — тоже не лучше. Пальцы еще кое-как шевелятся, но лопатки и мышцы спины совершенно не держат, поднять руки вперед или вверх невозможно, нет опоры для них. Лопатки, как два треугольных крыла, нелепо оттопыриваются, и толку от них мало.

Человек становится инвалидом. Лечить это нечем, только сложной специальной гимнастикой. Потому меня и пригласили. Посчитали меня специалистом в этой области. Ну, раз посчитали, я и поехал.

Смотрю, человек пытается сидеть, обложен подушками, перед ним прикроватный столик, на нем тарелка супа. Он прикрепил ложку к своим пальцам обычными канцелярскими резиночками и пытается самостоятельно кушать. Получается плохо. Как только он наклоняет голову ближе к тарелке, она плюхается в эту тарелку. Кошмарное зрелище. Санитарка вынимает голову, обтирает лицо и быстро впихивает в него несколько ложек супа. Но он упорно мотает головой и снова пытается поесть самостоятельно. «Упертый какой, — ворчит нянечка, — в прошлый раз чуть в горячих щах не утоп».

Больной отвечает хриплым баском: «Главное, чтоб суп в уши не заливался, а то тебя не услышу». Все соседи по палате смеются, нянька взвизгивает громче всех. Полуживой человек, но с юмором. Вызывает уважение.

На меня смотрит с недоверием. «И чем таким особенным будем заниматься с вами? Я уже все перепробовал, но Нина Ивановна — это инструктор по лечебной физкультуре — сказала, что вы в гимнастике дока, корифей. Хотя я и сам корифей, но, может, вы еще корифеестей?» Глаза очень колючие. Но мордочка измученная, осунувшаяся, подбородок торчит утюжком, нос острой морковкой, уши-лопухи, как радары. Но главное — шея. Тонкий стебелек. Толщиной с мою руку, где предплечье, не выше. На чем голова держится? Вот она и не держится. Кадык только ходит вверх-вниз.

Я его внимательно осмотрел, покрутил — положил на живот, перевернул на спину. Понятная картина. Избирательные параличи различных мышц. Одни совсем парализованы, другие наполовину, третьи — вообще не тронуты. Эдакая мышечная мозаика. Интересная и

сложная задачка. Но при таком упорном пациенте может все получиться неплохо.

Перво-наперво надо применить подвесы. Сейчас это называется модным словом «пелатес». На самом деле это давно известный прием: движение руки, ноги, туловища в горизонтальной плоскости на специальном матерчатом подвесе, типа длинного бинта. Он не только уменьшает вес этой самой пострадавшей человеческой детали, но и позволяет двигаться с большим размахом, устраняя силу трения. В общем, подробности интересны далеко не всем. Но больного-то это касается самым непосредственным образом. Неподвижная рука вдруг начинает свободно перемещаться, а по команде «Стоп!» — твердо останавливается. Это его радует.

Есть самые разные способы усиления этого размаха и тем самым — тренировки пострадавших мышц. Придуманы и другие приемы и приемчики, укрепляющие мускулы и облегчающие жизнь пострадавшего индивида.

А индивид своими колючими голубыми глазками оценил приносимую ему пользу и начал фанатично заниматься. День и ночь. Иногда так уставал, что чуть в обморок не падал. Побледнеет, вытянет посиневшие губы в ниточку и закатыт глаза. Похлопает его инструктор по впалым щекам, водичкой взбрызнет, он, не открывая глаз, учтиво прошипит: «Благодарю вас, вы очень любезны». Прямо английский лорд. Потом, правда, матерился по-русски довольно виртуозно. Но не всегда — это зависело от степени усталости. Иногда так уставал, что знакомые с детства слова и буквы забывал. Упорный был малый.

И ведь стал понемногу поправляться! Что уже удивительно, потому как энцефалитники, что клещевые, что всякие другие, плохо поддаются лечению. Тут больше надо уповать на природу и на породу. Да еще на упорство.

Он выписался из госпиталя, стал приходить к нам в зал лечебной физкультуры. Благо это рядом с его домом на Тверской, тогда она еще звалась улицей Горького. Приходил в легких курточках или рубашках с отложным воротничком — в шинели и кителе не мог. Жесткий воротник наминал тонкую цыплячью шею, и голова падала вперед. Шинель же своей тяжестью вообще натирала хребет. У него позвонки тогда торчали мослами, как пеньки, как редкие зубы — через один. Кожа и кости. Кто бы мог признать в этом изможденном мосластом существе того плотного, уверенного в себе до нахальности мужчину в полном расцвете сил. Я видел его старые фотографии — на байдарке, русский, с мощной шеей, довольный собой донельзя. Смотрит с вызовом, дерзко.

Впрочем, вызов и дерзость и сейчас остались в прежнем размере. Завуалированно, конечно, но очень заметно: «Кто вы все тут такие, что такое умеете, чего я не умею? Фраера, одним словом». Только научился ложку ко рту подносить, а уже начал примериваться к теннисной ракетке. Причем раньше в теннис не играл, считал его пижонским видом спорта, то ли дело — горный туризм или подводное плавание, байдарка, опять же, на таежных реках. Там его, кстати, и укусил голодный клещ, будь он неладен.

Удерживать ракетку одной рукой он не мог, поэтому начал осваивать двуручный хват. Сейчас-то многие известные мастера и мастерицы вцепляются в ракетку двумя руками и орут как оглашенные. Севка, суровый и мрачный, с трудом взмахивал ракеткой (как будто за бабочками с сачком гоняюсь — иронизировал над собой), дотягивался до мяча и как-то утробно стонал. Это было задолго до современного шоу-тенниса с пушечными ударами, бросанием на землю ракеток и плотно обтянутыми задами звезд и звездич. У Севки зад кое-как обозначался (ноги-то были сохранными), но зато майки и футболки болтались, как на огородном пугале. Даже бейсболка съезжала с головы то вправо, то влево. Кстати, я вспомнил: он был как две капли похож на Простака из «Белоснежки и семи гномов». Тот, который сзади всех, в смешном колпаке, подпрыгивает и попадает в самые комичные ситуации. Однако тот был добродушным, веселым и благожелательным, а мой персонаж — с обратным знаком. Возможно, так ему было легче бороться с превратностями жизни. Да и характер был неуживчивый, неудобный.

Однако он был упорен не только в физкультуре. Ну, хотя бы в своей специальности. Он занимался прикладной математикой, какими-то системами. До болезни уже была защищена

кандидатская диссертация. А сейчас он решил форсировать и докторскую. К этому его подталкивали разговоры о необходимости комиссования, то есть увольнения из армии по состоянию здоровья. Этого он никак не хотел.

С армией его связывало многое, начиная хотя бы с суворовского училища, которое он окончил в Саратове. Пару раз его оттуда выкидывали. За строптивость и драки. Очень драчливый был. Чуть что — сразу в морду. Позже выяснилось, что таковым и остался. Но из армии уходить не хотел. Военная косточка. Да и деньги немалые доплачивали — за погоны, выслугу лет, опять же — поликлиника для себя и жены Лидии. Это все на улице не валяется. Путевки на курорт, военный санаторий.

Время шло. Однажды я его встретил в Гурзуфе. Он там лечился в своем санатории. А мы с женой пешим туризмом баловались. Бродили по Крыму и детеныша Мишку с собой волокли. Провожаемые воплями и стенаниями бабушек. Молодые были, беззаботные. Хорошо-то как нам было! Очень давно.

Севка там тоже отдыхал со своей женой. Загорел, носик-морковка облупился, реснички выгорели. Но шея окрепла — голова уже не выпадала в прорезь футболки. В руках держал взрослую ракетку (прежде начинал с облегченной детской) и похлопывал ею по коленке. Говорил солидным баском, тщательно выговаривая окончания. Он ведь еще и лекции в академии читал, доцентуру имел.

«Я, старик (нам было лет по тридцать пять), здесь играю на корте каждый день, благо погода способствует. Стал играть на деньги. Для усиления куража. Эти раскормленные полковники из Генштаба, заживевшие буржуи да тыловики сраные, ведутся на мой хилый облик. Да и жадность, как известно, фраера сгубила. Я им предлагаю по маленькой. Сначала проигрываю. Нарочно. Потом покрупнее. Опять проигрываю. Делаю вид, что я в запале, теряю голову. Ставку повышаю до возможно допустимого, а то потом денег на расплату не хватит, они заведут бузу какую-нибудь. Мне этого не надо. Я лучше в тенечке, незаметненьким останусь.

Как только ставки сделаны, начинаю игру. Без паузы, чтобы не передумали. Они мне даже фору дают, убогому — один, два гейма (всего их пять). Я кланяюсь и благодарю. А потом приступаю к делу — рву их в клочья. Поддача у меня слабая, двумя руками качественно не подашь, но зато точно в неудобный уголок могу устроить. И начинаю крушить их: с лета, смеш, опять с лета, с закруткой, плоско — я все это уже освоил и на практике применяю запросто. Счет растет молниеносно. Они уже жалеют о форе. Но уговор дороже денег. Хотя деньги — вещь не лишняя. Я их уважаю, они меня согревают. Вот вчера двух самодовольных козлов обыграл — Лидке приобрел спортивные туфли. Модные, удобные. Ты довольна, моя краля?».

Лидка загадочно улыбается, щурится и выставляет вперед одну ногу. Севка довольно ее оглядывает. Видно, у них такая игра. «Мне, — говорит он абсолютно серьезно, — очень ее ноги нравятся, я балдею от них. Вот вечером ляжешь спать, сил уже никаких нет, все до лампочки, но натолкнешься на ее ногу, она как стальная, только теплая, и сразу откуда только сила берется и бодрость — прямо через край! Вот какие ноги у этого человека!»

Гулял он от этого человека направо и налево. Даже в замкнутом санаторном Гурзуфе умудрялся «куры строить» обслуге женского пола. От поварих и санитарок до замглавврача: «Нам, татарам, все равно». Зато и ревновал ее тоже регулярно. Бурно. «Всех поубиваю, кто к ней притронется», — предупреждал он и грозно нахмуривал жидкие брови. Даже белая пенка высыхала по краям разгоряченного рта. Голова на тонкой шее, как радар, поворачивалась в сторону потенциального обидчика. И народ расступался, стараясь не встречаться глазами с этим дракошей. Он, как Змей Горыныч, мог испепелить. Хорошо, что хоть одна голова была, а не три.

Теннис его очень укрепил. Он вышел на работу. Правда, вместо чемоданчика-кейса носил тонкую папочку с несколькими листками. «Мне хватает, — говорил он гордо, — остальное все в голове. Туда вирус не добрался. Пусть дураки носят чемоданы с бумагами». Спесивый был чрезмерно.

Но тут его подстерегла другая беда, не менее опасная, чем энцефалит, — алкоголь. У него и наследственность была не «люкс». То ли отец, то ли мать страдали запоями. Где-то на Дальнем Востоке. Он это тщательно скрывал. Но природу не обманешь, гены не запретишь. Не те времена.

Я по неосторожности тоже внес свою лепту в этот разрушительный процесс.

В одну зиму мы снимали дачу в Барвихе. На субботу и воскресенье. В те древние времена Барвиха не была за пределами модной. Просто нам подходила Усовская ветка, мы жили на Хорошевке, ехать близко. Дача была недорогая, просто изба. Хозяин — одиночка, жил в пристроечке. Перед нами не маячил, слегка попивал. Я приглашал Севку с женой и сыном, хотел его тренировать в ходьбе на лыжах. Толчок лыжными палками был ему чрезвычайно полезен. Это входило в придуманную мной систему тренировок. Он кривился, не любил холод, но слушался. Однажды, для поощрения, я обещал глоток коньяка. Меня тогда снабжали азербайджанским, марочным. Он оживился, глаза заблестели. «Годится!» — сказал он с вдохновением и покатил по лыжне. Когда он толкался палками, у него зад оттопыривался картинно. «Главное — отключить жопу, — научно объяснял без пяти минут доктор физико-математических наук, — тогда толчок эффективнее и мощнее». Эрудит.

Вечером наступал миг его блаженства. Я наливал коньяк из маленькой бутылочки в десертную ложку. Он проглатывал, занюхивал рукавом «по-пролетарски». И требовал вторую ложку. Мол, не распробовал. Очень оригинально. Он полюбил десертные ложки.

Коньяк имел привлекательный летучий запах. На него появлялся хозяин. Поводил носом, он у него был какой-то сплюснутый. Глаза сомнамбулически прикрывались, как при наркозе. «Пахнет чем-то освежающим, — сдавленным голосом говорил мужик, — алкоголь?» Помните, у Никулина: «Спирт?» Но, увидев десертные ложки, разочарованно заключал: «Лекарство...» Севка очень веселился от этого и требовал себе третью ложку. «Тройственная унция», — говорил он туманно. Коньяк его будоражил и вызывал на разные откровения:

— Я когда простого русского мужика вижу, то прямо млею. Простой, бесхитростный. Готов ему простить любое свинство. А вот интеллигенты ваши меня злят — чего-то крутят, вертят, выдрючиваются.

— А ты сам-то к какому классу себя относишь? — спрашивал я его.

— В том-то и дело — от тех ушел, а к этим не пришел, болтаюсь как... цветок в проруби, — горестно заключал он. — Давай еще одну ложечку примем, для успокоения, а?

— Раз ты этого мужика так любишь, отдадим ему остатки коньячка!

— Издеваешься? Я его лучше удавлю. Да он и непривычный к такому деликатесу. Я ему какое-нибудь пойло куплю в другой раз.

Но в следующий раз ничего не привозил. Скупой был отменно. И то: офицерское жалованье, никаких дополнительных приработков. Лидка спокойно смотрела на «десертное» лечение коньяком, она опасалась совсем других масштабов. Все бывало в их беспокойной жизни.

Привозили они своего сына, Афанасием называли. Полным именем. Года на два был старше моего сына Мишки. Малыш был очень продвинутый. Все норовил сравнить длину своей пискки с длиной Мишкиной. Сын смущался, отказывался. Тот настаивал: «Все равно у меня длиннее, я в детском саду на первом месте». Пятилетний Миша старался перевести разговор, захлеб рассказывал что-то про поезда, паровозы (давно это было) и даже пытался петь «Гренаду», которую незадолго до этого мы выучили (интеллигенты проклятые). Но Афанасий не отставал, уходил с Мишкой погулять и там демонстрировал, как он далеко мог писать. Дальше всех, как из шланга. Севка на эту похвальбу только похохатывал, а Лидка смущалась.

Под самый Новый год я еще утром спрятал в снегу под огромной елкой немудреные подарки: паровозик, конфеты, офицерский кортик из пластмассы. Мы пошли к елке, я специально выбирал сугробистые места, чтоб проваливаться и преодолевать. С задумчивым видом сказал: «Наверно, надо копать здесь, похоже, что Дед Мороз сюда приходил». «Ищите

дураков, следов нет» — сказал недоверчиво Афанасий, а Мишка копал и копал своей лопаткой и добрался до подарков. Как он радовался! Прошло сорок лет, а он до сих пор с удовольствием вспоминает тот Новый год и скепсис Афони. Они давно не встречаются. Мишка стал музыкантом и работает в опере. А Афанасий стал опером, а потом кончил техучилище КГБ. Там и вращается. Скепсис плюс технические папашины гены его устраивают.

Ну а Севка крепчал. Я расценивал это как свою победу. Энцефалит — вещь паршивая, а тут человек явно выздоравливает. Я его лепил, как Пигмалион. Громковато сказано, напыщенно, но мне тогда так казалось. По глупости, конечно, и наивности.

Однажды я задержался на работе и приехал в Барвиху совсем поздно. Меня ждали к ужину. Севка мирно беседовал с хозяином в пристроечке. Наверное, о простой и здоровой деревенской жизни. Он приехал без семьи. Сын простудился, и Лида осталась с ним дома. Мишка спал. Жена на меня как-то странно смотрела и хмыкала. Я это отнес к запоздалому приезду и, естественно, как большинство мужиков, лебезил. Хотя и не был виноват. Поужинали, легли спать, утром день был чудесный, мы с Мишкой учили «Мороз и солнце», и он не выговаривал слово «прелестный», говорил то «пресный», то «перелесный». Смеялись.

Севка красиво работал над переменным ходом, как заправский лыжник: палки взлетали над лыжней и впивались в твердый сверкающий наст. Лыжня уводила куда-то в лес, к елкам, покрытым снежными пластами. Идиллия. Залюбуешься и запомнишь навсегда. Он рано отправился домой — прямо образцовый отец семейства.

Так мне мнилось. Оказалось, это совсем не так. Когда пообедали и легли отдохнуть, жена набрала воздуха и выпалила: «Этот твой барбос совсем обнаглел — предлагал, пока тебя нет, переспать с ним. Просто так, чтоб показать свою мужскую силу. Она-де у него особенная, всем мужикам недоступная, он один такой гигант: «Тебе такого и не снилось с твоим хилым интеллигентиком». На ее возмущенные вопли и предложения использовать эту силу на своей Лидке он отвечал, что ей достается по полной программе и еще хватает на многих других, в том числе и на жен его близких друзей. Стервец.

На мой вопрос, чего же раньше не сказала, пока он был здесь, я бы ему рожу начистил, отвечала, что не хотела скандала, все равно бы он отбрехался, а из тебя такой «чистильщик», как из меня София Ротару. Она тогда увлекалась пением — одинаково почитала Дорду, Кристалинскую и Пантофель-Нечецкую, в равной степени. Пыталась петь весь их репертуар. Кое-что, очень немного, почти получалось. Так мне тогда казалось.

Севка затаился и к телефону не подходил, чует, собака, чье мясо... Лидка грустно отвечала, что он пишет диссертацию, сидя в Ленинке, или с курсантами академии проводит лаборатории. «Он уже у нас теперь доцент. По конкурсу прошел». В голосе ее слышалась некоторая доля гордости. Она тоже работала лаборанткой на какой-то кафедре и к научным званиям относилась с почтением. Муж — доцент. Это звучит. Того и гляди профессором сделается. Не сделался.

Сначала подрался в ресторане. Забрел случайно в «Советский» с другом Кириллом. На его счет. Художник — человек искусства. Там поддал и стал выяснять с ним отношения. Бурно. На замечания соседей прореагировал неадекватно. Запомнил их и в гардеробе полез драться. Чем-то твердым, по-моему, головой, разбил зеркало. «Двести рублей слупили, варвары, — иначе обещали ксиву в академию отправить», — жаловался этот военный математик. Вот тогда-то я его и навещал в ванной. После перепоя. А фуражку он надел, чтоб скрыть шишку. Огромную. Она распухла настолько, что фуражку нельзя было даже снять. Так и жил в ней чуть ли не три дня.

Второй эпизод был гораздо серьезней. Праздновался юбилей факультета. В том же ресторане. В торжественной речи начальник-генерал упомянул его в положительном смысле: перспективный молодой ученый, без пяти минут доктор физико-математических наук, преодолевает все трудности как простой советский человек. Дали грамотку с символикой. Он ее сразу потерял, так как опять не рассчитал дозу. Не мог же он пить на людях десертными

ложками. Так он смущенно оправдывался после всего.

И было отчего смущаться. В разгар веселья, когда тосты кончились и начались танцы-шманцы, он плюхнулся на толстые колени замполита, между прочим, полковника, приобнял его и поцеловал в абсолютно гладкую лысину, капитально ее облюнявив. Потом задушевым голосом сообщил, что тот большой засранец, потому что не верит в неуклонную победу коммунизма. Правда, он тоже не очень верит. Насилу его оттащили.

Запахло «жареным». На кафедре посчитали его диссертацию сырой, требующей доработки, от семинаров отстранили (чему он научит молодежь?), на партбюро закатили выговор, правда, без занесения. Тут уж его фанфаронство отошло в сторону. Он притих и робко стал меня спрашивать: «Старик, у тебя нет знакомств в наших верхах?»

Знакомства-то у меня были, и даже очень весомые, но уж больно он насвинячил за прошедшее время. Тем не менее я по-прежнему считал его своим детищем — способным, одаренным и редкостно упорным. Идея Пигмалиона все еще витала над моей не слишком умной головой. Наивной до глупости. А его поведение подтверждалось цитатой из великого Бернарда Шоу: «Кто шляпу стибрил, тот и тетку пришил».

Послушав несколько дней его стенания и узнав от Лидки, что его действительно по-настоящему прижали, я отправился «по инстанциям». Собственно, инстанция была только одна — многозвездный генерал, чуть ли не один из замов министра обороны. С ним был знаком мой отец еще со времен войны.

Отец был военным инженером и по роду службы встречался с разным прямым и косвенным начальством. Он был всегда спокойно вежлив, готов оказать техническую (подчеркиваю это слово!) помощь и твердо неуступчив в тех вопросах, которые затрагивали этическую сторону дела. Принципиально не участвовал ни в каких интригах и обсуждениях. Не любил вранья и обтекаемых формулировок. Считал утомительным сочинять небылицы и легенды, сразу в них запутывался. В гостях мама с ним мучилась: «Опять ты ляпнул что не надо, лучше бы молчал!» — «А ты меня не тащи к кому попало!» — частый диалог после похода в гости. Хорошо помню.

Эта неуступчивость и недипломатичность создавали ему целый рой недругов, он всегда плохо продвигался по службе. При хрущевском армейском разгроме не дали дослужить два или три месяца до следующего звания. Ушел в отставку хроническим подполковником. Зато если и были друзья, то прочные и надежные. Многозвездный генерал был одним из них. Мама дружески общалась с его женой, а я с самого раннего (вернее, с подросткового) возраста — с двумя их отроками. Впоследствии они тоже стали военными и, конечно, генералами. Я стал врачом и временами бывал приглашаем к ним для малоценных, но благосклонно выслушиваемых советов. Она, милейшая полноватая генеральша, поила меня фамильным изюмным квасом и восторженно вздыхала, услышав знакомый медицинский термин. Генерал же обладал природным скепсисом украинского крестьянина. Его любимым словом было: «Нэ трэба!»

Выслушав мой несколько сбивчивый рассказ о таком одаренном, упорном и обижаемом пациенте, он только спросил: «Володечка, это тоби трэба?» Я принялся путано объяснять. Как я лечил его от жутких параличей, каких добился успехов и как это может несправедливо рухнуть. Он пообещал кое с кем связаться и прояснить обстановку. «В академии сидят не дурни, что-то там негладко».

На этом деловая часть закончилась, и мы уселись играть в подкидного дурака. Он обожал эту немудреную игру, хлопал картами с азартом и почти всегда выигрывал. Помнил все вошедшие и убитые карты. Веселился от души, после выигрыша громогласно хохотал. Закончить при этом игру не было никакой возможности. Не отпускал. Способ был только один — обыграть. Я дождался подмоги — моего отца, уступил ему место, и тот, прекрасный шахматист, не любивший поддавки ни в каком виде, в два счета его обыграл. Генерал поскущел, бросил карты на стол и громко крикнул: «Жинка, вечерять!»

Как мы вечеряли — это отдельный рассказ. Но у Севки дела улучшились. Его вызвал к себе в танковое управление такой высокий чин, что Севка задрожал:

— Что, старик, ему говорить? Наши службисты удивлены этому вызову — уж очень велика между нами дистанция. И человек он суровый. Боевой генерал.

— А ты Расскажи ему всю правду. «Правду говорить легко и приятно...» (Тогда мы все зачитывались журналом «Москва» с усеченным вариантом «Мастера и Маргариты».)

— Помню, чем это закончилось, — мрачно заключил Всеволод.

Лидка его отчистила, отгладила, ботинки довела до зеркального блеска, фуражку с кокардой купили новую. Старая после пребывания в ванне значительно изменила форму. Но не содержание. Он долго не возвращался. Оказалось, разговор был серьезным и нелицеприятным. Его строго предупредили, но дали шанс. Последний. Он это понял и от гулянок воздержался. Стал бегать кроссы вместе с сыном и женой. Для чего-то же у нее были стальные ноги? Она не ленилась и радовалась сближению.

Я позвонил и поблагодарил отцовского друга-генерала. Тот сказал: «Гарный хлопец! Но буйный. Ты за ним присматривай, Володечка. И к нам почаще заходи. Галина Петровна тебя всегда ждет и твои советы выполняет. Старается...» И он долго и с удовольствием хохотал. Мой мудрый отец шмыгнул носом, у него тогда такая привычка появилась, возмущавшая маму, и сказал: «Горбатого могила исправит... Он тебе друг? Пациент? Тогда нечего сближаться. Держи дистанцию». Военный человек, дал ценный совет. Не сразу, позже, я ему последовал, и это было правильно.

Севка защитил докторскую довольно успешно. Его поздравляли. Но когда какой-то доброхот брякнул, что, мол, удивительно, после такой болезни человек еще что-то соображает, Всеволод хотел дать ему в ухо. Воздержался. Вспомнил генеральское предупреждение. Ответил элегантно, что некоторые и без болезни ничего не соображают. И добавил вежливо: «Мудаки потому что».

Тут грянула перестройка. Он уволился из армии и занялся компьютерной диагностикой болезней. Как-то сразу в нее уверовал. Устроился в какую-то медицинскую шарашку и стал туда звать меня. В виде крайней степени доверия: «Старик, будем миллионы грести!» Миллионы меня тоже волновали в те лихие годы, но не настолько, чтобы налечь на диагностику. Не потянуло меня.

Во-первых, выяснилось, что компьютеры правильный диагноз ставят лишь в пятидесяти процентах случаев, то есть по принципу «орел-решка», а во-вторых, Севка предложил немедленно, не позже шести вечера внести астрономическую сумму не то в три, не то в пять тысяч зеленых для покупки на паях компьютерной установки. Тут я вспомнил совет отца и «взял дистанцию». Да и запас мой составлял сорок пять долларов — гонорар за главу в энциклопедии, сдуру изданной за рубежом. Я их прятал в маминой коробочке из-под диакарба. Мочегонное средство. Место очень надежное.

Любовь не состоялась, и мы, как выяснилось, расстались навсегда. Окольными путями я узнал, что он в диагностике разочаровался, но продолжал раздавать визитки, где значился «генеральным директором» чего-то, где работало еще два человека — жена Лидка и друг Кирилл, художник, с которым они частенько кириали и дрались в молодости. Кириать они продолжали, и Кирилл помер, хотя был «русским богатырем» и тоже не любил интеллигентов. Вот такие дела. Так что дистанция — великая вещь. Надо уметь ее держать.

Глаз-ватерпас

Сумрачное осеннее утро. Дождя нет, но воздух влажный, волглый, дышать трудно. Неуютная погодка. Только восемь часов утра. Очень рано. Мы приехали на практические занятия по урологии. Называется: «Ознакомление с работой кожно-венерологического диспансера». Почему по урологии? Да потому, что тема занятия — гонорей. Житейское дело.

Чуть не за сто метров до диспансера наблюдается очередь. Она причудливо извивается из-за того, что люди стоят не прижимаясь друг к другу, а слегка отодвинувшись. Мужики хмурые, мрачные, неразговорчивые. Диспансер еще закрыт, на дверях почему-то деревянная щеколда, как в деревенской уборной. Хорошая ассоциация. Режимный объект.

Мы сгрудились у служебного входа. Наши девчонки дико стесняются и потому весело щебечут о пустяках. Исключительно друг с другом и на очередь демонстративно не глядят. Неудобно. Мужики не обращают на нас никакого внимания. Особенно на девчонок — уже наобщались. Очередь угрюмо молчит. Но вот прошел трамвай, и от остановки приковывал невысокий суетливый человек. Он читает вывеску: «Районный кожно-венерологический...», тихонько взвизгивает и стремится к двери. Крайний пострадавший мрачно реагирует: «Встань в очередь. В конец. Со своим концом». Высокий костлявый мужик в белых грязных кедах хмуро улыбается своей остроте.

Новичок суетливо пытается объяснить, что у него как раз не гонорея, тем более не триппер (интересно, какая, по его мнению, разница?), а трихомониаз. Он важно поднимает кривоватый палец с обкусанным траурным ногтем. «Подцепил в бане за тридцать копеек».

«Ну и дурак, — басит костлявый, — удовольствия никакого, а «на винт намотал» (выражение Жванецкого, но много позже), встань в очередь!»

Но вот щеколда изнутри поворачивается, и старая скрипучая дверь открывается настежь. Нас — практикантов — уважительно пропускают вперед. Большая грязноватая комната, почти зальчик. Впереди возвышение, похожее на сцену (оказалось, здесь когда-то был клуб). На сцене сидит за столом доктор. Венеролог. Грузный, седой, с висячими усами, как у Тараса Бульбы. Он что-то пишет, жует эти свои усы и, не глядя на нас, машет рукой — проходите, мол, садитесь. Сбоку от сцены два ряда клубных стульев, приколоченных к единой перекладине, чтоб не елозили. Мы садимся на передний ряд, девчонки — сзади. Они перестали шушукаться и тревожно вертят головами. Что дальше будет?

Он говорит какие-то слова про суть предмета, который мы сейчас будем изучать на практике. Слушаем вполуха, потому что обстановка вокруг впечатляет гораздо сильнее, чем текст. Тем более что кое-что мы и так знаем. Слышали на лекции. Да-да, краем уха: гонококки... тельца Нейслера... анализ на стеклах... окрашивается фуксином синим...

«Сейчас появится Петрович, — вдруг почему-то с усмешкой говорит врач, — и вам все станет понятным». Мы переглядываемся, ждем. И вот среди этих декораций — сцена, клубные стулья, голубоглазый врач с усами — дребезжит и открывается стеклянная дверь с привычной надписью «Посторонним не входить». Она отворяется с трудом, скребет по полу, как будто ее очень давно не открывали. Наконец распахивается и со звоном ударяется о стену. Появляется человек. Он в хирургическом халате (завязочки сзади). Халат в далеком прошлом был белого цвета. Он шаркает стоптанными башмаками, ему много лет и ему трудно ходить. Равнодушно кивает нам головой и говорит с хрипотцой: «Пусть клиенты входят, замерзли небось. По три человека пропусайте».

Староста группы, бывший военный фельдшер Саша Романовский, серьезный и уже давно лысый, открывает входную дверь и скупым жестом приглашает первую тройку. Они входят, и Петрович вытягивает их в шеренгу, лицом к лампе дневного света. Включает лампу, которая трещит и мигает, а потом заливает страдальцев мертвенно-синеватым светом. Они понуро стоят. Петрович командует: «Ширинки расстегнуть! (Тогда до молний на брюках еще не додумались.) Вынуть прибор, весь, весь, не стесняйтесь. Тут все свои», — поводит рукой в сторону девчонок. Юморист, однако: «Надавить, сильнее, сильнее! Не двумя пальчиками, это вам не зубная паста, а всей ладонью!». Высокопарно так говорит.

Мужики, покряхтывая, надавливают. Результат их удивляет: «Ишь ты, как залетел», — говорит невысокий коренастый мужичок в шапке пирожком на оттопыренных ушах и с кожаным галстуком. «Попался, который кусался», — комментирует Петрович. Второй «клиент» — молодой парень, коренастый и краснощекий, в морских клепах, вместо ширинки отстегивает флотский клапан, и все его завидное хозяйство вываливается наружу. «Эк ты оголился, не ушиби колени», — к месту замечает Петрович. Все смеются. Парень, подумав, тоже смеется.

Голубоглазый и усатый врач велит кому-то из практикантов принести из лаборантской стекла — брать анализ. Петрович стекла игнорирует: «Сами берите. А у меня глаз-ватерпас, я и так скажу».

И действительно, он мельком глянул на выдавленные секреты и припечатывал: «Гонорея, старый простатит расцвел, трихомониаз, опять гонорея, и опять она же, родимая». Так он всю очередь раскассировал очень быстро.

У суетливого мужичка, который хотел выбиться из гонорейных рядов, никакой не трихомониаз оказался, а вспыхнула старая гонорея. «Откуда? — горестно вопрошал потерпевший, — я на бабе две недели не был, в ментовке 15 суток отбухал». — «Алкоголь принимал? На радостях, пару пива? Вот тебе и пожалуйста, обострение, она, брат, от алкоголя сатанеет. Вон студенты небось подтвердят, в их учебниках прописано». Мы вяло покивали головами. Ничего мы не знали про эту особенность гонококков. А около высокой дылды в когда-то белых кедах он задержался, позвал врача, вместе о чем-то пошептались. «Похоже на шанкр. Ты, спортсмен, посиди в сторонке, потом тобой займемся».

Тот возгордился: «Вот видишь, мужик, здесь посерьезней дела, не твой мудиаз какой-то», — обратился он к 15-суточнику с сияющей рожей.

«Ты особенно-то не гордись, — заметил Петрович, — ежели твоя болячка подтвердится, тебя в больницу надо определять и уколы в задницу — «квантум сатис», — вдруг вспомнил он латынь и торжествующе посмотрел на нас («вполне достаточно»), У него были кустистые седые брови и глубокие морщины, а под глазами — изрядные мешки. Но взгляд острый, цепкий, совершенно не соответствовал опущенным сутулым плечам и шаркающей походке.

Определившись с диагнозом, Петрович отделил гонорейных и загнал их, как и вначале, по три человека в процедурку.

Мы, робко ступая по цокающему старому кафелю, перешли в мрачную комнату — «пыточную», как с усмешкой ее определил фельдшер. Над обычными фаянсовыми писуарами, давно потерявшими белый цвет невинности, висели широко известные в народе изделия с иностранным лейблом «Кружка Эсмарха». На которых, помнится, играли незабвенные Палкин, Малкин, Залкинд из «Двенадцати стульев». Тогда было смешно, сейчас — нет. От них свисали шланги, грозно шевелясь, как змеи. Все дело было в их содержимом — они были заполнены бурой гадостью — «азотно-кислым серебром», по-научному — протарголом. Вам в детстве капали в нос эти жгучие капельки, чтобы извести хронические сопли? Мне капали. Больно и безрезультатно. И это был только 2 %-ный раствор, такой милый и ласковый

Здесь же через шевелящиеся шланги под напором с высоты поступал аж 10 %-ный — жгучий и убийственный для любых зловредных микробов. Для незловредных — тоже раствор-убийца. И для слизистой уретры — отнюдь не подарок. Но ею приходится жертвовать. А это очень больно. Мы в этом тут же убедились.

Петрович заправил шланги-катетеры в соответствующие природные отверстия первой тройки пострадавших мужчин и решительно открыл общий кран. Мужики взвыли в унисон: «Уйю- ююй, — орали они с переливами, — больно, б...!» «Чего их теперь поминать, их здесь нету. Вот раньше явно были», — комментировал их крики Петрович. — Тут один кричал — «мамочка!» А другой — старый седой хрен, вояка бывший, своего командира призывал, с хорошей урологической фамилией. Орал — «Товарищ Мудалов!», они, оказывается, раньше вместе лечились. Потеха! Чего только не наслушаешься».

Петрович скоро промыл всех трипперных, гонорейных по-научному, поправился он, потом проспринцевал другой жидкостью (не менее жгучей) всех остальных и, не прощаясь, удалился в ту же скрипучую дверь, из которой появился вначале. А костлявого мужика с шанкром отправили в кожную клинику на Пироговку. Он там будет желанным гостем, персоной «grata» — его шанкр теперь редкость, и его будут показывать всему курсу. А это человек двести пятьдесят — триста. Так что стриптиз его ждал замечательный. Недаром Петрович назвал его счастливымчиком.

Усатый врач сказал, что Петрович в этом диспансере работает сорок лет (!), с перерывом на войну. Но на войне подобной заразы тоже хватало, так что его квалификация не потерялась, а только укрепилась. Вообще же за эти годы он ни разу не ошибся. Можно

анализы-стекла даже не проверять.

Потом мы записывали под диктовку разные схемы лечения венерологических страданий. Под конец голубоглазый доктор спросил, какие будут вопросы. Тут отличилась наша красотка — Светка Дашевская. Крутя на среднем пальце обручальное кольцо (она за девять учебных семестров уже дважды была замужем и, судя по свободно крутящемуся кольцу, «намыливалась» в третий раз), придиричливо спросила: «Почему в очереди не было женщин? Они что — не люди? Или не болеют этой болезнью?» Она скептически подняла одну тщательно выщипанную бровь.

Посмеялись мы слегка, потому что давно привыкли к ее идиотским вопросам. А доктор от души веселился и, вытирая слезы удовольствия, прохрипел: «Голубушка, а от кого же эти добры молодцы подхватили трепака? От папы римского? (Тогда религия была не в почете.) От них, родимых, нежнейше и подхватили. Только тех к гинекологам направляют, а наши клиенты текут самоходом. А вообще женская гоноррея более скрытная и потому опасная. У наших почти все снаружи, а у них почти все внутри. Ну да об этом у вас будет отдельная лекция. А пока — прощайте, благодарим за внимание, надеемся не увидать вас в качестве пациентов. А то Петрович будет беспощаден». И он озорно нам подмигнул. Мы опять заржали, а Дашевская глубокомысленно вздохнула: «От судьбы не уйдешь!»

И крутанула кольцо.

Дора Яковлевна

У нее была величественная походка — широкий шаг, грудь вперед, голова поднята. Но это не из-за гордыни или, избави бог, от зазнайства. Она была очень скромна и скрытна, а походка такая — по причине крупноразмерной груди. Пятый или даже шестой номер. Что тут поделаешь? Куда девать? Только вперед!

Сам Николай Нилович Бурденко, ее учитель, шутил в конце операции: «Дора, вынь грудь из раны». И тихонько смеялся, сдвинув хирургическую шапочку на переносицу. Она всю войну провела на передовой, никогда не пряталась и не уклонялась. Бурденко ее уважал за это. А его уважение многого стоило, человек он был суровый и нелицеприятный. В конце войны взял ее в свой госпиталь, а потом и в Институт нейрохирургии.

До войны она дважды побывала в Средней Азии — на каких-то эпидемиях, довольно опасных. Хотя это было не по ее специальности (всегда была хирургом). Она считала невозможным отказываться или отлынивать. «Партия сказала — надо, комсомол ответил — ага». Она так шутила, но от партии держалась подальше. Даже на фронте, после форсирования Днепра, когда чуть не погибла, и то уклонилась от лестного приглашения.

Она вспоминала эту переправу с ужасом. Родилась в Беларуси, реки близко не было, плавать не научилась. Через Днепр плыла на баркасе с маршевой ротой и двумя санитарными инструкторами. Тяжелый снаряд ударил рядом, баркас перевернулся. До правого крутого берега еще оставалось метров сто или двести. Сам Днепр в этом месте чуть ли не на километр разлился. Как доплыла, сама не помнила, цеплялась за какие-то пустые ящики. Когда приблизилась к берегу, увидела, что никогда на него не заберется — отвесная крутизна. Так бы и потопла, если бы не бойцы — по живой цепочке передали ее из рук в руки. Она была с тремя маленькими звездочками на погонах и эмблемкой — змея и чаша — старший лейтенант медицинской службы. Тогда получила боевую медаль «За отвагу». Это весьма уважаемая в войсках награда. Награждали смелых и отчаянных. Вот она такой и была.

После войны тем более не трусила, никогда. Как-то раз готовилась к операции. Уже помылась, натянула хирургические перчатки. Должна была ассистировать новому заведующему отделением Николаю Николаевичу. В маленьких круглых очках с металлической оправой — под сельского учителя. «Почвенник», откуда-то из провинции недавно перевелся. Его втиснули через партбюро для укрепления рядов. А год, между прочим, 1952-й! Веселый год, убийцы в белых халатах, все сплошь космополиты и сионисты,

страдает простой русский народ. Представить — и то мороз по коже! А внутри этого процесса какво?

«Больной под наркозом, спит, — докладывает анестезиолог Петя Саладыкин, — можно операцию начинать, если не передумали (это он так мрачно, не улыбаясь, шутил каждый раз)».

«Ну что, прирежем жиденка?» — с гаденькой улыбкой пошутил «почвенник». Но шутка не прошла. Все вздрогнули. Кроме Доры Яковлевны. Она не вздрогнула. Просто обошла хирургический стол, чтобы удобнее было, и дала заведующему по морде. Смачно, сильно и молча. Он еле устоял и дико испугался. «Вы меня не так поняли», — пролепетал он. Дора с хрустом сняла перчатки, бросила в таз и решительно удалилась. Это был поступок!

Ее заменил второй ассистент, операция началась с опозданием, кстати, больной оказался не то киргизом, не то корейцем. Все прошло хорошо. Дору перевели в другое отделение, но не наказали. Директор, Егоров Борис Григорьевич, сокращенно Б.Г., абсолютно русский интеллигент, антисемитов не жаловал, брезговал. Коллектив размежевался — часть стала на сторону «почвенника» (в основном партбюро и подпевалы), другая — на ее сторону — абсолютное большинство. Смелых уважают. Да и директор негласно был на ее стороне. А это решающая сила в любом коллективе.

Она ценила прямоту и справедливость. Однажды на ее дежурстве произошел такой случай. Дора была старшей дежурной, а вторым хирургом новый парнишка, недавно пришедший из общей хирургической клиники. Сейчас он даже академик, учебники пишет, руководит диагностической службой всего института. А тогда был молодой и рьяный. И, главное, умел довольно много — и полостные операции знал, и первую хирургическую помощь в серьезных ситуациях мог оказать. Продвинутый доктор и по молодости лет бесстрашный. Еще не нарывался по-настоящему на неприятности.

И вот глубокой ночью его зовут в детское отделение. Так полагается — сначала вызывают третьего дежурного, невропатолога (я в этом качестве частенько дежурил), тот кличет второго хирурга, а уж если оба не справляются — то первого. Так заведено.

А здесь невропатолог был занят у другого тяжелого больного, и опытные сестры сразу вызвали нашего шустрого доктора! Он по бодрому духу и рвению даже прикорнуть не успел, не ложился, и сразу побежал. А тут — ЧП. Да настоящее: у ребенка остановка дыхания и сердечной деятельности. Клиническая смерть. Дело почти безнадежное. Ребенок с гидроцефалией (водянка мозга), только-только готовили к операции. И не дождался.

Но молодой хирург не сдался, а решил побороться. Ввел ребенка в рауш-наркоз, раскрыл грудную клетку и прямым массажем «запустил» сердце. Потом подсоединил дыхательный аппарат. Малыш ожил и вполне оклемался. Он потом вполне благополучно дождался операции и выписался из клиники с улучшением. Так что все действия врача были обоснованы и дали отличный результат. Молодец, да и только!

Но! Но, но, но — он не поставил в известность старшего дежурного, даже не разбудил его. Этой вольности Дора Яковлевна не перенесла и на утренней общей пятиминутке «вломила» младшему напрямик по первое число. А потом его вызвал директор Б.Г., отругал за лихость и вдруг поставил под сомнение возможность поступления доктора в аспирантуру — предмет его честолюбивых планов. Возражений и оправданий не слушал, покрутил в огромной хирургической ручище граненые остро заточенные карандаши (такая у него была привычка), послушал их цоканье и сказал: «Идите, я вас не задерживаю», — таким тоном, что было ясно между строк: «Пошел вон!»

Это было несправедливо. И находившаяся поблизости от дирекции Дора Яковлевна, как конь при звуках боевой трубы, раздула ноздри и рванулась поверх криков секретарши в директорский кабинет. Как она там защищала провинившегося — неизвестно, вышла вся багровая, пылающая и гордо удалилась. Но инициативного и смелого доктора взяли-таки в аспирантуру, и он стал тем, кем стал — известным медицинским деятелем и даже лауреатом разных почетных премий. Оправдал надежды. И это было справедливо.

С годами у Доры Яковлевны стало падать зрение, она реже оперировала, однако

старалась обучать молодых всем тонкостям сложной профессии, учила тщательности и аккуратности. Запомнилась ее знаменитая фраза: «Маратик, соси, соси тщательно, черт побери, вдумчиво соси, обходи опасные места», — это она так обучала манипулировать вакуум-отсосом. Можно представить веселье молодых тридцатилетних жеребцов, получавших такие инструкции.

Ей пришлось оставить хирургию — зрение ухудшалось катастрофически. Что-то с сосудами сетчатки и глазного дна. Она ушла из института, но не могла празднично проводить время. Устроилась туристическим гидом — возила по Москве экскурсии. Ей нравились парковые зоны — Кусково, Архангельское, Останкино. Говорили, что ее экскурсии были увлекательны.

Однако слепота неумолимо надвигалась. Она оперировалась в федоровском институте, но без успеха. Очень расстраивалась от бездушия и механического подхода тамошних врачей. «Часы, и то починяют с большим вниманием и состраданием», — жаловалась она подругам. Подруги были тоже старые, фронтовые, понимали, что тяжелая молодость, контузии (она дважды лежала в госпиталях еще в военное время), напряженное всматривание в глубину операционной раны постепенно доконали ее глаза.

Дора Яковлевна с этим смириться не могла. Перестала есть, прекратила все контакты. И... тихо умерла. Скромная однокомнатная квартирка осталась безымянному племяннику. Я часто вспоминаю Дору. Достойный человек!

Дорогой товарищ Альцгеймер

Середина восьмидесятых годов. Привычно живем в СССР. Пока еще. Страной руководят мудрые гуру. Вернее, руководят их помощники и «аппарат» ЦК, но портреты висят именно этих старцев. Очень омоложенные портреты. На них члены Политбюро и кандидаты в члены выглядят крепкими мужчинами средних лет с пронзительными глазами-буравчиками, неулыбчивыми сжатыми ртами и аккуратными прическами. Без родинок, бородавок и коричневых стариковских пятен. Образцы для подражания. Такими они себя видели и в жизни. Помню одного из них. По телевизору. Он стоит боком на трибуне Мавзолея, что-то строго выговаривает младшему кандидату в члены (тоже старому и помятому), энергично натягивает кожаные щегольские перчатки, резко вколачивая ребром другой руки межпальцевые промежутки. Деловой человек. Камера оператора крупно показывает сей важнейший процесс.

Про этого грозного и спесивого члена появлялась и другая информация. У меня на приеме была больная — приезжая из маленького украинского городка. Откуда родом и был этот бонза. Она — дальняя его родственница. Но очень дальняя. Потому и попала ко мне, а не в Кремлевку. Перед этим побывала в доме сановника. Это было согласовано еще на Украине — в местном ЦК. С вокзала ее с дочкой доставили в Барвиху, на госдачу. Поселили в гостевом домике. Кормили, поили. На третий-день (sic!) дали аудиенцию. В большом зале, обставленном казенной мебелью из карельской березы, ждали почти час его выхода. Он вышел на галерею с женой и тоже дочкой, милостиво наклонился к родичам и спросил: как живет народ на Украине? Они отвечали, что замечательно, всего полно и птицы по утрам поют в садах. Отвечали, задрав подбородки вверх. Галерея располагалась высоко. «А что же птицы по вечерам не поют?» — пошутил сиятельный родич. «А по вечерам мы рано ложимся спать — умотаемся за день на работе и света нет, часто выключают». — «А, — сказал родич, — временные трудности».

На этом аудиенция закончилась. Член поблагодарил их за проезд, сказал, что он очень занят делами и что его помощники о них позаботятся. Помахал крепкой еще рукой и скрылся за стеклянной дверью. Семья размылась в боковые проходы. Так было задумано. Им выдали царские подарки: перекидной календарь с цветами и Кремлем, записки в красивой бархатной коробочке и набор авторучек, одна из которых, как оказалось, немного протекала. Набор традиционный, хотя мужчин в их семье не было. У меня «оттуда» был знакомый массажист,

простой молчаливый парень. В ковбойке. Ему к памятным датам обязательно дарили почему-то японские запонки и держатель для галстука. К Первому мая и Седьмому ноября. Обязательно. Отказываться было нельзя. Один раз попробовал — сделали втык. Ритуал такой.

В общем, родственнице вручили купейный билет, а так как до поезда было три или четыре часа, привезли к нам в клинику. Предварительно «просигналив» из медицинского отдела ЦК. Меня начальство и обязало. Я с удовольствием ее проконсультировал и получил вот эту ценную, но бесполезную информацию. Тетка оказалась на редкость симпатичной и простодушной. Слушала мои назначения, кивала головой и отвечала: «Ага-ага-ага». Смягчая на «х» звук «г».

Прошло несколько лет. Я отдыхал с семьей в Гаграх. Решили подлечиться. Узнали, что открылись шикарные радоновые ванны. Шикарные — потому что тот самый член с праздничного плаката решил принимать целебные ванны с целью оздоровления. И, конечно, омоложения. Об этом мне сообщил главный врач нашего санатория — элегантейший и деловитый мингрел Нодар Платонович. Острие его отглаженных брюк, каждый день разного оттенка — от серой гаммы до бежевой — завораживало мой глаз, заставляя поглубже прятать под стул свои пыльные сандалии. Его обувь была ослепительно начищена. Я утешал себя тем, что на него работает целая армия чистильщиков. У нас в семье каждый чистил себе сам. Или, что было чаще, рассеянно обходил этот вопрос.

Советуюсь со мной как с коллегой, да еще московского разлива, батона Нодар сомневался, можно ли весьма почтенному и пожилому пациенту, каковым являлся наш сиятельный небожитель, находиться в радоновой ванне не двадцать положенных минут, а три, а то и четыре часа.

Все призывы Нодара и даже осторожные описания опасностей от такого длительного радонового облучения пациент гордо опровергал: «Это для всяких слабаков опасно, а для меня — в самый раз. Кроме того, я грамотно лежу: одной рукой прикрываю сердце, а другой — яйца и член, то есть детородный орган. Все учтено, не беспокойтесь за мое здоровье. Я здоров как бык».

И это было справедливо. Я, конечно, не видел, но главврач говорил, что когда его вынимали из ванны услужливыми руками, тот был розовым и хрустящим, как молодой подсвинок. А ляжки и толстые икры с трудом пролезали в роскошную шелковую пижаму. Замечательно! Но с головой, конечно, было не того. Посидев в комнате отдыха полчаса, выпив квасу или воды Лагидзе — все-таки Грузия, он начинал раздеваться: хватит, мол, расслаживаться, пора принимать ванну, а то весь радон выдохнется. На смущенные комментарии окружающих (там был и личный врач — лысенький молодой парнишка из чьих-то родичей), что он уже брал ванну, сановник удивленно поднимал брови домиком и уверенно говорил: «Я лично ничего такого не помню. Вызовите главного врача, пусть посидит рядом, пока я буду лечиться. Мне надо с ним поговорить, почему он редко заходит? Пренебрегает?»

Бедного Нодара, который только полчаса назад слушал его многозначительные бредни и даже не успевал в своем кабинете подписать нужные бумаги, дергали обратно. Белый накрахмаленный халат, а также остро заглаженные брюки помещались вблизи от распаренного самодовольного пациента и с железным терпением и выдержкой слушали, как надо руководить страной, промышленностью, флотом, медициной и, конечно, сельским хозяйством. А америкашек прижимать по всем фронтам, распоясались янки и обнаглели,

«Как быть, доктор, — горестно вопрошал меня Нодар, — он все забывает и просиживает в этих ваннах целыми часами. Мне кажется, я уже сам облучился этим проклятым радоном — даже аппетит пропал».

Я сочувственно качал головой, но не давал никаких советов. Ну их в болото, этих сановников. Опасно. Тем более «товарища Альцгеймера» тогда не знали. Говорили просто: «Склероз». И продолжали руководить страной. Вернее, имитировали это руководство. Но реки хотели перебросить в пустыню. Не успели, к счастью.

Сохранилась в семейном архиве фотография тех лет — мои милые «далекие-близкие», жена, дочь и сын, после тех ванн — с полотенцами-тюбанами на головах, в белых джинсах (шик по тем временам). Рядом усталая гагринская пальма накрывает их веером. Духота ощущается реально. И влажность. Август. Когда мы ехали из аэропорта, таксист с интересом на меня посмотрел: «Чего так рано приехали? Еще не сезон. Ваших никого нет». — «Каких наших?» — «Каких-каких — евреев. В сентябре появятся, как духота пройдет». Крыть было нечем. Резонно.

Но бонза явно не был этим самым. Сентябрьским. Для него сезон был бархатным тогда, когда он отдыхал. После тех событий он два или три года был портретным членом. Потом уж совсем где-то прокололся. Типа того знаменитого анекдота. «А почему на заседании нет товарища «Г.»?» — «Так он умер, вы вчера были на его похоронах». — «А-а-а, вот в чем дело, то-то я думаю, почему он на Политбюро не пришел».

Тогда уж решили отправить его в отставку. Сейчас он покоится где-то в районе Кремлевской стены. Время подошло.

Чечетка и дробочка

Волков переулочек. Хорошее название. За углом — Зоологическая улица. Еще лучше. Самый центр Москвы. Панельная девятиэтажка. Обшарпанная. Но рядом новые светло-кирпичные дома для богатых и знатных. Это вдохновляет. Значит, жизнь налаживается. Но очень отвлекают вопли зверей. Дом нависает над задними вольерами зоопарка, и потому внезапно вздрагиваешь от истеричного кудахтанья павлина или грозного рыка льва. Симфония! Обезьяны тоже кричат противно. Как скандальные соседки.

Мой пациент сидит на краю кровати. Ему пятьдесят девять лет. Сломал ногу, травма головы, болтлив, плаксив, расторможен... Красные мятые трусы с лампасами, болтающаяся на плечах майка с голубой буквой «Д» («Динамо», значит). Встрепанные волосы. Тапки без задников. Он поочередно вынимает из тапок худые мозолистые стопы и чешет ими голени. Поочередно то левой, то правой. Чаще правой, у него там был перелом. Голова у него тоже травмирована. Упал с табуретки. Полез фрамугу закрывать. Очень звери надоели. Под вечер так разорались, что просто кошмар! А он выпимши был. Изрядно. Вот и упал. Житейское дело. В больнице лежал целый месяц!

Он, оказывается, в жизни часто падал. Так уж сложилось. И если в цирке его страховала лонжа, то судьба ему эту лонжу не предоставила.

— Я бью чечетку с восьми лет. Но вначале работал в цирке подкидным. Без лонжи. Потом решил — ша! Разобьюсь. Забоюсь. Стал работать у великого Вильямса. Вы не знаете Вильямса?! Он из Америки в Одессу умирать вернулся. Но умер не сразу. Взялся меня учить. Но сперва — экзамен. А как экзаменовал! Сам протанцевал и говорит: «Повтори!» Я повторил прилично. Он принял. Многих отсеял, а меня взял. Два года учил, до седьмого пота, а потом говорит: «Хватит, Лева, учиться. Поезжай, Лева, по стране, хлеб зарабатывай. Ты — сирота, Лева, пора зарабатывать. За тебя некому заступиться». Я танцевал повсюду. Даже у Цфасмана и Утесова. Потом при Сталине джаз запретили, и я пошел учиться в Гнесинское. Пожалуйста! — за два года прошел весь курс, стал ударником. Та же чечетка, только руками. Знаете, какую я бью дробочку? Вы будете в истерике! Устроился на теплоход. Круиз. По Дунаю плавал, вокруг Европы. Жена — Тамара — метрдотель в «Минске». Тоже специалист своего дела. Нет, в «Минске» дробочку не бил. Семейственность. Кроме того, какая там дробочка под контролем жены? Сразу сбиваешься. Опять же, бабы вокруг классные. Нет, на теплоходе лучше. Отбарабанил, покуражился — и в каюту.

Тамара, открой шкаф, пусть он посмотрит на мои барабаны! Он таких барабанов никогда не видел и не увидит. Мне обрывают телефоны — продай, Лева, ты больше работать не будешь. Нет, буду! Они мне стоили восемьсот фунтов! Я еще пока подожду.

Вы какой ручкой рецепт пишете? Я коллекционирую английские ручки. У меня есть

одна, которая вам понравится. Но это не сегодня. Не толкай меня, Тамара, пусть он меня сначала вылечит, тогда я ему ручку подарю.

Извините, нам еще один врач обещал помочь. Нет-нет, я еще ничего такого не сказал. А где вы работаете? Вы кандидат? Доктор? Тамара, мы останавливаемся на нем, он нам подходит. Он на меня хорошо действует, я при нем реже плачу. Ну вот, опять слезы. Сейчас успокоюсь (закрывает глаза ладонью). Вы должны выслушать про мою жизнь, тогда поймете, зачем я такой нервный.

Почему эти звери в зоопарке так ревут? Тоже нервные?

Тамара! Дай ему пачку «Kent». Не надо? Не курите? Ничего, будет на память.

Я вас очень прошу... (Плачет, успокаивается.) Вылечите меня. Я ничего не пожалую. Вы видели мои барабаны? Вот то-то! Я работать пока не буду, но их ни за что не продам. Даже вам. Вам не нужны барабаны? Странно... Да, вы же не по этой части.

Когда я бью дробочку, люди просто впадают в экстаз. Даже моя жена Тамара. Обменивает гнев на милость. Представляете? Тамара, не обижайся, это я шучу. Ты мои шутки знаешь.

...Назначил я ему лечение — массаж, ванны, какие-то сосудистые препараты, ноотропы. Чтобы слегка «поумнеть» (его выражение). Гимнастику для ноги — разрабатывать голеностоп. Он у него потерял эластичность. Помните «Зимний вечер в Гаграх»? Нога не гнется, ритма нет, но очень хочется стать чечеточником (замечательно играют Евстигнеев и Панкратов-Черный). Здесь с ритмом было все в порядке, осталось только подлечить ногу. И заодно — голову. Плаксив, слезлив и обидчив он был чрезмерно.

Через какое-то время я его опять навестил. Он уже начал ходить. Бродил по комнате в прежних жеваных красных трусах, но вместо майки надел линялую футболку с иностранным текстом на груди: «I want you», а на спине — «Fuck you». Лаконично.

— По-английски понимаете? — спросил он меня строго.

— Немного, — ответил я.

— Молодец, люблю образованных людей!

Лечебную гимнастику делать отказался категорически: «Что я, шимпанзе какой-то, приседать и подпрыгивать? И кричать: «Ух, ух, ух?!». Он так смешно заухал и стал чесаться под мышками, что я стал смеяться. Даже слезы выступили. Он был польщен. «Я всегда хорошо кривляюсь. А когда на барабанах работал — такое вытворял в экстазе, что никакой обезьяне до меня не дотянуться: дым, треск, звон. Но дробочку тянул стройненько, тр-р-р-рах! Я — мастер этого дела. А обезьяны что? Каждый вечер под окнами гукают. Кому в клетке сидеть интересно?»

Я решил к нему подстроиться. «Раз, — говорю, — гимнастику неохота делать, начните танцевать, эдак с элементом чечетки, все-таки произойдет движение какое-то. Тем более что вы были настоящим асом. И нога быстрее разрабатается». Это ему понравилось. Он вскочил и начал как-то подтанцовывать, шаркать больной ногой, прищелкивать пальцами, сложил губы сердечком и стал в такт приглаживать встрепанные перья-волосы. Как подвыпивший попугай на жердочке. При этом он еще издавал какие-то кряхтящие звуки, обозначающие, возможно, аккомпанемент или призывные крики самца того же попугая. Когда я ему это сказал, он не согласился: «Нет, женщину (именно через «ш») надо брать сперва обхождением, а потом уже лихостью».

Я с ним полностью согласился. Лихость — это непременно. Она у него была с избытком. Даже когда он пребывал в болезненном состоянии.

Постепенно он настолько окреп, что отправился долечиваться в санаторий. «Уезжаю на отдых. Тридцать лет не кантовался на отдыхе. Тамара через свой ресторан устроила. По благу. Поставила им дефицитные продукты: колбасу салями, печень трески. Обещала, что они там меня будут носить на руках и сдувать пылинки. Мне это надо? Главное, я там отдохну от звериных криков. Они уже здесь так надоели, что я готов на любые условия. Пусть даже носят на руках. Я потерплю».

Когда он вернулся, то долго не давал о себе знать. Наконец позвонил, сдержанно

поблагодарил и сказал, что уезжает в круиз бить «дробочку». Я пожелал ему попутного ветра и чистой воды. Про английскую ручку и барабаны в шкафу он больше не упоминал. А я как еду мимо зоопарка, так и вспоминаю этого лихого чечеточника и его фирменную дробочку.

Гормоны-феромоны

Феромоны — специальные частицы, определяющие тягу полов друг к другу. Летучие эфирные масла позволяют им в самых малых консистенциях действовать на огромные расстояния.

Феромоны совершенно не обладают никаким запахом, но воспринимаются особыми клетками, расположенными на внутренней поверхности носа. Оттуда они передают сигнал в глубинные отделы мозга. Действие их одинаково почти у всех живых существ — от бабочек, акул и обезьян до человека. Самец бабочки-капустницы, учув одну миллионную частицу феромона самки, прилетит за сотню километров не задумываясь... Человек не так категоричен. У меня в юности был приятель, который, пригласив хорошенькую девушку на танец, осведомлялся, где она живет. И узнав, что дальше трех остановок от его дома, на второй танец уже не приглашал. Далеко! Правда, у него часто бывал насморк, может быть, он эти феромоны плохо улавливал?

У меня тоже был похожий случай. Мы только выехали на поезде из Москвы в Софию, как я тут же заболел. Насморком. Драматично. Фамильный еврейский насморк — это нечто. Распухли веки, слезились глаза, в носу чесалось так, что казалось, ершик для мытья бутылочек прохаживается внутри отечных носовых раковин. Туда-сюда. Тут уж не до феромонов.

1964 год — оттепель. Меня взяли в делегацию Минздрава, направляющуюся на конгресс в Софию. Народная Республика Болгария, Генеральный секретарь — Тодор Живков, друг СССР. Так смело и рубанул на райкомовской комиссии по выездам: «Курица — не птица, Болгария — не заграница». Этого вслух не сказал. Только подумал. Конгресс по моей специальности, но, кроме меня и еще одной милой дамы из кардиоцентра, все остальные делегаты, человек десять, никакого отношения к нашему предмету не имели. Тогда делегации таким манером формировались, чтоб специалисты не шибко выделялись из общего фона «советского здравоохранения». С нами был директор протезного завода, один чиновник соцстрахования, один физиолог из судебной психиатрии и один эндокринолог (!). Он же — парторг эндокринологического института. Всякой твари по паре. Тема конгресса абсолютно не соответствовала их интересам. И не надо. Они ехали просто проветриться. Тем более после Софии нас свозили на поезде на Золотые Пески («Златы Песцы»), Мы бродили опьяненные (в прямом и главным образом переносном смысле слова) по берегу осеннего Черного моря и восхищенно цокали языками, заходя в стилизованные ресторанчики «У рыбака», «Мельничный двор», «Пиратская таверна». «У рыбака» все было опутано сетями, в «Мельнице» посетители сидели на мешках якобы с мукой, а во дворе «Пиратов» скрипела на ветру виселица, на которой этих пиратов как бы вешали. Экзотика! Для нас-то, советских, идейно стерилизованных!

Я тоже цокал языком, но с явным гундосым оттенком — насморк не прекращался даже на морском воздухе. Вечером пошли в большой ресторан — хозяйева устроили отвальную по полной программе. После обязательных тостов принесли какой-то фирменный жульен, которым очень удобно было закусывать довольно средний коньяк «Плиска». Вообще, гадкий коньяк. Три звезды, но он тянул только на одну. С нашим армянским трехзвездочным того времени — никакого сравнения. Мы это обсудили с эндокринологом. Он был родом с Кавказа. Разбирался в этом деле профессионально. Предложил вечером в номере провести сравнительный анализ.

Но эта встреча не состоялась. Грянула музыка, начались танцы. Мы, отягощенные жульеном и «Плиской», а я еще и соплями (пардон), снисходительно посматривали на танцующие пары. И вдруг «ударили» твист. Тоже для нас новинка. Зажигательно. В центре

зала плотный болгарин согнул колени и так завертел увесистым задом, что мы поняли — наша страна безнадежно отстала от культурной Европы. Болгарин был известным биофизиком, имел много публикаций и считал себя учеником нашего замечательного ученого Николая Александровича Бернштейна. Солидный послужной список, и вдруг так страстно вертит задом! Тут мне вспомнилось: «Богу — богово, кесарю — кесарево». Я тоже был учеником (и сейчас остаюсь глубоким почитателем) Николая Александровича, но так танцевать не умел. Да еще и стеснялся.

Наша делегация с интересом поглядывала на танцующих и смущенно посмеивалась. А там уже заплясали все. Опять же, у бессмертного Булгакова: «...Как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала... Заплясал Глухарев с поэтессой Тamarой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жуколов-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Джоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках...» Здесь началось почти то же самое. В дружественной нам Болгарии заплясали физиологи и биологи, математики и лингвисты — все уже были знакомы с твистом. Кроме нашей делегации. Мы неловко поводили плечами, чуть-чуть приседали и смущенно улыбались. Один из наших старейшин, как мне тогда казалось, пожилой грузин, вынул из вазы с цветами красную розочку и вдел ее в петлицу пиджака. Вот и вся «дерзкая гулянка».

Но это длилось недолго. Из-за какого-то столика на середину зала буквально выпрыгнула маленькая дамочка. Травести-чертенок. Немка. Потому что от ее стола неслись какие-то немецкие восхищенные слова. Подбадривали и заводили ее. Куда уж больше! Она вертелась юлой, ее руки ввинчивались вверх, обнимали чью-то воображаемую шею, падали истомно вниз, а очень аппетитная попка вертелась точно по схеме 88 (это много позже, развившись интеллектуально, я узнал, что девушки вставляли в попу карандаш и писали цифру 88 — это очень повышало их рейтинг).

Теперь я понимаю, что от нее исходили очень мощные феромоны, которые действовали на мужиков без осечки. Первым встрепенулся грузин и прошел в танце пару кругов, поглядывая романтично на немочку. Он изобразил что-то вроде лезгинки, но был вскоре отодвинут вращающимся задом болгарина, тот им действовал как боксерской грушей. Потом не выдержал кавказец-эндокринолог (парторг, между прочим). Он закричал на чистом немецком что-то вроде «Гитлер капут» и бросился в гущу танцующих. Он удивительно страстно завертелся около немки, и стало ясно, что с этим танцем он познакомился не на партийном бюро. Очевидно, тайком от остальной монолитной организации эндокринологического института.

Немка с интересом поглядела на его недвусмысленные телодвижения и заскакала еще быстрее и многограннее. От нее четко исходил призыв, завуалированный танцем. Это было замечательно. Потом плясали чарльстон, и тут уж включились наши дамы, которые мало-помалу стали излучать феромоны. Они были очень скрытными, эти посылы, но до нас долетали. Физиолог из Питера (тогда Ленинграда), рослый спесивый болван (сейчас он дважды академик и директор чего-то), с мрачным видом схватил симпатичную кардиологиню и задвигал длинными рычагами-конечностями, как богомол. Она издала испуганный писк, на который я уже откликнулся и пошел ее отбивать. Отбить-то отбил и тоже немного поплясал, но мне уж очень мешал насморк. Правда, от жары и прыжков заложенность носа уменьшилась, и я со слабым пробуждающимся любопытством стал поглядывать на свою милую партнершу, но носоглотка, раздраженная, очевидно, феромонами, тут же произвела залп, и я снова залился слезами, соплями и даже кашлем. Даму я не уступил, я уже тогда был упертым мужиком, но радости никому не доставил — у меня начался чих. Но какой! Я аж подпрыгивал и загораживался огромной красной салфеткой, которую стянул со стола официантов. Приемник феромонов заглох.

Немочка совсем охомутала нашего Муслима — страстного дагестанца. Тот уже скинул свой кремовый пиджак с жестяными пуговицами, которым очень гордился и никогда с ним не расставался. Мы жили в одном номере, и я видел, как он за ним любовно ухаживал,

сдувал пылинки, вешал на плечики, а отходя от шкафа, раза два оглядывался, ровно ли тот висит. А здесь бросил его на стул и занялся немкой серьезно. Заиграли танго, и он к ней прилип окончательно. Его стильные кремовые брюки стали неприлично топорщиться, и рядом танцевавшая женщина, которая оказалась матерью этой девушки и тоже была ничего себе, «отлепила» дочку и посадила за столик. Немножко остыть.

Муслим с грузином тут же в складчину (денег-то меняли всего тридцать рублей) послали немкам бутылку красного болгарского вина «Бычья кровь» («Какая гадость!» — сказал грузин), которую те без всякого напряжения выпили и благодарно помахали ручкой. Муслим воспринял это как призыв, подсел к столику, поговорил с ними какими-то глухонемыми жестами. Спросил их — «шпрехен зи дойч» — и довольный вернулся. Сообщил, что завтра рано утром она пойдет на пробежку по пляжу, а он будет ее догонять.

Мы вернулись в гостиницу, и я выслушал целую лекцию о темпераментных женщинах, которые встречались на его партийно-эндокринологическом пути. Потом мы заснули, вернее, заснул мой сосед, а я воевал со своим насморком и дремал между атаками чиха. Рано утром Муслим пробудился, натянул шорты-облипочку, которые подчеркивали абсолютно все его достоинства, и помчался на пляж. Его долго не было. Я решил, что он загнал-таки немку в наше Черное море. И спокойно отправился завтракать.

Завтрак был возбуждающим — маленькая булочка, сантиметров пять в диаметре, кубик масла площадью в один квадратный сантиметр и баночка повидла, свободно умещавшаяся в чайной ложке. Кофе — сколько угодно, но не больше чашки. Пришел злой и холодный Муслим, набросился на горячий кофе: «Не пришла немка, бегал-бегал, искал-искал. Продинамила. Что тут за порции подают? Для дистрофиков? Жрать хочется!» Здоровый организм, да и затрат было много. А немки, оказывается, еще на рассвете уехали. Со своими феромонами. Мы сели в поезд, и насморк сразу прошел. Видно, болгарский воздух не для меня.

Матроны, белоснежки, дюймовочки

Женщине столько лет, насколько она себя чувствует.
Французский эпос

Она попросила принять ее вне очереди — вечером самолет. Летит в Австрийские Альпы — кататься на лыжах. Опасается радикулита — как в прошлом году. Она тогда у меня успешно лечилась, но выздоровела не до конца — отвлеклась. Очень интересная компания собралась: актеры, писатели — махнули в Тарусу. Там застряли на целый месяц. Но ни спина, ни нога тогда не болели. А сейчас что-то постреливает, особенно когда играет в теннис.

— Раздевайтесь. Повернитесь ко мне спиной. Поднимите руки вверх и сильно потянитесь в потолок, хорошо. А теперь — ко мне лицом и тоже сделать «потягушки». (Есть небольшой перекосяк вправо, но «потягушки» его выравнивают.) А где вы так прочно загорели, ведь в горы только собираетесь? На Канарах? Не бывал. Наверно, хорошее место. Сейчас февраль, а у вас загар прямо южный, все бретельки отпечатались. Представляю, как вы будете после гор выглядеть! Шоколадно-бронзовая? Что ж, красиво. Одевайтесь. Хотите, чтобы и ноги посмотрел? Одна как будто тоньше? Какая? Там, где на щиколотке цепочка? Нет, это в пределах нормы.

Вот так мы творчески беседуем, я делаю какие-то назначения. Потом как бы невзначай гляжу на титульный лист истории болезни. Ба! Вот это да! Ей 81 год! Убиться можно! Кожа гладкая, загар легкомысленный, цепочка на ноге золотая, браслеты на обеих руках звенят. Попадают, правда, коричневые стариковские пятнышки, но они и в шестьдесят бывают. Она их даже не закрашивает. Незачем. Прямо по Ильфу — «знойная женщина — мечта поэта!» Волосы красиво уложены. Чуть вспотела — торопится. Звякает мобильник — раз,

другой, третий. Глушит: «Перебьются, я занята, я у врача!».

Что ж, можно учиться отношению к жизни. «Внуки? Нет, со мной не едут. Какие-то квелые. Пооканчивали престижные вузы и засели по офисам. Карьеру делают. А я без карьеры живу хорошо. Мне все вокруг интересно». Фамилия у нее хорошая, из обрусевших немцев. Дед был академиком и тайным советником, отец — академик, директор института. Кто муж? Неизвестно. Не играет роли. Но тоже какой-то важный химик. Все химики, а она — филолог. Переводчик. Была, сейчас — опаздывает: «До скорого!»

После нее входит старинный пациент. Седой, с палочкой. Это он мне сказал: «Болит нога так, что умываюсь вприсядку». Сейчас говорит восхищенно и чуть с завистью: «Вот, профессор, какие у вас женщины бывают!» И крутит головой. Что ж, она своего добилась — ею восхищаются. Я думаю, это ее сверхзадача, по Станиславскому. Она ее молодит, вдохновляет, держит на плаву. И, конечно, улучшает здоровье. Вернее — не дает ему быстро ухудшаться.

В глубине сути каждой женщины — желание, чтобы ею восхищались, любовались, выделяли из себе подобных. И это хорошо, нормально и даже замечательно. Впрочем, у мужчин — то же самое. Немного в другой форме. Но об этом в другой раз.

А вот опять женщина. Рослая, крупная, с мощными руками-ногами. Грудь — 4-й или 5-й размер. Скорее — пятый. Кожа гладкая, белая. Волосы собраны сзади узлом, заколоты шпилькой. Сережки дутого золота с камешком-стекляшкой. Сильно болит поясница. Невозможно наклоняться. Чтобы поднять с пола любой предмет, надо присесть и нашаривать рукой. Обуваться — проблема. Колготки надеть — еще большая проблема, приходится изворачиваться. Поднять любой груз — сразу «прострел». А ей надо носилки поднимать, ведра с жидкой штукатуркой, скребком шуровать. Она штукатур. Работа сдельная. Не работает — не платят. Она третью неделю буксует. Безднадега. Все заначки на лекарства потратила. Помогает на короткое время.

Посмотрел. Наклониться может только на 30–45 градусов, дальше — больно. Кашлять и чихать невозможно, отдаст в спину и ноги — как током бьет! Наверняка грыжа межпозвонкового диска. У меня таких больных — море. Всех возрастов и сословий. Смотрю ее компьютерные снимки — называется магнитный резонанс — подтвердилось. Большая грыжа между четвертым и пятым позвонками. Прижимает нервные корешки. Диск тоже не в лучшем виде — сдавлен и деформирован. Выходов два: оперировать («Нет- нет, только не операция!») — вскидывает крупную голову и машет могучей рукой. Ладонка — крупней любой мужской ладони) или длительно лечиться новым препаратом. «А сколько стоит?» — мучительный для меня, врача старой формации, вопрос. — «Недорого, тысячи три рублей один курс».

Задумалась.

— Нет, мне это дорого.

— А муж?

— Муж-муж! Объялся груш! Помер. От пьянства.

— Что ж дети? Еще малые?

— Да нет, выросли. Дочь замужем, в другом городе. Отрезанный ломоть. Сын — мастером на фабрике. Ему 23 года, пока не женат. Со мной живет. Зарабатывает, — теплоты в ее голосе не прибавилось. — Он сказал: «Ты, мать, старуха, чего в тебя деньги вкладывать?»

Я аж задохнулся:

— Что ж вы такого барбоса вырастили? Вам лет-то сколько — сорок восемь? Вы же совсем молодая, крепкая! Спину подлечите, замуж в два счета выскочите. Только глазом поведете — штабелями мужики попадают!

Она как-то грустно улыбнулась:

— Они и так штабелями, но только от пьянства. А сын со стороны пример берет.

— Ну не все так печально. Начнем лечение, какие-то скидки придумаем. У вас еще полжизни впереди. Вам грех роптать.

Она была довольна. Стала собирать вещички. Засмеялась даже:

— Закопалась я тут у вас, время отнимаю, — и уже в дверях: — Спасибо, подбодрили вы меня!

Но больше не пришла. Наверное, сын денег не дал. Все-таки барбос! А у нее такая уж судьба. Жалко. Хорошая, наверное, баба. Работящая. Может, еще встретит подходящего человека. Приподнимется...

Следующая. Невысокая, очень складная, пропорциональная Дюймовочка. А лицо — просто красивое. Серые большие глаза, пепельные волосы, маленькая родинка над верхней губой, сами губы — как нарисованные, завлекательные. Правда, глаза печальные, угрюмые, в волосах седые нити (ей всего 35), а родинка прячется в жесткой складке по краям губ. Руки крепкие, рабочие, с длинными пальцами. Однако вздутые вены говорят о тяжелой работе. Так и есть.

Она из небольшого поселка под Тверью. Огород, хозяйство, две дочери, муж — пьянчуга. Пил даже лосьон и дрался. Терпеть не захотела, прогнала. Развелась. Лучше одной горе мыкать с детьми, чем с пьяным, ставшим посторонним человеком. В беспамятстве — он совсем чужой. Тогда зачем он нужен?

— А тут засуха, два месяца дождей не было. Огород горит, а мы только с него и кормимся. Пришлось воду таскать ведрами с реки. За два дня принесла пятьсот ведер! Огород спасла, а спину надорвала. Неделью как бабка скрюченная ползала. Сейчас разогнулась, но хожу как хрустальная ваза — боюсь лишнее движение сделать.

Она прошла по моему кабинету, чтобы показать, как обстоят дела с передвижениями. Двигалась она действительно плавно, осторожно, плыла как пава. «Выступает словно пава» — как Пушкин написал. Он в этом толк знал. А у нее в крови явно какой-то барский ген затесался, аристократический. Я говорю:

— Что ж вы насос к реке от огорода не провели? Вы же не лошадь, не осел так ишачить!

— Так бывший муж первое, что сделал, — пропил этот насос с ходу. Утром поставил, а вечером снял и пропил.

Что тут скажешь? Начала она лечение, на процедуры ходила в поселковую больницу, все выполняла толково, аккуратно. Выздоровела. Мужа отправила на его историческую родину, в тьмутаракань. Бывшую свекровь вызывала, чтоб по дороге не потерялся или под поезд не попал. Но у себя не оставила, хоть свекровь и просила — уж очень он безобразничал при девчонках, ругался непотребно, дрался, без штанов бегал. Совсем оборзел. Отправила. С концами.

Жизнь постепенно наладилась. Перешла работать на почту, все-таки нагрузка поменьше. Девочки росли, учились хорошо. С деньгами было туго, спасал огород и сестра из Москвы. Помогала одеждой. Присылала шмотки после своих дочерей, они постарше, а Ирина, так звали мою героиню, их перешивала и облагораживала. Тут бантик пришьет, там оборочку пустит, перелицует. Девчонки совсем по-другому смотрятся. Я как-то видел. Нарядные. Видно, тот самый ген срабатывал, прямо аристократки. И матерью гордятся. По заслугам.

А на огороде вкалывала не как Дюймовочка. Насос, правда, установила. Но все остальное — прополка, посадка, уборка — на ее плечах и поясице. Все ведь внаклонку. Зато стала выращивать патиссоны и какие-то желтые сладкие помидоры. Для экзотики. Закатывала по пятьдесят банок на зиму. Что росло, то и закатывала. Завела декоративных уток, чтоб радовали глаз.

Ко мне снова наведалась лет через семь-восемь. Круто разболелась поясица — огород перепаживала.

— Дура я, дура! Когда же поумнею? Надо было алкашей нанять за бутылку, а я сама горбатилась. Видеть не могу их пропитые рожи. Так-то я живу неплохо, на почте уже выбилась в начальство. Девчонки подросли, специальность получают — одна на компьютере, другая — в турфирме. Замуж? Нет, калачом не заманишь. Кто получше, тех

бабы давно разобрали, осталась шваль всякая. С женатиками я принципиально не общаюсь, мне чужого не надо. Любовь? Только в книжках да в кино. А так — сразу в койку, вот и вся любовь. Я таких отшиваю одним взглядом. Вот так погляжу — у него сразу градус падает, — она глянула на портрет министра Зурабова (я его для смеха повесил, больных веселил) — взгляд стальной, брови чуть прихмурены, а улыбка такая ядовитая, что, по-моему, даже сам Зурабов скукожился.

Я рассмеялся. Она тоже. Стала милой и приветливой. Все-таки кровь, как говорил Воланд, великая вещь! Замечательная Дюймовочка!

Мужики гораздо проще. Приехал тут как-то один из Тюмени. Буровик. Инженер. Коренастый, крепкий, под шестьдесят лет. Разыскал меня по Интернету, специально прилетел. Правая рука ослабела. Поставили диагноз: «Грыжа шейного отдела позвоночника». Болей нет, но обеспокоен очень.

— Понимаете, доктор, извините, конечно, за откровенность, но что тут скрывать — я очень люблю баб. Как схвачу которую за ж..., простите, за зад, то она уже не вырвется. Железный захват. А тут стал замечать — вырываются! Не все, конечно, но кто посильнее и норовистее — выскальзывают. Я удивляюсь: что за номера?! Раньше такого никогда не было. Дальше — больше.

Рука стала худеть. Врачи советуют сделать операцию. Я опасуюсь. Вот приехал к вам. Лечите!

Прожил он в Москве целых полтора месяца — в своей нефтяной гостинице. Лечился упорно, каждый день являлся без опоздания. Пришел прощаться. Доволен — захват восстановлен, рука окрепла, осечки прекратились. Не вырываются. Пожал руку — крепкий мужик, рука короткопалая, жилистая. Как плоркогубцами схватил. «Успокоился, — говорит, — дома буду долечиваться. Дай бог вам здоровья!» Повеселил меня.

Но как быть моим Дюймовочкам с таким любителем? Консенсус здесь непросто. Ох, как непросто!

Веселие Руси...

Мне всегда нравились рослые люди. Такое ощущение, что им сверху видно то, что нам — малорослым (хотя у меня своих где-то метр семьдесят, но это если не сутулиться) — недоступно. А этот вошел — прямо под потолок. Еще и плечи широкие, и голова обритая. Даже свет померк. Загородил свет из окна. Однако симпатичный — лицо располагающее, не агрессивное. Заговорил басом. Сел, с трудом поместился на стуле. Очень крупный. Но ни грамма жира. Мышцы, кости, связки и обритая голова. Ну, просто как Фантомас.

«Вот, доктор, знающие люди посоветовали к вам обратиться. Вы им помогли. Головокружения меня мучают. Все вокруг плывет и вращается.

Никогда такого не было. Всегда был очень устойчивым. И в самолетах-вертолетах, и в танках, и в бронемашинах. А сейчас кружусь, как нежная барышня в вальсе или алкаш с перепоя».

Оказался бывшим спецназовцем, «отметился» во всех горячих точках. Боевой офицер. А тут сплоховал. Какой-то приступ: пот холодный, земля из-под ног. Ясно, что проблемы с вестибулярным аппаратом. Отчего такая напасть?

— Приступ случился в метро. Утром вез дочку в школу. Ехали нормально, и вдруг все закружилось, завертелось, закачалось... С трудом вышел из вагона, рухнул на ближайшую скамейку. Хорошо, что в метро скамейки прочные. Дочка, конечно, испугалась, ей всего десять лет. Но не кричала, не вопила, сдержанная девочка. Воспитана в нужном русле. Хорошая будет боевая подруга. Чья-то. Убью его, если обижать будет.

Ладно, проехали. Вызвали милицию, я лежу, скучаю (почти по Зоценко). Они вначале набычились, хотели в кутузку, потом документ посмотрели — подобрали. Даже честь отдали. Я ведь аж полковник. В запасе. Но там про запас не написано. Так что почет в соответствующих структурах полный. Проводили до медпункта. Там что-то вкололи, дали

понюхать нашатыря и велели обратиться к специалистам. Вот я и у вас. Друзья порекомендовали настоятельно.

Хорошо иметь друзей в правоохранительных структурах. Всем хорошо. Мне тоже. Пока, к счастью, нет надобности. Но ведь все бывает в жизни.

— Расскажите подробнее, как у вас накануне день прошел? Какой-то стресс был, перегрузки неожиданные? — спросил я.

— Да нет, ничего особенного, наоборот, все хорошо было. Я свой юбилей праздновал. Сорок пять. Созвал близких людей, снял небольшое кафе. Пришли все свои — боевые друзья и их не менее боевые подруги. Все было скромно так, спокойно. Я с каждым персонально выпил по рюмочке. Гостей как раз и набралось сорок пять человек. Аккуратно по числу годков.

— Не много ли получилось? Сорок пять рюмок-то, сорок пять тостов? Это же два литра!

— Нет, тостов и соответственно рюмок было гораздо больше. Незапланированные тосты. За отсутствующих друзей, за спецназ вообще и их командиров в частности, за ВДВ тоже пили. Там были два парня — воздушные десантники, кончали наше училище. Боевые офицеры. Как за них не выпить? Так что к трем литрам приблизился. Нормально. Еда была замечательная — шашлыки, закуска, зелень всяческая. Напоследок еще выпили уже в раздевалке. На посошок. Граммчиков по сто пятьдесят. И гардеробщика угостили.

Что вы, напитки не меняли, не смешивали. Только водка и только качественная. Знакомо? Пробовали? Мягко так, легко идет. Домой добрался благополучно, жена не ругалась. Со мной была. Легли спать, спокойненько так. Утром встал, голова не болела, никакого перепоя, водка-то качественная. Позавтракали блинчиками с мясом, со сметанкой. Кофе с молоком. Все как обычно. Поел с аппетитом. Жена похвалила, что вчера никого не опоили. Могли ведь. Поехали с дочкой в школу на метро. И вот такая катавасия. Первый раз в жизни!

Подивился я такой его спиртоустойчивости. Говорю:

— И все-таки мне кажется, что вы накануне перепили. Три литра — это для обычного человека «доза леталис», смертельный номер. Вполне могла и «крыша поехать».

— Это вряд ли. Я иногда больше выпивал, и ничего. Пили мы медленно, весь вечер, закусывали хорошо, даже очень хорошо. Тосты говорили, шутили, смеялись, подначивали друг друга. Отлично провели время. Вы бы лучше меня пообследовали, может, какая другая причина во мне есть, более серьезная?

Действительно, все сваливать на алкоголь и пьянку легче всего. Правда, доза сногшибательная. Но он тренирован в этом деле, закален «в боях за социализм» и уж очень габаритен, прямо Шварценеггер. Такое могучее тело что угодно переварит, переработает, расщепит до кислорода и водорода. До атомов.

Стали его обследовать. Самое интересное, что в этом колоссальном организме нашлось место для болячек — шейный остеохондроз, отложение солей, изменение межпозвонковых дисков. Казалось, как это возможно? Шея — как Александрийский столп: мощная, прямая. Спереди — в красивом треугольнике — кадык, как изящный архитектурно-скульптурный орнамент. Все остальное — мускулы и гладкая кожа совсем не старого мужчины. А внутри этого завидно грандиозного сооружения — непорядок: соли, какие-то выросты (по-научному — спондилез), деформации, одним словом. Они-то и прижимают позвоночные артерии еще до входа в мозг. Страдают те его отделы, которые ведают равновесием. Вот откуда его приступ головокружения.

Это медленный процесс. Развивается болезнь постепенно. Мозг держался-держался, а потом от энного количества алкоголя рухнул. К счастью, не полностью. Подлежал безусловной реставрации. Чему мы — врачи — старались способствовать.

После детального расспроса (называется это — сбор анамнеза) выяснилась еще одна история. Оказывается, у него и поясница шалила. Заклинивала в самый неподходящий

момент. Лечился банькой с горячим веничком, натирался барсучьим жиром. Помогало. Поболит-поболит и отпустит.

Однако наступил трудный момент, очень трудный, даже трагический. Захват «Норд-Оста». Он рассказывал об этом спокойно, даже буднично: «Выносили раненых, надышавшихся газом. Люди, когда они без сознания, очень тяжелые. Нагрузка на спасателей огромная. Еще бронезилет чуть ли не двенадцать килограммов, каска, оружие. Быстро двигались, бегом. Вынесешь человека, положишь где попало, лишь бы чистым воздухом дышал, и назад — за следующим. Я так человек пятнадцать вынес. Но некоторые уже и не дышали. «Груз 200». Перемудрили наши спецы с газом. И antidotes были в малом количестве. Нечем было нейтрализовать отраву. Беспредел!

«Скорые помощи» подъехать не могли поближе. Некие мудрецы в штабе подогнали зачем-то ко входу спецтехнику — краны, погрузчики. Они и загородили подъезды для «Скорых».

Когда всех вынесли (бандитов застреленных тоже выносить пришлось, но это уже позже, после разминирования — там чеченки были в поясах шахидов, смотреть — и то мороз по коже), пришлось заново носить людей — живых и мертвых, теперь уже от входа до машин «Скорой помощи». А это еще чуть ли не сто метров. Полный кавардак, штаб этот знаменитый был пустым местом — ничего между собой не согласовали, не продумали. В общем, я тогда сильно подорвал поясничку. Да и шею досталось. Отлеживался больше недели».

Слово «поясничка» в применении к его спине размером с хороший шкаф звучало трогательно. Любит себя этот человек. Громадный, сильный и к себе относится хорошо. Нормально!

Он стал у нас лечиться, приходил в процедурный кабинет без опозданий. Назначения исполнял пунктуальнейшим образом. Все это время не пил водки. Разгрузку себе устроил. Да и повода не было. Не пьяница же он, в самом деле. Вылечился полностью. Вот такая была история. Сорок пять рюмок! Или больше.

Браслет(не гранатовый)

1954 год. Сталин уже умер, а Хрущев еще не набрал силу. В ЦПКиО им. Горького первая выставка зарубежного ширпотреба. За три года до фестиваля молодежи. Помимо ширпотреба продается немецкое и чешское пиво. Мы знали «Жигулевское», «Мартовское» и «Рижское», а здесь только светлого чешского двенадцать сортов. Упитья можно! И недорого, вот что хорошо.

Неподалеку учебные институты: нефтяной Губкина («керосинка»), стали и сплавов, цветмет-золота, а за Крымским мостом два медицинских, химический и педагогический. (Но там одни девчонки, не в счет.) Так что потребителей этого пива хватало.

Помню рассказ геологов-нефтяников. Ребята напились пива и пошли сдавать экзамен по сейсмике. А принимал знаменитый профессор по фамилии Рябинкин. Отец сестер-балерин Рябинкиных. Выглядел всегда как иностранец — подтянутый, отглаженный, начищенный. Экзамен принимал строго, чуть что — выгонял.

А тут принялся к студентам: «Что-то вы слишком веселые? И пахнет от вас чем-то зарубежным и прогрессивным?» Ну, ему и рассказали, что здесь рядом, прямо за углом, немецкое и чешское пиво льется рекой. Профессор заинтересовался и объявил технический перерыв. Вернулся через час и всем поставил хорошие оценки. Европа!

Я тогда учился в физкультурном институте. Мы тогда много тренировались. Пивом как-то не очень-то и увлекались. А вот ширпотреб, разные штучки-дрючки, часы, темные очки были нам в диковинку. Мы и отправились на эту выставку.

А в нашей группе учился один парень, Антон Матюха. Украинец. Он был птицей высокого полета — мастером спорта по плаванию. Брассистом. Мы на него глядели с почтением. Нас завораживал этот серо-серебристый квадратный значок «Мастер спорта

СССР». Заветная мечта. В бассейне он вообще себя вел как хозяин. Занимал целую отдельную дорожку, хлопал ладонью по воде и пронзительно орал своему тренеру: «Терентьич, полтинничек!» Это означало, что он в полную силу проплывет пятьдесят метров, а Терентьич должен засечь время. Он был плотным, мускулистым, с шерстистой грудью и гладко зачесанными назад волосами. Нос курносый, а подбородок квадратный, что-то от бульдога. Брассисты вообще похожи на бульдогов. Им надо воздух заглатывать далеко впереди, поэтому они выдвигают челюсть, а потом рычат и выдувают воздух вниз в воду.

Я тоже любил плавать брассом, у меня получалось неплохо, но результаты росли медленно — челюсть была узкой. Как у пуделя. Все дело в породе. До Матюхи далеко было!

Пришли мы целой компанией на эту выставку. Походили, поглядели, поцокали языками. Как в заграничном кино. Пивка попили. Немного, но до благородной отрыжки дошли. Чтобы пахло от нас по-иностранному.

А Матюха остался. Он совершенно ошалел от крутящейся стойки с часами. Она подсвечивалась изнутри, медленно вращалась и вся тикала. Обалдеть можно. Он и балдел. А рядом стояли пластиковые коробки, и в них навалом помещались разные браслеты к часам. Металлические, как латы, кожаные, как панцири черепах, даже пластиковые — как змеиные шкуры. Ах, какие браслеты! И лежат просто так и вокруг никаких охранников. Бери — не хочу. Матюха и взял. Совершенно, как он потом сказал, автоматически.

Походил еще по залу. И спокойным упругим шагом, на груди блестит значок «Мастер спорта», проплыл к выходу. Но здесь к нему подошел скромный молодой человек с военной выправкой и тихим, даже дружелюбным голосом предложил вернуться в зал и положить на место тот предмет, который он по рассеянности унес. Матюха возмутился, выпятил челюсть.

«Ничего я не брал», — брызжа слюной, заорал он, выскочил на улицу и нырнул в близлежащие кусты. А за ним никто и не погнался.

«Вот интересно!» — подумал Антон и пописал на нервной почве в те же кусты, где он прятался.

Потом он перебрался в другие кусты, поближе к выходу, потом купил и съел эскимо, зорко оглядывая всю проходящую публику. Ничего подозрительного не заметил и прошел прямо в чугунные ворота ЦПКиО им. А.М. Горького.

Наша группа уже миновала ворота, и мы его больше не видели. Он рассказал нам это все через три года. Именно столько ему «припаяли» за кражу. Прямо в воротах его арестовали, надели «браслеты» и отвезли в ближайшее отделение милиции. Еще и укоряли:

«Наш товарищ вас предупредил? Предупредил. Вежливо? Очень. Это вас и сбило с панталыку. Гаркнул бы: «Положь на место, скотина!» все бы и закончилось благополучно. И потом, что же вы такой упрямый? Вам же сказали положить назад. Теперь статью придется шить. Уж извините. Сами понимаете — международное положение обязывает».

Из института поперли, звания мастера спорта лишили, заключили в Бутырскую тюрьму. Поместили в камеру на пятьдесят восемь человек, в которой парилось почти девяносто. Спали по очереди. Какой-то кошмар! Еще вчера орал: «Полтинничек!» И мылся в теплом душе два раза в день. С туалетным мылом и шикарной мочалкой. А здесь два раза в месяц, хозяйственное мыло и носовой платок вместо мочалки. Вот тебе и сходил в ЦПКиО. Судьба — индейка. Лучше бы на эти часы и не глядел. Но браслетик, конечно, хорош! Симпатичный браслетик, веселый. Однако, садиться из-за него? Покорно благодарю.

Так по дурости и сел. Жена его (он еще и женат был, во как!) наняла хорошего адвоката, тот помог скостить срок. Но самое главное, она добилась, чтоб его не посылали в лагерь, а оставили в тюрьме — здесь идут другие зачеты. А еще она вспомнила, что в той давней, прежней жизни он был хорошим скорняком, специальное ФЗУ оканчивал. Подбирал мех, кроил, шил.

Это заинтересовало окружающую публику (не заключенных, конечно) — контролеров, специалистов по режиму, начальство. Не столько их самих, привыкших к военной форме, сколько их нежных жен, происходивших из глухих провинций и столичного меха не

нюхавших. Но вожделевших.

Матюха быстренько подобрал и скроил миленькую шапочку — пирожок для жены «кума».

Хоть простенький зайчик, но очень шел к ее весьма скуластому личику. Антон ее не видел никогда. Но догадался, что надо «мордovorot» слегка облагородить. Все ахнули!

Посыпались заказы. Ему отвели отдельную хавирку, обеспечили инструментом и добавили питание, «бациллу». Зажил человек!

Он чувствовал мех исключительно хорошо. Наверно, поэтому у него самого на груди волос был гладкий и упругий, как нерпа. Плыть было сподручней. Но это в прошлой жизни. Плавание вообще для него закончилось навсегда. Когда он вышел, ему плавать расхотелось. Он устроился в меховое ателье. Помог крупный начальник. Матюха ему еще в тюрьме сшил каракулевую папаху. Тот гляделся в ней очень эффектно, как Чапаев на тачанке.

Вот так и закончилась эта история. След Матюхи затерялся в дебрях моей биографии. Кто-то рассказывал, что он все-таки восстановил звание мастера спорта. Наручных часов никогда не носил, только карманные, дорогие. Он в этом хорошо разбирался.

У кого есть талант — заявите!

Полковой стадион был самодельным, доморощенным и располагался на пологом склоне.

Одну стометровку идешь вниз под уклон, а вторую уже топаешь вверх. Вообще на стадионах так не полагается — все должно быть ровным, иначе страдает спортивная техника. Но зато вокруг были настоящие луга и поле. И роща совсем невдалеке, потому воздух был всегда ароматным, пьянящим и свежим. Он пьянил меня вечно юными запахами: свежескошенной травы, цветов, нагретой солнцем земли. А если я тренировался вечером, то пахло туманом, росой и дальними кострами. Мне хотелось не только вдыхать эти запахи, но и глотать их.

Это были прекрасные тренировки. Голень выхлестывалась далеко вперед и пружинисто опиралась на пятку, корпус проносился на прямой, чуть прогнутой назад в колене ноге. Наконец, руки мерно, как шатуны, двигались вдоль туловища, и согнутые локти далеко уходили за спину.

Я учился спортивной ходьбе. Этому редкому виду спорта. Почему-то он вызывает смех у обывателя. Его смешит, что здоровые мужчины так вихляют задами. Больше ничего смешного нет. Остальное — скорость, выносливость, терпение — может вызывать только восхищение и удивление. Попробуйте-ка пройти двадцать километров за полтора часа! Десять километров — за сорок пять минут, то есть двенадцать километров в час! А самая быстрая, но обычная, неспортивная, ходьба — только шесть километров в час. Значит, спортивная вдвое быстрее.

Но все это я узнал позже, а вначале причина моего спортивного выбора была куда прозаичнее: я хотел поехать на соревнования. На любые, в любое место, в любое время. Потому что я только восемь месяцев служил в армии и стремился разнообразить свою солдатскую жизнь.

И вот я иду. На мне белая майка, защитные галифе и синие тапочки. Я похож на молодого Папанова из «Берегись автомобиля», который готовится сажать клубнику на своем участке. В довершение сходства у меня так же коротко стрижена голова — чуть больше, чем под «нулевку». Другой формы у меня пока нет. Начальник физподготовки полка капитан Сапрыкин — худой и жилистый, все лицо в жестких складках — сказал на построении:

— В июле — спартакиада округа. У кого есть таланты, заявите младшим командирам. Тренировки ежедневно по два часа. У меня все. Вопросы?

Вопросов было много, главным образом со стороны «сачков» — любителей побездельничать: чем будут кормить и дадут ли увольнительные на время тренировок.

— Довольствие — по уставу. Тренировки, — капитан показал большим пальцем за

плечо, — на нашем стадионе. «Сачки» не пройдут! — вдруг закончил он под дружный смех. И уже тише добавил: — Старательным — поощрение.

Вот я и решил войти в число старательных. Хотя под поощрением понимал нечто гораздо более широкое, чем какую-нибудь грамоту или лишнее увольнение. Небольшой, малюсенький выход из надоевшего режима, хотя бы видимость возврата к доармейской жизни. Ну и еще были мысли насчет спортивных достижений, своего физического развития — силы, выносливости. Кто ж из молодых людей не хочет быть здоровенным парнем?! Тайно или явно — все хотят. К сожалению, не у всех получается...

Теперь надо было выбрать вид спорта. Бег на длинные дистанции, например на пять километров, которым я немного занимался «на гражданке»? Мало шансов на успех. У нас в полку есть такие выносливые ребята, особенно из деревенских, что на кроссах в сапогах и шинели прут без усталости, как вездеходы. Вот, например, на Юрку Сметанина из Коми надеть кеды да показать, как руки держать, чтоб не болтались, а помогали, так он любого городского бегуна за пояс заткнет.

Кстати, потом я так и сделал — показал немного троем парням технику бега, и они чуть не по второму разряду пробежали. Плавание? Тренироваться негде. Борьба, штанга? Природной силы маловато.

Все не годится. Надо поискать такой вид, чтобы и по силам был, и конкурентов поменьше, да и условия чтобы позволяли, а то выдумаешь какой-нибудь прыжок с шестом, а где его взять — шест-то и яму специальную? Не приземляться же на стог сена!

Сидел я как-то вскоре на кухне, картошку чистил-чистил, чуть ли не два ведра (наряд заработал за опоздание в строй), так что времени было предостаточно, и надумал: займусь-ка я спортивной ходьбой. Когда-то «на гражданке» тренер по легкой атлетике показал и объяснил, что полезно так ходить в промежутках между бегом. Так что кое-какое понятие у меня было. Кроме того, написал авиаписьмо домой, и мне прислали книжечку о спортивной ходьбе. Не без удивления, конечно, прислали. Зачем, мол, эта странная ходьба в разгар воинской службы?

Вот так я и оказался на нашем стадионе.

Ходьба доставляла удовольствие. Новые, непривычные движения приятно разминали все тело. Суставы и мышцы становились гибкими, грудь дышала широко и свободно. Неповторимые ощущения молодого и здорового тела!

Сначала я медленно разминался: шел максимально широким шагом метров восемьсот — два круга по стадиону. Потом делал гимнастику: вращение корпуса, наклоны, махи руками.

Потом начинал ходить на скорость. Секундомера у меня не было, и потому я просто шел одну прямую — под горку — помедленнее, а вторую — в гору — быстро, почти изо всех сил, и, поднявшись наверх, старался с такой же скоростью пройти еще и вираж. Так я проходил пять-шесть километров, а потом устраивал полный отдых. Ложился на спину, раскидывал руки в стороны и смотрел в небо на облака. Они неслись быстро — то замки, то поезда, то фантастические звери. Я глядел на них, глубоко дышал, и ноги и руки опять наливались силой. Можно было продолжать.

Снова одолевал нудные километры и опять отдыхал. Постепенно стал увеличивать расстояния, а отдых сокращать. Да и ускорения делал более длинными — не одну прямую, а целый круг по стадиону, потом полтора и даже два. Во время отдыха я перестал лежать, а бегал трусцой, чтобы не потерять темпа и глубины дыхания.

Не надо, конечно, думать, что, кроме этой ходьбы, у меня не было других забот. Служба шла своим чередом. Полевые стрельбы сменялись кухонными нарядами с бесконечной чисткой картошки и мойкой таких огромных котлов, что в них нужно было опускаться вниз головой, а за ноги тебя держали двое напарников: так было сподручнее отскрести остатки каши со дна. Радиодело и политзанятия чередовались с караульной службой. Да еще саперные работы: отрыть траншею в полный рост по секундомеру старшины — это не прогулка под луной. Мозоли на ладонях стали каменными, и кожа на них

задубела, как на пятках.

Но, несмотря на все эти солдатские трудности, и я, и другие ребята продолжали тренировки. К концу месяца я уже проходил в быстром темпе целый километр, потом ненамного снижал скорость и, пройдя чуть медленнее один круг и восстановив дыхание, снова делал километровое ускорение. Я решил, что, готовясь к соревнованиям на десятикилометровую дистанцию, надо за тренировку научиться делать не меньше пятнадцати таких ускорений.

Несколько раз наведывался начфиз Сапрыкин, совершенно обгоревший на солнце и еще более похудевший. Он быстро вышагивал по высокой траве и шурился на солнце. Моими действиями он, кажется, был доволен.

— Старайся, солдат, старайся. Покажешь зачетное время — лишний денек дам погулять по Питеру. И на другие соревнования возьму. Как твоя фамилия? Рядовой Юркин? Ну давай, Юркин, действуй! Питания хватает, не жалуешься?

— Вот этого хорошо бы подбросить! Молочка или, еще лучше, мяса кусок-другой. Сахару тоже бы не мешало. Для энергии, а, товарищ капитан? — я даже сглотнул слюну.

— Ну уж молочка! Что ты, в яслях, что ли? Сахару подбавлю к рациону, хватит четыре куска, а? Молодой, здоровый, энергию должен сам вырабатывать. Вон, Лев Толстой был вегетарианец, а землю пахал — будь здоров! Без всякого мяса вкалывал. Так что давай, тренируйся, а то остынешь.

Но вот подошли соревнования. На прикидке я прошел десять километров за один час и был зачислен в команду. Мне выдали черные сатиновые трусы, салатную майку с косой надписью «Вымпел» и с рисунком, якобы обозначающим этот вымпел, а на самом деле он был похож на мороженое «крем-брюле»: вафельный стаканчик конусом вниз, а сверху — полукруглая шапочка мороженого. Вкусное дело, надо сказать! Выдали также новые белые тапки, и я провел в них две ходовые тренировки и еще кросс побегал, чтобы они обмялись и прилипли по ноге. Вырезал из старого поролона два плоских кружочка и подложил под пятки, чтобы не отбить их во время быстрой ходьбы.

Потом всех спортсменов построили, и замполит сказал напутственную речь — велел высоко нести честь полка и помнить, что спортивная закалка воинам нужна больше всех, так как солдатам нужно уметь преодолевать физические невзгоды. Под конец приказал вести себя скромно в быту, выполнять уставные требования и не срывать в самоволку, чтоб не вынуждать к наказаниям. Хорошая была речь — возвышенная и понятная.

В поезде мы ехали с демобилизованными моряками-подводниками. Это были настоящие морские волки — крепкие и пьяные. С обветренными лицами, хлебнувшие всяких невзгод. Они снисходительно рассказывали солдатам о суровой подводной службе и пели под гитару незнакомые морские песни. Я им очень завидовал и тоже хотел быть таким мужественным.

В Ленинграде, куда мы прибыли, было очень хорошо — солнечно, весело. Трепетали на ветру флаги и транспаранты: «Привет воинам-спортсменам!», «Желаем спортивных успехов!». Ехали на автобусе через весь город и восторгались Невой, памятником Петру, широкими прямыми улицами. Обедали в настоящем кафе, за соседним столиком сидели нарядные девушки, которые весело прыскали, поглядывали, очевидно, на наши стриженные головы. А одна, в шелковой платочке, делала вид, что совершенно нами не интересуется и была очень симпатичной. Мы молодецкато расправляли плечи и старались поделикатней налегать на еду. На десерт нам принесли по стаканчику великолепной сметаны — для спортивного задора, как объяснил капитан Сапрыкин. Он был в отглаженной гимнастерке, в новой фуражке и озабоченно поглядывал на свое воинство:

— Ну, хватит кайфовать, пошли. Надо тренировку провести на стадионе, поближе к боевой обстановке.

Стадион был большим, настоящим, с красивой дорожкой красноватого цвета. Ноги прямо сами неслись по такой дорожке. Я размялся, сделал несколько ускорений. Ощущения от ходьбы были совсем иными, чем на нашем самодельном стадионе. Легче было

отталкиваться стопой, шаг становился шире. Зато и одышка появилась гораздо быстрее — то ли в городе дышалось труднее, то ли скорость ходьбы возрастала.

На стадионе тренировались и другие ходоки. Я сразу обратил внимание на сухого загорелого парня с удивительно гладкими мускулистыми ногами. Есть люди вот с такой гладкой и тонкой кожей, под которой мышцы так и катаются шариками. Было видно, что он опытный и выносливый ходок. Неумоимо, круг за кругом, ходил он широким, вихляющим шагом. Его лицо, бронзовое от загара, напоминало лицо североамериканского индейца: тонкие губы, орлиный крючковатый нос, мохнатые брови. И фамилия у него была необычной — Скрипкин. У него был собственный тренер — белобрысый располневший человек. Он сидел у самой бровки на раскладном брезентовом стульчике и выкрикивал на каждом круге: «Скрипкин, плюс пять! Скрипкин, минус два!».

Я даже остановился, чтобы разобраться в этих непонятных плюсах-минусах. Но чужой тренер неприязненно на меня посмотрел:

— Давай-давай, малый, шагай мимо!

У начала поворота какой-то рыжий солдат в белых трусах, белой майке и начищенных зубным порошком кедах, в защитной пилотке, натянутой почти на уши, отрабатывал вход в вираж. Он семенял ногами часто, как сороконожка, и, входя с прямой на поворот, наклонял туловище влево, к бровке.

Я тоже попытался так, но очень быстро уставала левая нога — вся нагрузка падала на нее. Тогда попробовал работать правой рукой с большей амплитудой, чем левой. Получилось неплохо — и скорость как будто увеличилась, и ноги не устали. «Подольше так потренироваться с асами — опыта набрался бы, — думал я на ходу. — А то пока сам до всего дойдешь, много воды утечет...»

В раздевалке сделал важное открытие: оказывается, опытные ходоки мажутся вазелином — у всех в сумках оказались тюбики или плоские круглые коробочки. На мои вопросы, что надо мазать, индейцеобразный ходок ничего не ответил, а только фыркнул тонкими сжатыми губами, зато рыжий в пилотке радостно объяснил:

— Але, слушай! Всякую машину в каких местах смазывают? В трущихся! Понял? Ну вот, а ходок — и есть машина. На десяти километрах сколько шагов сделаешь? Больше десяти тысяч! И каждой рукой отмахнешь тысяч по пять с гаком. Понял? Ну, вот и намазывай, где тело касается с телом, да погуще, как булку с маслом, не жалея — оно себя оправдает!

Он так убедительно и напористо говорил, без конца повторяя «ну вот» и «понял», что я, как только вышел со стадиона, сразу бросился в аптеку и купил три коробочки вазелина: две простого и одну борного.

Вечером ужинали в офицерской столовой. Сидели скромно в уголочке. Каждый думал о завтрашних соревнованиях. Наш Сапрыкин задумчиво поглаживал голову и делал пометки в блокноте. Потом каждому сказал о задачах: бегунам пробиться в финальный забег, метателям и прыгунам — не тушеваться и жать на полную железку.

— А ты, Юркин, помни, — сказал он под конец, — за твой вид дают много очков. Пройдешь за пятьдесят восемь минут десятку — команде будет большая польза. Ходоков мало. Дефицит. Усек? Так что назвался груздем — полезай... куда положено.

Спали на новом месте после дороги и тренировки крепко. Впрочем, солдаты всегда крепко спят. Если их не будят.

И вот наступил этот яркий, незабываемый для меня день. Было тепло, по ленинградским понятиям даже жарко. Уже в столовой рано утром, где спортсмены съели по тарелке рисовой каши, по хорошему куску мяса и по два стакана сметаны, было душно. А когда прибыли на стадион, я понял, зачем на всех ходоках были шапочки, белые матросские беретки и даже простые платочки с узелками по углам. Солнце поднималось вверх, а старт был назначен на 12.00. Пришлось себе перед разминкой тоже соорудить шапочку из белого носового платка.

— Чтоб темечко не напекло? Правильно! — крикнул вчерашний рыжий весельчак. Он

сидел на траве и делал какие-то невыдуманные наклоны к широко расставленным ногам. На голове у него вместо будничной пилотки была роскошная голубая «яхтсменка» с большим пластмассовым козырьком. «Вот как одеваются «зубры», — думал я, основательно разминаясь по своей уже опробованной системе.

Раздалась команда «Приготовиться!», и ходоки, сняв тренировочные костюмы, подошли к линии старта. Стройные, худощавые ребята в аккуратно пригнанных трусах и майках — всего человек двадцать — переминались с ноги на ногу, взмахивали руками и подпрыгивали, как будто собирались взлететь. Я, глядя на них, тоже заразился волнением и начал махать и подпрыгивать, а когда остановился, то на левом бедре у меня мелко-мелко дрожал мускул — настоящая предстартовая лихорадка. Я даже загордился.

— Внимание! — Помощник судьи-стартера, выстроив ходоков в две шеренги, покрикивал наиболее ретивым: — За линию, за линию! Не выходить за линию старта!

Я хоть и помнил, что впереди бесконечные десять тысяч метров, тоже теснился вперед, чтобы выиграть несколько ничтожных сантиметров.

Выстрел! Старт! Теперь только вперед! Хоп, хоп, хоп! Десятком очень быстрых, размашистых шагов я лихо сделал рывок и вышел к самой бровке, видя впереди себя только аккуратный и, как мне показалось, заостренный затылок «индейца» Скрипкина. Как легко идти! Как несет дорожка! Вперед, вперед! Хоп, хоп, хоп! Вот такие приятные мысли теснились в моей неопытной и потому легкомысленной голове. И более того — наддам еще, пойду первым!

Я попытался еще увеличить скорость и обойти

Скрипкина. Даже поравнялся с ним и увидел его иронический взгляд: мол, дерзаешь? Ну-ну...

— Эй, малый, — закричали на трибунах, — на мировой рекорд замахнулся? Смотри, нога отстегнется!

Этот крик немного охладил меня, и я пропустил лидера вперед, «И чего они меня так осадили? Идетя-то легко! Ну, ладно, — решил я через сто метров, — буду идти вторым, тоже для начала неплохо!» Хоп, хоп, хоп! Вот уже и первый круг кончается. Интересно, что крикнет Сапрыкин — как я прошел!

— Минута пятьдесят две! Плюс двадцать шесть! Полегче, Юркин!

«Вот это да! Ничего себе я поднажал!» — дорожка так и бежит под ногами.

— Осталось двадцать четыре круга, — раздался скрипучий и равнодушный голос судьи-счетчика.

«Действительно, что это я разогнался? Впереди девять километров и шестьсот метров, надо силы как-то рассчитывать...» И пошел я не только медленнее, но и более расчетливо — в момент сгибания ноги старался мгновенно расслабить бедро и стопу. Походка сделалась более легкой. Но Скрипкин за это время ушел метров на десять.

— Минута пятьдесят восемь! Плюс двадцать!

— А-а-сталося двадцать три!

«И зачем он так тянет — «а-а-сталося»? Нарочно? Так, подсчитаем. Двадцать шесть и двадцать. Значит, имеем в запасе сорок шесть секунд. Неплохо!

Вдруг сзади — сбоку — чук-чук-чук. Часто так и настойчиво. Я покосился вправо: а, это рыжий ходок чукается. Частит как пулемет, чуть ли не бежит.

Соперник поравнялся со мной и попытался обогнать, но я почему-то расценил это как дерзость и ужасно разозлился. Шутил-шутил, а теперь обгоняет! Ишь, какой нашелся! И я прибавил ходу — хоп, хоп, хоп!

— Руками, руками энергичней! — крикнул кто-то с трибуны. Неизвестно, кому был адресован этот совет. Но я его воспринял и, чтобы увеличить амплитуду, стал посылать локоть по дуге — вначале вниз, а потом уже назад. Скорость действительно увеличилась, и рыжий чуть-чуть отстал. Благодаря такому сопернику третий круг был пройден за минуту пятьдесят пять, и запас вырос почти до семидесяти секунд. Как будто все хорошо. Но... вдруг что-то изменилось: дорожка перестала стелиться под ногами скатертью и сделалась

вязкой и сыпучей, воздух наполнился мелкими иголочками, коловшими изнутри всю грудь и мешавшими легко и свободно вздохнуть, солнце горячими длинными лучами сошло на моей стриженной макушке и пробивало самодельную шапочку-платочек.

Четвертый круг прошел всего за две пятнадцать и добавил в «копилку» всего три секундошки. На пятом круге дышать стало еще труднее и, что еще неприятнее, появилась боль в правом боку. На тренировках иногда чуть побаливал бок — «печенка», как говорили опытные люди, но боль была так себе. Туповатая, вполне терпимая и при снижении скорости быстро проходила. А тут — не то! Сначала чуть-чуть, а потом вовсе разболелось. Кто-то неведомый тупым тесаком буравил мне изнутри весь бок в ритме шагов — ах, ах, ах!

Хотелось схватить этот бок руками, сжать его и замереть хоть ненадолго. Спасаясь от боли, я старался меньше раскачивать туловище, и действительно стало чуть легче, правда, самую малость.

— Терпи, солдат, маршалом будешь! Не поддавайся! — как-то приглушенно, из-за стены боли услышал я и, дернув головой, увидел, что это, сложив ладони рупором, мне кричит капитан Сапрыкин.

— Скоро станет полегче! — понесся мне вслед сапрыкинский голос. «С чего это вдруг станет легче? Не с чего... Мало еще я тренирован... а может быть, это и есть знаменитая «мертвая точка» и откроется какое-то там «второе дыхание?»»

— Две двадцать пять! Минус семь!

— А-а-сталося восемнадцать кругов...

Рыжий ходок давно обошел меня, и его оранжевая, пламенеющая на солнце шея моталась где-то впереди в ста метрах. Ему тоже было нелегко (когда я входил в вираж, то видел, как на противоположной стороне на выходе из поворота «рыжий» напряженно дергал головой, как будто клевал). «Как петух», — пришло мне в голову. Сразу стало смешно и... легче идти. Меня обошли еще несколько человек, но я уже за ними не гнался, а искал свой собственный, доступный темп.

— Две двадцать! Минус две!

«Это уже лучше. Еще чуть-чуть прибавить, самую малость, и так держаться! При наличии запаса, который «подтаял» совсем немножко, должно получиться неплохо — может быть, даже меньше пятидесяти минут. Ну-ну, не будем загадывать...»

Дыхание постепенно установилось, и я, кажется, перестал себя чувствовать рыбой, выброшенной на песок. Оставалось лишь ощущение очень горячего воздуха, входившего в глотку и обжигающего трахею. Боль в боку как будто утихла, и лишь временами там поворачивался какой-то кирпич, задевавший своими острыми гранями за что-то нежное и наболевшее. Но затем этот кирпич укладывался удобней, и боль на время затихала.

— А-а-сталося двенадцать кругов!

Чуть меньше половины. «Да, трудные лавры у ходоков!» Вот теперь, на середине дистанции, мне стало нестерпимо жарко. Как в пустыне, в горячем цеху, в бане, наконец! На верхней полке! Но там сидят или только машут вениками, а здесь идут, да еще изо всех сил. Я чувствовал, что стал багрово-красным: не только щеки, но и все — лицо, шея, плечи — приняло пунцовый оттенок. «Эх, водички бы сейчас! Холодненькой...» И вдруг я увидел, что белый толстый тренер, опекавший бесспорного лидера Скрипкина (тот уже обогнал меня почти на целый круг), встал во весь рост, держа в каждой руке по бумажному стаканчику. И когда Скрипкин к нему приблизился, строго и отрешенно глядя вперед своими глазами цвета бронзы, тренер выскочил на дорожку и ловко плеснул водой из одного стаканчика на грудь ходока. А когда тот, бросив благодарный взгляд, прошел мимо, сразу вслед ему взмахнул вторым стаканом, обливая водой затылок и шею. Скрипкин, кажется, даже замычал от наслаждения. Что ж из того, что он почти мастер спорта! Ему так же трудно и жарко, как и остальным! Даже больше — он же идет быстрее их!

— Десять кругов осталось!

«Четыре километра... нужно дотерпеть... Жарко... Ужасно жарко!» — теперь я думал какими-то отдельными, нет, даже не словами, а понятиями — «жарко», «терпеть». Меня

обошел на целый круг Скрипкин и еще какой-то незнакомый высокий парень, который споро вышагивал, как журавль, высоко и резко выбрасывая ноги. Зато и я догонял какого-то ходока, отставшего почти на круг. Если бы не было так жарко, то, пожалуй, даже прибавил бы скорости... Эх, вот мне бы так из стаканчика на лицо и на грудь плеснули водички!

И вдруг я краем глаза увидел странную фигуру — худой, голенастый офицер в задравшейся гимнастерке бежал откуда-то сбоку к дорожке стадиона, держа в одной руке огромную пивную кружку, полную воды. Он бежал, стараясь изо всех сил не разлить эту воду, которая все равно выплескивалась в такт шагам. «Эх, все разольет!» — подумал я с сожалением. И даже на секунду отвел глаза от этой заманчивой влаги. А когда снова посмотрел, то прямо ахнул: «Это же капитан Сапрыкин! С водой!» Кто-то крикнул:

— Эй, не утопи его!

Но Сапрыкин, размахнувшись, как будто метал диск, плеснул из кружки прямо мне в лицо. Видно, хотел только половину, чтобы хватило и на спину, но не рассчитал и выкатил все. Я закашлялся и, сбившись с ритма, чуть было не остановился. При этом как-то чудно взмахнул руками.

— Плыви брассом! — засмеялись на трибунах.

Сначала мне было не до смеха. Но потом стало легче, и я осторожно, очень осторожно увеличил скорость. Теперь я понимал, как надо экономить силы. Эх, если бы начал дистанцию не так резво, то как бы сейчасгодились эти лихо и бездумно растроченные силы! Действительно, рекордсмен нашелся! Но два раза в одну реку не войдешь, говорили древние. Что было, того не воротишь. Надо приспособливаться к тем силам, которые остались.

— А-а-сталось пять кругов! — усталым голосом сказал судья. Ему тоже надоело стоять на солнцепеке.

Бронзовый «индеец» Скрипкин обошел меня еще на один круг. И я принимал это как должное. Но меня опять начал обходить на целый круг рыжий балагур, и это показалось, как и вначале, почему-то обидным. И еще злило, что этот парень так быстро семенял ногами, как будто переходил на бег. Почему же судьи не делали ему предупреждения или хотя бы замечания?

Когда мы поравнялись, я невольно участил шаги, и мы пошли рядом. И вдруг услышал в рупор:

— Четвертый номер! Не переходите на бег! Предупреждение!

И сейчас же взметнулся красный флажок и указал прямо на меня. Что за ерунда? Это же мой четвертый номер! Я так растерялся, что замедлил шаг и пропустил соперника. Не я сбивался на бег, а рыжий парень! Как судья мог перепутать?

— Юркин, полегче! А то снимут! — голос Сапрыкина.

Да, с судьей не поспоришь. Снимет с дистанции за милую душу, и все труды пойдут насмарку. Конечно, он смотрел на мелькание ног — и моих, и поравнявшегося со мной соперника, сложил вместе это мелькание, а наказал одного. Я огорчился и пошел осторожнее. Испугался

Вспомнил, как Сапрыкин говорил утром: «Только нечаянно не перейди на бег. Следи, чтобы если одна нога в воздухе, то вторая обязательно на земле. Не должно быть фазы полета». Теперь, после грозного предупреждения, я стал еще старательней припечатывать шаг, чтобы не было опасной подпрыжки. Вот и еще один круг пройден. Боковые судьи внимательно смотрят на ходоков — теперь, перед финишем, когда от усталости теряется координация и хочется быстрее закончить дистанцию, особенно часто сбиваются на пробежку. Вот опять:

— Девятый номер! Предупреждение!

Девятый был где-то сзади. Я его не видел.

И вот долгожданный гонг, остался последний, двадцать пятый круг! Я немного прибавил и догнал какого-то парня в голубой велосипедной шапочке с загнутым вверх козырьком. Козырек придавал ему лихой вид, но шел парень тяжело, постанывая в такт

дыханию. Может быть, тоже печень схватило? На финише это обидно. Но я с какой-то истощенной яростью обошел его, и вот она, долгожданная финишная черта! Еще немного! Еще!!! Ху, все! Ох-хо-хо...

По инерции прошел еще несколько шагов, пытаясь перейти на легкий бег — увидел, что так делают и Скрипкин, и рыжий, и парень-«журавль». Но ничего не получилось — ноги как-то странно подгибались в коленях и дрожали. Тогда я пошел обычной человеческой ходьбой. Очень приятно.

Тут подошел капитан Сапрыкин и, ничего не говоря, стал поливать из солдатской фляги мой затылок. Это было истинным наслаждением! Вода стекала на шею, спину. Голова прояснялась, снова стали доступными звуки, цвета. Через минуту я, кажется, совсем пришел в себя. Капитан похвалил меня и сказал, что я наверняка выполнил третий разряд, и посоветовал дальше заниматься ходьбой, потому что есть способности. Потом из небольшого синего термоса налил стаканчик божественного холодного напитка — сладкого клюквенного морса.

— Пей медленно, — сказал капитан.

Я пил, смакуя каждый глоток, и, удивительное дело, нестерпимая жажда почти исчезла — это от одного-то маленького стаканчика.

— Состав собственного изобретения, — гордо сказал Сапрыкин, — для стайеров — незаменимая вещь.

Потом я отдыхал на траве и переодевался в душе. Переодеваться было нелегко: дрожали колени и трудно было устоять на одной ноге. Выйдя из раздевалки, увидел в глубине аллейки пустую скамейку и лег на неё навзничь.

— Зря разлеживаешься, солдат, ходить надо, — вдруг сказал незнакомый и твердый голос. Я вскинул голову и увидел победителя — Скрипкина. На нем был узкий, хорошо подогнанный офицерский костюм, на погонах три звездочки — старший лейтенант, каштановые волосы с капельками воды плотно зачесаны назад. А лицо было совсем не злое и не жестокое, а веселое и располагающее, и на груди ромб — академия. Вот тебе и ходок!

— Ты молодец, парень! Будешь стараться — ходоком станешь. А сейчас не лежи: потом не встанешь, все затечет. Подвигайся, подвигайся. Усталость «заходить» надо, размять. Понял? Ну, будь здоров! — и он, показав в улыбке длинные узкие зубы, пошел легкой походкой по аллее.

Я его послушался — походил и даже сделал небольшую гимнастику — не разминку, а «заминку». Стало действительно легче. Я был благодарен Скрипкину и удивлялся его расположению. Ведь до соревнования тот был угрюм и неприветлив. В чем же дело?

Вечером и весь следующий день мы гуляли по городу, ходили в музей — Артиллерийский и Эрмитаж, и в них устали больше, чем на соревнованиях. Город был прекрасным, как сказочный дворец, по Невскому неторопливо текла нарядная река людей, и девушки, кажется, смотрели на нас с одобрением. Все-таки brave молодые люди!

Другие ребята тоже неплохо выступили, и Сапрыкин был весьма доволен. Меня удивляла перемена в капитане: он стал разговорчивым и рассказывал о своих прежних спортивных делах. Он, оказывается, когда-то тоже был стайером — бегал десять тысяч и даже марафон — сорок два километра.

И я понял, почему и капитан, и ходок Скрипкин расположились ко мне: признали во мне работягу, труженика и приняли в свою компанию. Это вызывало гордость, и я решил еще настойчивее тренироваться.

1978

Цветок и дворняжка

Дворняжка — не собака, а ничейная девушка. Неухоженная и неказистая. Она идет с подружкой впереди меня. Мягкие джинсики, курточка, бледная полоска голой поясицы. Лет

четырнадцать. Сосет длинную папиросу, важно стряхивает пепел. Рыжеватые волосы — космами. Плоский задок хило перемещается в такт шагам вверх-вниз.

На тротуаре замечает брошенный цветок. Тюльпан. Алый с белыми вертикалями. Красивый, нежный. Поднимает его, рассматривает, кладет на плечо. И вдруг — вальсирует. Мордочка улыбается, становится милой, розовеет. Уходят. Я иду дальше и думаю о цветах и девушках. Сравниваю.

Рецепт

Консультировал одного ученого. Физика-химика. Секретного. Он повредил ногу в горном турпоходе. Не страшно. Заживет.

Выписываю рецепт. Спрашиваю возраст. Он отвечает, я не верю... Говорит «шестидесят», а выглядит на сорок. Не больше. Мне тридцать пять и кажется, что до шестидесяти — целая жизнь.

Восхищаюсь: «Как вы молодо выглядите!» Усмехается: «Просто я очень удачно женат». Она поправляет волосы и смеется. Стоит у окна, и солнце проходит через нее.

Глубина

Лечил бывшего спецназовца. Полковника. Теперь в отставке. Здоровенный, как шкаф. Воевал в Афгане, Чечне, почему-то в Африке. Перетрудил спину. Боевая выкладка до тридцати килограмм. Терпел.

Сорвался уже «на гражданке». Помогал сыну — нес чугунную ванну на пятый этаж.

Потом нес обратно — не подошла. Спину заклинило и совсем перекосило.

Упорно лечился и поправился. Доволен. Ко мне расположен. Одевается после осмотра. Вдел в рукава огромные ручки.

— Между прочим, доктор, есть два вопроса. Хотелось бы у вас узнать — в чем смысл жизни? Трудно сразу ответить? Тогда второй — там (показывает на потолок) есть что-то после смерти? Душа? А как она взаимодействует с оставшимися людьми? Каким органом? Каждому, говорите, воздается по вере? Это кто сказал? Воланд? Я с ним категорически согласен.

Я тоже.

Песня пахаря

Паши — вспаши, рой борозду...

Тяни, тяни, подставь плечо

Братец ты мой, славный вол.

Армянская народная песня

Старинная армянская песня заполняла гулкие своды церкви Гехарда полностью. Песня пахаря. Крепкий мужской голос выводил такие романтические рулады, что становилось ясно: так может петь только выдающийся человек. Так оно и было. Пел первый секретарь райкома партии. Подобное могло случиться исключительно в Армении. Вернее, в Армянской ССР.

В РСФСР такое было невозможно. Вы представляете себе секретаря сельского райкома где-нибудь на Тамбовщине? Чтоб он пел песню пахаря и еще сам себе дирижировал? Да и песен подходящих нет. Не будет же он петь «Шумел камыш» или «Ой, цветет калина...»! Лучше тогда совсем не петь. Они и не поют. Только спускают в район директивы.

А этот пел. Церковь была выбита в скале многими поколениями монахов и производила грандиозное впечатление. Он (певец) дополнял его. Полный, с крупными черными кудрями и в черном же костюме, в белой сорочке. Он был очень красив. К тому же он знал, что красив, даже живописен. Дирижировал белой пухлой рукой, на которой

поблескивали роскошные японские «Seiko». Идеально начищенные черные остроносые туфли. Костюм сидел ладно, под ним угадывалась могучая, слегка ожиревшая спина и такие упругие бедра, что было слегка страшновато, — а вдруг брюки лопнут! Особенно на попе! Она на вид была совсем не маленькая. (Не подумайте чего плохого.) Как бы не было конфуза.

Но это все визуально. А на слух было еще прекрасней. Скальные церкви славились своей акустикой, и партиец-певец умело ею пользовался. Он пел не экспромтом, впервые, а отработывал этот номер перед многими гостями. Так было задумано. Он направлял голосовой поток то в один угол, то в другой, в какие-то только ему ведомые точки. И голос красивейшего тембра, отражаясь от этих точек, совершенно завораживал слушателей. Лица, даже самые примитивные и слегка обалдевшие, становились одухотворенно-мечтательными, с проблесками интеллекта. Я это видел у своих спутников, а они, наверно, то же самое отмечали на моем лице. Подобные метаморфозы нас всех сближали, и мы с благодарностью смотрели и слушали. Здесь и была объединяющая сила партии. И искусства.

Секретаря райкома звали Гамлетом, его жену — Аидой, дочку — Офелией, старшего сына — Нельсоном. Зато четверых младших сыновей он назвал вполне патриотично: Армен, Ашот, Арсен, Гагик.

После пения и чистейшего горного воздуха у всех пробудился зверский аппетит, и мы кавалькадой машин отправились к хлебосольному хозяину обедать. Сухих вин на обеде не было, подавался только умопомрачительный коньяк. «Ахтамар» назывался. Мы, по своей серости и бедности, такого никогда не только не пробовали, но и не слышали. Через пять-шесть «пузатых» рюмок все уже были готовы. Мы раскраснелись (кто постарше — побагровел), голоса усилились и зазвенели, все вокруг нас веселило и умиляло. Когда дверь отворилась, пропустив Ашотика, нацепившего на единственных два нижних зуба сочный кусок шашлыка, мы заплодировали. Он обвел нас сияющими глазами-маслинами, пошамкал шашлык и деловито удалился. «За следующим куском пошел на кухню», — гордо объявил счастливый отец.

Аида устало мотнула головой. Еще бы! Шестеро детей и хлебосольный муж — большая нагрузка. А муж был не только хлебосольным, но и честолюбивым. У него вся квартира была уставлена Наполеонами: фигурками, чашками, тарелками и бюстами. Штук двадцать или тридцать. А в спальне висела огромная картина маслом — Наполеон под Аустерлицем. «Он и русских под Бородином здорово помял, — веселился хозяин, — вы только не обижайтесь, древняя история». А сам хитро поблескивал теми же, что и у сына, глазами-маслинами. После «Ахтамара» вся наша делегация была согласна с частичным поражением российских войск.

Мы прибыли на всесоюзный съезд нейрохирургов. На открытии после краткого приветствия была музыкальная вставка — струнный квартет играл музыку великого армянина — Комитаса. Торжественно, печально и заунывно. Потом пело очень толстое колоратурное сопрано. Армянскую народную песню о любви и несбывшихся надеждах (нам громко переводили). Потом двое юношей, мускулистых и очень волосатых, танцевали отрывок из балета Хачатуряна «Спартак». Сцена под ними ходила ходуном, и поднимались тучи пыли. Потом был перерыв — кофе-брейк, во время которого подавали коньяк прямо в кофейных чашечках. Хорошее дело! Никто не видит, что ты там прихлебываешь — кофе или что другое.

Затем начались научные доклады, но зал сильно обезлюдел. Докладчики волновались и что-то бубнили, однако двери в фойе часто открывались, и оттуда слышались взрывы хохота тех ученых, которые перепили кофе. Докладчик, закончив речь, тоже стремился смыться в фойе. Для продолжения дискуссии. В общем, открытие конгресса прошло отлично. Остальные дни были не менее насыщенными.

Московскую делегацию как раз опекал Гамлет — первый секретарь... дзинского райкома партии. Тогда каждую делегацию опекал какой-нибудь партиец. Но наш был лучше всех — умный, веселый и красивый. Он было принялся ухаживать за нашими дамами, но

быстро разочаровался. Он их напугал восточным колоритом, напором и своим фирменным способом ухаживания-совращения: подходил вплотную, полуобнимал сначала за талию, потом соскальзывал существенно ниже, а второй рукой размахивал перед ее глазами, как заклинатель змей. Дамы пугались и слегка балдели. Ирка Соколова, известная чувственная интеллектуалка, тут же, завывая, начала читать Блока и Цветаеву. Вот тут уж испугался он сам. Аж отпрыгнул. Другие были не лучше — одна спешила на почту позвонить мужу и детям, другая намекала на критические дни, а Алка Купцова, растрепав жидкую прическу, села, где стояла, и объявила, что у нее отказали ноги. От избытка чувств.

Гамлет оценил этот пассивный отпор, да и дамы были не первой молодости, и стал опекать знаменитого профессора, у которого жена была армянкой. Я как-то «автоматом» попал в их окружение. Так началась наша многолетняя дружба.

Вернувшись со съезда, на котором никто ничего не понял по причине коньячного наркоза, мы с мечтательной улыбкой вспоминали так быстро пролетевшие дни и перекидывались друг с другом загадочными фразами: «Что Максим Горький сказал? Легче забраться на гору Арарат, чем подняться из подвалов «Арарата». Так он написал собственноручно в книге отзывов. «Джигга на столе» — это поддавший профессор-прибалт решил сплясать матросскую джигу на обеденном столе и увлек еще двоих специалистов — из Саратова и Новокузнецка. С трудом перевалив свои набитые животы через край стола, они пытались обняться втроем и джигануть как следует. Стоять остался один закаленный прибалт, остальные сбились с ритма и попадали под стол. А он за них допел английскую лихую песню. Европейец.

Через две недели Гамлет приехал в Москву, в партийную командировку. Наши контакты возобновились. Отслушав лекцию «Руководящая роль КПСС в повышении урожайности овощных культур» и сделав вид, что он ее конспектирует (на самом деле он виртуозно рисовал лошадей, дамские зады и армянские каменные кресты хачкары), Гамлет устремлялся в гости к многочисленным друзьям и подругам. Я был в их числе. Он оказался интересным умным человеком и прекрасным рассказчиком.

...1938 год. Ему шесть или семь лет. Отец расстрелян. Нарком земледелия. Чего вы хотите? Участь его была предопределена. У матери на руках трое детей. Мал мала меньше. Зима. Голодно и холодно. Бывшие друзья и сослуживцы отводят глаза и переходят на другую сторону дороги. Но два-три раза в месяц мать допоздна не ложится, ждет. Гамлет тайком подсматривает. За полночь кто-то постучит в окошко. Мать откроет дверь. Вместе с бураном, снегом или дождем, обязательно в непогоду, войдет человек. Лицо спрятано за высоким воротником, не рассмотреть. Он протянет пакет и сразу уйдет. В пакете — жизнь: мука, кусок овечьего сыра, иногда бастурма (это мясо, лакомство). Весной — дикий чеснок, черемша. Витамины. В школе дразнят за чесночный запах. Он дерется. Чаще побеждает. Сильный характер и ярость сильная. Чеснок до сих пор любит.

Кто был тот человек? Неизвестно. Мать говорит — из деревни. Война. Мать работает вначале на заводе в цехе, потом — в плановом. Помогли скрытные друзья. Получает продуктовую карточку. Они выжили, выучились. Любовь и благодарность матери безмерны.

В один из приездов в Армению я со всей его семьей и многочисленными друзьями попадаю на кладбище. Годовщина смерти матери Гамлета. Весна, цветут знаменитые абрикосы. Все вокруг в розовом душистом тумане.

На могиле грандиозный памятник. Чеканка — материн профиль. Оказывается, Гамлет на нее очень похож — такая же лепка носа и губ, упрямый подбородок, кудри, насмешливый прищур. Тут же внутри ограды врыт крепкий стол — на нем сейф. Брат Роберт открывает его сложным ключом. Сейф заполнен до отказа. Отборным коньяком. «Он всегда у нас в таком состоянии — сколько выпивается, столько и заполняется». Прессованное душистое мясо — бастурма в жгучей обмазке. Ни один микроб не выдерживает. Бастурма — пища пастухов, у них желудки луженые. У меня не очень. Во рту горит пожар.

Наполняются небольшие хрустальные стаканчики. Говорится тост, на могилу отливается немного благородного напитка. Все дружно выпивают, закусывают этой

бастурмой и неизвестно откуда появившейся на столе зеленью — тархун, кинза, реган. Второй стаканчик — в память об отце. Его имя тоже горит золотом на черном мраморе. Его тела здесь нет, оно сгнуло в безызначности, но имя и душа покоятся тут. А еще — в памяти детей, а теперь и внуков. Молодцы армяне!

Как по волшебству, появляется кавказский бутерброд — тонкий лаваш, в него вложен сыр чанах, ломтик бастурмы, зелень. Все аппетитно хрустят, наливают третий, четвертый, пятый стакан. Аромат наполняет воздух, и по щеке катится одинокая слеза. Потом вторая. Не привык я к пяти стаканчикам сразу. Да еще и на свежем воздухе. Слезу оценили как соучастие. Поблагодарили. Но это так и есть. Тепло разливается в душе широкой волной. Надо учиться у кавказцев.

Правда, много позже я пробовал выпивать на могиле родителей. На Ваганьковском. Ничего похожего не получилось. Как-то очень тесно, неудобно. И ужасно хлопотно. Какая-то колбаса сползает с хлеба мимо рта, яйца крошатся, огурец попался горький, помидор брызнул вбок, прямо в глаз брату. Хорошо, что он смеется. Говорит — отец бы не одобрил эту пьянку. Не к месту она. Хотя сам отец с удовольствием выпивал. Перед ужином. Нальет рюмку лимонной водки (сам туда крошил корки и клал кусочек сахара — вкус божественный!), отвернется к окну, подмигнет кому-то, выпьет и крякнет. Теперь я совершенно рефлекторно делаю то же самое. Только не подмигиваю. У меня и внук поступает по этой схеме. Ему почти три года. Пьет лимонад, крякает и выдыхает воздух очень грамотно. Меня все за это ругают. Поэтому мы с ним пьем тайком.

Так вот, кавказцы со вкусом выпивали, а потом тихонько запели. Теперь это была не песня пахаря, а другая, они ее потом назвали. Грустная, но с элементами героизма — с какими-то гортанными вскриками. Я не мог понять — при чем здесь эти слегка боевые вопли, пока очередной тост с помощью алаверды не передали молодому поколению. Старший сын Гамлета Нельсон, красивый парень лет восемнадцати, соорудил грозное лицо и, повернувшись лицом к некоему пейзажу, сказал: «Клянусь памятью бабушки, — запнулся, — и, конечно, дедушки, что... Арарат будет наш». И протянул руку со стаканчиками на юг. А там, в этот ослепительный и прозрачный весенний день, сияла двухконтурная снежная вершина. Красиво! Книзу сахарная белизна темнела, становилась фиолетово-синей, и, конечно, мне тоже захотелось, чтобы Арарат снова принадлежал этим симпатичным и милым людям. При чем здесь турки с ихним Ататюрком? Якобы Ленин им подарил в 20-м году эту горку. Хороший подарочек!

Мне их жаль. Уж очень они любят Арарат! Он у них изображен на всем — на коньяке, на конфетах, папиросах. Всюду, где получается хоть какое-нибудь удовольствие. У русских таких ориентиров почти нет. Если только взять Волгу? «...Течет река Волга, а мне семнадцать, тридцать, сто лет...» У меня есть один сотрудник. Он волжанин. Любит вспоминать Волгу:

— Доплыву, — говорит, — до середины, там вода почище, напьюсь от пуза, и чешу обратно!

— А широка там у вас Волга?

— Не очень. Километра три, а при половодье — все четыре. Но сейчас из-за плотин мелеть стала, еле-еле на два километра потянет, переплывешь и не устанешь. — Скромный русский человек. Саженками плавает.

Но вернемся к армянам. После кладбища ездили в эчмиадзинский храм — там красота, лепота и служба — почти как в Елоховской. Поют до того красиво, что слезы наворачиваются. Особенно после коньяка. В те времена партийные работники не совалились в первые ряды, да еще со свечками в руках. Поэтому Гамлет со всей своей родней стоял где-то сзади, но тоже подпевал — грустно и торжественно. Голос у него был замечательный, глубокий, низкий, из души поднимался.

Он был добрым человеком. В разгар нашего веселья он вдруг вспомнил о какой-то своей дальней тридцатилетней родственнице, которая никак не может выйти замуж по причине перекоса лица. Неврит лицевого нерва, предположил я, и мы всей честной

компанией отправились консультировать эту несчастливую особу. Тут нас ждал сюрприз — она работала лаборантом на коньячном заводе «Арарат». Было решение консультировать ее незамедлительно, чтобы вылечить как можно скорее.

В подвалах завода было замечательно. Прохладно, сумрачно, загадочно. Огромные бочки завораживали взгляд. Оказывается, в этих циклопических сосудах созрел не только коньяк, но и душистые армянские портвейны — «Аревик», «Аревшат»... Обязательно с буквами «Ар...», двадцати градусов крепости и темно-янтарный прозрачный цвет. Моя будущая пациентка работала как раз в этом портвейновом раю. Но сейчас она на полчаса отлучилась, и все умоляли нас задержаться до ее прихода. Естественно, для более приятного ожидания нам предложили произвести дегустацию местной продукции.

Это было замечательно. На широкий дубовый стол постелили белые кружевные салфеточки, поставили каждому пять или шесть бокалов разной формы — с плоской попкой, с конусной попкой, с широкими бортами, узкими. Неизвестно с какими. Наливали на один-два пальца. Учили нюхать, катать за щекой, задумчиво оценивать послевкусие. Ничем не закусывать. К приходу пациентки (ее звали, кстати, Лаурой) мы были абсолютно готовы. К труду и обороне.

Лаура смущенно улыбалась, от чего лицо перекашивалось так, что угол рта уезжал почти до уха, а глаз округлялся, как у совы или зайца. Это по-латыни так называется: «лягофталм» — заячий глаз. Ужасная гримаса. Я тщательно вымыл руки (водой, не портвейном — я за этим четко следил) и принялся за осмотр.

У меня в то время было много таких больных. Это вирусное заболевание — воспаление лицевого нерва. Вспотел, простыл, ветерок просквозил и... привет. Физиономия перекошена. На лице вообще сложная ситуация с этими мимическими мышцами. Они почти все парные и симметричные, но каждая тянет в свою сторону. С одинаковым усилием. Стоит хоть одной из них ослабеть, как ее напарница с другой стороны тут же утягивает лицо в свою сторону. Иногда тянет с такой силой, что аж нос поворачивается в этом направлении. Представляете, добротный армянский нос (впрочем, еврейский не меньше, да и у русских бывают такие паяльники, что о-го-го) загибается куда-то вбок, как сломанный руль на шлюпке. Эта тяга в одну сторону тем больше, чем эмоциональней человек. Засмеялся, закричал, разгневался — морду перетягивает вбок, аж страшно. Прямо как киношный ужастик.

Постепенно больная мышца восстанавливается, набирает силу, но она все равно находится под гнетом здоровой нахалки-напарницы. А та до того привыкла тянуть одеяло на себя, что не дает выздоравливающей соседке даже пикнуть. Забивает. Поэтому я придумал для Лауры такой прием: крепко прижать своими пальцами эту настырную здоровячку и дать сразу команду на движение больной ее сопернице — оскалить рот, улыбнуться, поморщить нос. Так она и поступила. И вдруг, к удивлению болельщиков и самой Лауры, эта бедная затрюханная мышца после нескольких лет молчания дрогнула и сократилась. Полный восторг! Один московский профессор, человек солидный и эмоциональный (женат на молодой милой армянке, то есть почти родственник всех армян), пришел в крайнее возбуждение (после, конечно, тщательной дегустации) и хлопнул меня по плечу с такой силой, что я чуть не упал на Лауру. Удержался благодаря мускулам ног. Ее.

Лаура получила от меня приглашение в московскую клинику, Гамлет взялся оплатить дорогу и проживание, и, получив несколько бутылок потрясающего вина, мы с трудом выбрались на солнышко. После чего профессор мотал от восторга головой, еще несколько раз стукнул меня по плечу, то по правому, то по левому, и я шатался, как ванька-встанька. Пришлось его отправить на дневной сон. Меня тоже.

Лаура два или три раза приезжала в Москву, занималась специальной лечебной гимнастикой, научилась фиксировать пластырем мышцу-нахалку и добилась успеха. Лицо почти выровнялось. Вышла довольно удачно замуж. Родила ребенка. Ее фотография-рисунок попала в мою монографию как пример правильной фиксации перетянутой мышцы. Так что Гамлет сделал доброе дело.

Гамлет тоже часто приезжал в Москву. В ослепительно модном черном костюме и

такой же ослепительно белой сорочке. С дорогими запонками, часами и в галстук, на котором красовался Арарат. Лакированные туфли и свежевывитые черные кудри дополняли ансамбль. Он приезжал по партийно-хозяйственным делам, ходил на какие-то совещания и пленумы, а оттуда, конечно, по ресторанам — угощал и партийную, и хозяйственную элиту. Им нравились его приезды. Мне он частенько звонил, приходил в гости, мы душевно разговаривали о том о сем. Моя жена и дети всегда радовались его приходу, он вносил в дом какое-то праздничное приподнятое настроение. Всем казалось, что сейчас случится нечто прекрасное.

И вдруг... перестал приходить. Не обиделся, как он клялся, а просто у него не стало свободного времени. На самом же деле случилось вот что.

В 197... каком-то году начались показательные «порки» крупных хозяйственников. «Расхитителей социалистической собственности — к ответу!». Главный расхититель — государство — решило слегка придушить кустарей-одиночек.

Елисеевский магазин, «Мосмебель», «Океан» были назначены козлами отпущения. Народ читал газеты, ахал от перечисления богатств разных дельцов, но шибко не возмущался. Понимал, что партийные бонзы нахапали гораздо больше. И брильянты у жены рыбака, гастрономщика, мебельщика ничуть не отличаются от таковых, висящих на тумбообразных супругах партийной верхушки. Одна шайка-лейка. Вор у вора дубинку украл.

Но надо было на кого-то «перевести стрелку». Перевели. Посадили. Но нескольких взяли и расстреляли. Этого уж никто не ожидал. Никого они не убили, военную тайну не разглашали, Кремль не взрывали. Жили мирно, но безбедно. Обеспечивали вкусными пайками и финскими гарнитурами тех же бонз. Ветеранов войны снабжали пайками-заказами. Хреновые были заказики — сайра там, кусок колбасы, пачка цикория, конфеты «Белочка», но все-таки есть чем гордиться. У других такие же продукты, но их надо доставать, в очередь вытягиваться, а тут бахнешь на прилавок спецприглашение, аж ордена-медали звякнут, и тебе равнодушная зажавшаяся морда молча, обязательно молча, выкинет пакет, полный привилегий. Такая была жизнь. Многие помнят. Но этих помнящих все меньше и меньше.

Так вот, наш армянский Гамлет как-то случайно, а может, не случайно повстречал вдову одного такого, опять же, случайно расстрелянного человека. Их пути пересеклись где-то в районе Елоховской церкви. Она туда зачастила после смерти мужа. Было ощущение, что ее там даже ждали. Умело опекали. Присылали приглашения на церковные событийные даты, исповедовали, причащали. В общем, благостно отвлекали. Ну что ж, гуманно. А Гамлет туда залетел абсолютно не по делу. Ехал из своего постпредства в Армянском переулке, это неподалеку, и заглянул в главный на то время храм страны. Поставить свечку — была годовщина смерти матери. Похвально.

И дальше почти сцена из пушкинского «Каменного гостя». Она истово молилась, а он не мог отвести глаз от ее горестно склоненной чудесной фигуры, от черного кружевного платка, от тончайшего запаха духов (ох, грешница), а самое главное, от ее невзначай брошенного взгляда в его сторону.

Потом он признавался: «Понимаешь, Вовка, она меня этим взглядом обволокла, заколдовала, как говорят ваши русские, присушила». Казалось, что особенного в женском взгляде? Эка невидаль! Встречались нам женские взгляды, всякие встречались-попадались. Ласковые и хитрые, лживые и глупые, лукавые и простые. Могу до утра перечислять. А у Инны (так ее звали) взгляд был пронзительный, простодушный и молящий, «Люди, отзовитесь! Я тут! Я в беде», — вот что говорили ее серые с потрясающей поволокой глаза. Остальное тоже было прекрасным — брови, ухо, рот, фигура, наконец! Точеная фигура, как статуэтка. А ноги! Как Гамлет ее щиколотки увидал, так сразу захотел все остальное посмотреть. И посмотрел. Со временем... Не разочаровался, а очаровался еще больше.

В общем, они как-то очень складно подошли друг другу. Как сложный ключ к не менее сложному замку. Она по-прежнему скорбела по убитому мужу и молилась в церкви, а он

привычно руководил в Армении своим районом, постоянно повышая темпы жилищного и промышленного строительства, а также сельского производства.

Она ходила в магазин и выстаивала утомительные очереди (раньше продукты привозились на дом с поклонами), ездила на тряском трамвае и удушающем автобусе «Икарус», протягивая билетик для компостирования, — раньше была машина и персональный шофер. Ходила по вызову завуча в школу, где робко объясняла, что постоянно забываемый или теряемый сыном дневник не злостный умысел, а лишь увлеченность точными науками и состояние общей задумчивости. Над сложностью бытия. Влезет в одну штанину и замрет, что-то вспоминает. А про вторую штанину забывает начисто. «Значит, вы его плохо воспитали, — чеканила строгая и глупая баба, — кем же он вырастет в одной штанине, безотцовщина?» Тут материны серые прекрасные глаза наполнились слезами, и довольная завучиха отпускала ее с миром домой. До следующего вызова.

Но на следующий вызов откликнулся Гамлет и так хорошо, по-партийному с завучихой поговорил, сказав, что он дядя мальчика и заодно член Центрального комитета нашей самой справедливой партии (правда, армянского филиала, но та от испуга не обратила внимания на эту деталь). Увидев красную кожаную книжечку с тиснением «Ц» и «К», она впала в ступор, в нирвану, почти в общий наркоз, и обещала стараться во всем оправдывать доверие партии.

Мальчика оставили в покое, и он перестал терять нужные предметы. Даже портфель терял только один раз в четверть. Но с концами. Зато он увлекся химией и занял третье место на городской олимпиаде. Заодно сжег и извазюкал почти все кухонные приборы. Гамлет купил все новое, а также дорогуший набор «Юный химик». Он его приобрел в учколлекторе. Это додуматься надо, чтоб такое достать не в обычном «Детском мире», где их тогда и не бывало.

Мальчишка смотрел на него с изумлением и надеждой. Отец с ним так никогда не занимался. Ему было некогда. Он делал деньги. И вот доделался. А этот все замечал, учил боксировать, бросать в корзину баскетбольный мяч, делать двойной захват и класть соперника на лопатки. Получалось не очень классно, мышцы были слабоватые, дух нестойкий. Но каковы перспективы!

Конечно, появлялся он в доме на Ломоносовском не так уж часто, но достаточно для того, чтобы в Армении возник слух. Аида наконец вышла из привычного отупелого состояния и встревожилась. Конечно, ответственные (и не очень) кавказские мужья на выезде — это особая статья. «Как это нормальному мужчине не погулять немного, э?!» Но тут «просто погулять» и не пахло. Он явно и серьезно увлекся.

Начались разборки. Он этого не терпел. Включились старшие сыновья — мать защищать.

Гамлет отбивался, гневался и не поддавался. Друзей в эти разборки не посвящал. Включился младший брат Роберт, бывший комсомольский работник. Поимел в свое время весь женский молодежный актив не только своей, но и соседних социалистических республик. Даже переводчицу с урду имел. Очень этим гордился. «У него вообще как Арарат стоит», — восхищались друзья. Он Гамлета прикрывал как мог, но в душе порицал: «Так серьезно! Зачем?»

А в это время — смена власти. КПСС развалилась, как бумажный домик. Райкомы закрылись «на переучет». Но никто не пропал, никого не уводили по ночам, детей не изгоняли из комсомола. ВЛКСМ и сам рассыпался (на время). Демократия! Все куда-то «перетекли».

Гамлет отселялся в НИИ овощеводства. Директором. Сам (сам!) стал писать диссертацию о помидорах! Что любил (чисто покушать) — о том и писал. Он и шашлык любил, но это не входило в научный план вверенного ему института. А то бы тоже написал. Диссертация требовала глубокого литературного обзора, который был доступен только в Москве. И он опять зачастил к своей «донне Анне». То есть Инне.

Он полюбил Библиотеку им. Ленина. Нет, не в качестве ее содержимого, хотя и там встречались интересные опусы о помидорах и других овощах (брокколи и капуста, как

готовить свекольники и др.). Просто за этой библиотекой были прелестные тихие переулки, по которым было так сладко бродить с милым твоему сердцу человеком. Тихонько идешь, сплетя пальцы в единую тесноту, чувствуешь плечом родного человека, а то и локтем невзначай толкнешься в грудь, абсолютно случайно, но очень волнительно. А тут по левую руку церквушка, по правую — Институт марксизма-ленинизма, прямо — Пушкинский музей. Тоже неплохо. Все тут есть. Рядом журнал «Коммунист». Там завотделом работал дружок Гамлета. Талантливый человек, но жуткий гуляка и бабник. Он знал про любовь Гамлета, но никаких оценок не давал. Осторожный.

Иногда они заходили к нему в редакцию. Хотя журнал собирались закрывать, это друга не волновало. Он уже договорился в каком-то фонде «Демократия и сила» о теплом местечке. При виде очаровательной женщины в его глазах появлялся масляный блеск и шевелились пальцы. Как щупальцы осьминога. На ногах тоже наверняка шевелились, поэтому он все время ерзал и перетаптывался. Завидев это перебирание ногами и «масло», опытный Гамлет поскорей уводил свою подругу. А она смеялась. Тихонько так, в четверть силы, нежно. От ее смеха он всегда терял голову. Не смех, а музыка!

Один раз он уговорил ее приехать в Армению. Он пел знаменитую песню пахаря персонально для нее! И как пел! Как заливался и вибрировал! Словно глухарь на току! Ничего не слыша вокруг. Сыновья хмуро молчали. Аида страдала дома. Роберт щелкал языком от восхищения. Потом друзья вполголоса пели армянскую величальную. Инна этого не вынесла и потребовала отправить ее обратно. Не терпела двойственности своего положения: жена — не жена, подруга — не тот термин, любовница — не любовница, слишком глубокие чувства. Сплошная зыбкость и туман. Уехала.

Он загрустил, но тут накатили диссертационные дела. Надо было срочно защищаться. Ему уже намекнули: неприлично — директор института и без степени. Он с блеском защитился. Ни одного черного шара. Какие там черные шары? Ученый совет голосует за своего директора! Идиотов там нет. Ну и он очень уверенно докладывал. И даже цитировал классиков армянского овощеводства, русского Мичурина, американского Бербанка и даже Чарльза Дарвина. Просто так, за компанию. Не забыл и Николая Вавилова, классика. Свой брат, репрессированный. Страдалец.

В общем, остепенился. Отгрохал трехдневный банкет и рванул в Москву. Там тоже друзья, близкие, сослуживцы. Смывшиеся в столицу для «повышения уровня имиджа». Красиво сказано!

Для эскорта взял только брата Роберта, который уже в первые полчаса поселения в гостиницу уговорил пухленькую переводчицу с чешского. Задумчиво и тщательно шнуруя свои лакированные туфли, он меланхолично рассуждал: «И почему меня тянет к переводчицам? В детстве языки не изучил и хотел восполнить образование?». «Нет, — отвечал Гамлет, — это ты подсознательно хочешь перевести на языки народов мира все, что ты бормочешь в любовном экстазе». — «Ничего я не бормочу, не успеваю. Иногда пою или кричу. Но это уже потом», — и он горестно замирал, повесив кудлатую голову над ботинками. Мыслил.

А Гамлет немедленно смывался к своей поздней любви. Там ему было тепло, уютно и радостно. Мальчик уже учился в физико-математической школе, хорошо успевал, с радостью хвастался успехами на олимпиадах. Гамлет не жалел слов для похвал, но делал это сдержанно, по-мужски. Сказать, что Инна была благодарна, это ничего не сказать. Глаза сами по себе наливались слезами, и приходилось сморкаться в изящный кружевной платок. Заслышав эти деликатные сморкания, Гамлет умилился, нежно утирал своей огромной ладонью ее лицо. И рассказывал что-нибудь смешное из азербайджанской жизни. Азербайджанцы его вообще очень смешили: «Они букву «б» заменяют на «п» — яблоко, пуфет, пезопразие...» Хорошо им было вместе.

Мучила, конечно, раздвоенность. Со своим решительным характером он от нее страдал и мне жаловался. Я его утешал, говоря, что это участь вообще всех мужчин уже на молекулярно-генетическом уровне. «Хорошо быть ученым», — вздыхал Гамлет. «Я не

ученый, а практик, — отвечал я, не вдаваясь ни в какие пояснения, — ты сам ученый по томатам и помидорам. Тоже раздвоение».

Жизнь текла, ее страницы перелистывались. Гамлет стал хворать. «Вовка, — звонил он мне, — я приехал задний мост починять. Геморрой замучил». — «Ну, задний мост — дело житейское, лишь бы не передний, там посложней. А задним даже твой любимый Наполеон страдал (где-то я вычитал?)». — «Великий был человек, но перебрал с властью. Откусил больше, чем мог проглотить. Вот оно и застревало». Образный подход.

Он был хорошим организатором. Институт поставил на ноги. Плодоносило все. На суровой армянской земле выростали невиданные овощи: вьетнамские кабачки, синяя редька, сладкий лук. Но вершиной всего были помидоры. Лучшие образцы Гамлет привозил в Москву и раскладывал на кухонном столе: «Это вот я, — указывал он на толстый мясистый помидор под названием «бычье сердце». — А это ты, — изящные продолговатые сливки так и просятся в рот. — А это симпатичная мелюзга-вишенки — детский вариант». Гамлет гордился этим не меньше, чем Наполеон своими победами. Инна ласково улыбалась, сын, теряя ученую солидность, с восторгом и повизгиванием поглощал мелюзгу. Гамлет был доволен. В Ереване шофер относил домой ящики с ровными одинаковыми плодами. Аида из них делала томатную пасту с чесноком. Закатывала в банки. На зиму. Сыновья помидоры не любили (или невзлюбили). Друзья уважали томаты, насаженные на шампуры между большими кусками мяса. Вкусно!

Так он мотался между двумя столицами, большой и малой, между чувством и долгом, между молотом и наковальней... Он умер в самолете Москва — Ереван. Молниеносно. Инфаркт.

Смерть праведника. Всех близких эта смерть оглушила. Как молотом по башке. Все опешили, говорили шепотом.

Инна истово молилась в церкви. Спасалась. Ни с кем не хотела общаться. Потом забрала сына и уехала в Финляндию. Навсегда. Прошли годы, но «Песню пахаря» я помню до сих пор. И Гамлета, конечно, тоже. Хотя у него было другое имя.

Но это уже не моя тайна.

Коко Шанель

У нее была танцующая походочка. Что-то среднее между фокстротом и чарльстоном. Одетая она очень стильно: полусапожки с «шашечками» на отворотах, юбка с тем же рисунком по подолу, а дальше — всюду шашечки: на обшлагах жакета, воротничке-стойке, сумочке и даже пудренице, которую она часто доставала. Прямо садись — и в любом месте играй в шашки. Вернее, в поддавки. Когда я выразил неподдельное восхищение ее стильным одеянием, она гордо и устало вздохнула: «Что ж вы хотите? Коко Шанель целиком, без пробелов. В Париже одеваюсь. У меня и Версаче есть. Как-нибудь покажусь в нем. Закачаетесь!»

Было от чего закачаться. Много ли у меня пациенток, которые одеваются в Париже и имеют такую походку? Вот то-то! Она лечилась у нас от всяких обменных болячек — артритов, артрозов, даже от подагры. Возраст для этого был вполне подходящим. Самое удивительное, что лечение ей помогало. Она даже ходить стала плавнее. Может, она и вихляла от артрита, и я возвел напраслину? Неважно. В общем, дело пошло на поправку, и тогда она занялась устройством мужа.

— Понимаете, профессор, мы переехали в Москву из N-ска, с Волги, город большой, но все-таки провинции, захотелось настоящей жизни. У меня там была пара асфальтовых заводов, дело хорошее, прибыльное, хоть мы и дураки, но дороги худо-бедно строим. А муж работал в исполнительной власти, большой пост занимал. Когда я заводы продала и махнула в столицу, он как бы остался без дела и захандрил, точнее говоря, запил. Я знаю — у вас много знакомых, вы не могли бы его устроить на какую-нибудь ответственную работу? Я заплачу, очень хорошо заплачу, знаю, это в Москве стоит денег. Ему немного надо — чтоб

кабинет был просторный и машина персональная, а с работой он совладеет, дело нехитрое, сяди и покрикивай.

Я слегка удивился ее просьбе и решительно отказался.

— Вот, профессор, что получилось из-за вашего отказа! Он сказал через неделю: «Раз ты не можешь меня устроить достойно, то купи мне хотя бы «пятисотый» «Мерседес», иначе буду вынужден записать».

— Какой шантажист! А вы что?

— А я что?! Купила! Муж все-таки! Но это его от водки не отвратило. «Мерс» стоит, а он пьет. Сын теперь выступает: «Ему купила — и мне купи! Мне больше надо!» Наверное, куплю...

— Эдак у вас и денег на Версаче не хватит!

— Хватит, я еще дачу покупаю. Запишу мужа туда, подальше, с глаз долой.

— Что ж, попутного ветра!

Прошло полгода, может, чуть больше.

Однажды она примчалась по-настоящему взволнованная — у мужа инсульт, лежит в больнице, говорят, нужна консультация нейрохирурга. Как бы не аневризма. Сама вся в красном ансамбле — туфли, жакет, шляпка, сумка. Наверное, в честь этой аневризмы. Уши тоже красные, волнуется. Обратился к своим коллегам-специалистам. Поехали, подтвердили. Надо обязательно оперировать.

Перевезли его к нам в нейрохирургию, прооперировали удачно. Стал ходить под ручку с женой. Она сменила тревожный ансамбль на более спокойный — голубой. Под цвет глаз. Даже помолодела. Оказывается, подтяжку успела сделать — глаза широко раскрылись, складки впереди ушей переместились назад за эти самые уши. На лбу — ни одной морщинки, прямо «лебединое озеро», вернее, новый каток ЦСКА. Очень красиво.

У мужа от инсульта остались затруднения речи и хромота. Ходил переваливаясь, высокий, полный, пузо вперед, в шикарном адидасовском костюме. Она поддерживала его сбоку и что-то бубнила... «От пьянства кодирую», — говорила с усмешкой, а он радостно ржал. Настойчивости у нее было не отнять — водила на все процедуры: гимнастику, массаж, логопедию. С логопедом договорилась на два занятия в день, контролировала каждый шаг.

Дела налаживались, они стали гулять по парку, потом выписались. Логопед и массажист приезжали на дом. Она его вывозила на том злополучном «Мерседесе» «проветриться» — на Поклонную гору, на ВДНХ.

Однако идиллия длилась недолго — муж снова перепил. Она отъехала по делам, а он отмечал факт выздоровления и увлекся. Сын вызвал ее из Оренбурга, она там какой-то бизнес прикупала. Прилетела злая как черт (по ее рассказу), мужа по щекам отхлопала (благо после операции это стало доступно) — аневризма устранена. Муж утерся и протрезвел. Она вернулась к классике. Коко Шанель. Только добавила клеточки на шляпке.

Красиво жить не запретишь!

Рука мастера

Меня спрашивают про иглотерапию, каково мое мнение. Оно, как теперь говорят, неоднозначно. Все зависит от личности специалиста. Удачлив ли он, достаточно ли интуитивен, верит ли сам в этот способ лечения. И, конечно, насколько опытен. Специальность эта ненаучна и потому практически неповторима.

Каждый иглотерапевт открывает свой собственный сундучок способов, секретов, ошибок, а потом медленно набивает его своим и только своим опытом. Иногда успешным, а иногда — не очень. Интересное дело, мало предсказуемое и потому слегка загадочное. В этом вся его прелесть. Как и вообще — медицины.

Я как-то спросил знаменитого Гаваа Лувсана:¹ «Леонид Николаевич (это он так себя обозначил по-русски, сам-то он монгол), что же это получается, вы пишете толстые книжки и руководства по иглотерапии, обучаете по ним врачей, а когда лечите больных, то выбираете совсем другие точки и другие меридианы». Он хитро прищурился (хотя при его разрезе глаз это почти невозможно): «А это, доктор, разные вещи: в книжках — наука, а у постели больного — искусство. А как их совместить — большой секрет! Долго надо учиться». Он говорил: «весци» и «уциться».

Я с ним познакомился во ВНЦХ — Всесоюзном научном центре хирургии. Тогда директором там был академик Борис Васильевич Петровский. Он же еще и «подрабатывал» министром здравоохранения — его любимая шутка. Он нашел где-то в Улан-Удэ этого никому не известного монгола (или бурята?), перевел его из маленького провинциального институтика в свой роскошный центр и под него открыл отдел рефлексотерапии. Во как! А поразил Лувсан его тем, что во время операции на легком провел анестезию одной длинной иглой. И проделал это так искусно, что дополнительного наркоза не потребовалось. Высший пилотаж!

Петровский понимал, что перед ним уникальное дарование, повторение невозможно, но все-таки надеялся как-то развить это направление. Он называл Лувсана «моим шаманом». «А мой шаман пробовал?» — говаривал он в сложных случаях. И «шаман» частенько помогал, да еще и энтузиастов этому делу потихоньку обучал.

При всем том — хорошо знал пределы своих возможностей. «Мозги не пудрил», как говорят студенты. Однажды я его попросил помочь моему отцу, он лежал в ВИЦХ после установки сердечного стимулятора. Отцу было под восемьдесят, сердечно-легочная недостаточность нарастала, я хотел хоть как-то облегчить его страдания. Лувсан внимательно осмотрел отца, пощупал пульс, посидел несколько минут рядом, послушал дыхание и сказал: «Нет, Воледя, я помощь ему не могу». Я оценил его честность и искренность.

Лувсан очень интересно рассказывал о том, как начиналась его карьера. Его дед был ламой — буддийским священником. Лечил травами, прогреваниями и иглоками. Выбирал себе преемника из целой кучи внуков. Отобрал Гаваа Лувсана. Как отобрал? Очень просто: «По сиске (шишке) на затылке». Провел рукой по голове, ощупал затылок и решил — этот подойдет. А было мальчику тогда пять лет!

Учил его сначала собирать травы, сушить их, потом скручивать лечебные папиросы, разжигать их не спичкой, а кресалом и трутом. Первые лечебные прогревания по точкам допустил делать в двенадцать или тринадцать лет. Иглы — только после восемнадцати. Солидная подготовка. Потом была война, Лувсан немного повоевал в конце: был фельдшером в санбате. Наконец, медицинский институт, кафедра госпитальной терапии. И постоянное увлечение рефлексотерапией, акупунктурой по-научному. К тому времени, как попал на глаза Петровскому, уже многое умел, да и был удачлив. Рука к тому же легкая. Все получалось как бы играючи. Недаром дед выбрал его чуть ли не из двадцати внуков. Селекцию никто не отменял.

Вскоре мне удалось наблюдать его искусство «живьем». Я решил его привлечь к лечению знаменитого скрипача — Леонида Борисовича Когана. Это был конец 70-х. Великих русских музыкантов было немало, но «выездных» можно было пересчитать по пальцам: Рихтер да Гилельс — из пианистов, Ойстрах и Коган — из скрипачей. И все. Политика была такая — не баловать западных слушателей. Да и своих артистов.

А при чем же здесь я? Скромный доктор-невропатолог? Дело в том, что у меня тогда был «музыкальный» период. Как у Пикассо — голубой или розовый, так у меня — музыкальный. Чуть ли не двадцать лет длился. Мы с женой готовили своих детей к

¹ Гаваа Лувсан — один из самых известных в России специалистов в области врачевания классической восточной иглорефлексотерапией, доктор медицинских наук.

профессиональной карьере музыкантов. Так судьба сложилась, что из них решили делать не врачей, а скрипачей. Жена моя, Регина, была максималисткой из известной музыкальной семьи и решала все вопросы по принципу «все или ничего». Я только ассистировал. Таким образом в качестве одного из консультантов был выбран мэтр — Леонид Коган. Нас к нему устроил его студенческий однокашник Ян Плясков, замечательный, душевный и лихой человек, мир его памяти.

Для уплотнения контакта мы сняли дачу в деревне Воронки — рядом с Архангельским, где в загородном доме проживал знаменитый скрипач с не менее звездным семейством. Стали бывать в его доме. Он охотно консультировал детей, они были способными, а я исполнял роль домашнего доктора. Старался. Все неплохо получалось.

Но вот, вернувшись из одной зарубежной поездки, не то из Италии, не то из Греции, в общем, из южных стран, Леонид Борисович пожаловался на боль в левой руке. Застудил или переиграл? А может, что и другое. Времени у него было мало, гастроли следовали одни за другими, и он попросил меня принять экстренные меры. Легко сказать! Лекарства и массаж не помогли, и я решил привлечь Лувсана.

Гаваа охотно согласился, лечить народного артиста СССР — важное для государства дело. Он вообще был государственным. Приехал (я за ним съездил на машине), церемонно поздоровался, наклоня только голову, и, еще более сузив глаза, стал изучать руку скрипача. Помял ее чуткими пальцами, погладил предплечье, потом достал какой-то допотопный приборчик — измерять сопротивление кожи, потыкал им с важным сопением в руку и, повернувшись ко мне, шепотом доверительно сказал: «Это я так, для научного вида делаю, и без этого все понятно».

Потом объявил: «Я берусь лечить эту руку, руку народного артиста Советского Союза». Леонид Борисович улыбнулся его пафосу и сказал: «Что ж, начинайте, а то у меня скоро гастроли». — «Нет, сейчас никак нельзя, условия не те, что нужны». Тут уж я встревожился: «Какие же нужны условия?» Он посмотрел на меня с удивлением и плохо скрытым огорчением: «Что тут, Воледя, непонятно? Сейчас полнолуние, звезды не видны, в такое время руки не лечат». Тут он мне напомнил Воланда на Патриарших прудах: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь... и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!» Здесь получилось что-то похожее. «Лечить начнем через две недели, а сейчас никак нельзя, не получится, даже вредно», — округлил он по возможности свои глаза.

«Откуда вы это взяли, Леонид Николаевич?» — спросил я недоуменно. Он просиял: «Книжки, Воледя, цитать надо». Смешно так цокал. Леонид Борисович на меня тоже посмотрел с осуждающей улыбкой, мол, что же вы, доктор, нужных книг не читаете? «Космическая медицина, однако», — важно поднял указательный палец Лувсан. У него были очень красивые руки, правильной формы, без утолщения суставов, смуглая кожа и гибкие пальцы. Лечебные руки.

Прошло две недели. Коган вернулся с очередных гастролей, рука болела. Созвонились с Лувсаном. Леонид Борисович приехал после репетиции и потому скрипку взял с собой в клинику. Он ее в машине никогда не оставлял. Еще бы! Подлинный «Страдивариус» — бесценная вещь! Лувсан на нее с интересом посмотрел: «Ценная вещь?» Коган кивнул: «Очень». «Молодец, — одобрил Лувсан, — а то упрут. Ну, приступим».

Он внимательно оглядел руку, помял ее, как бы примериваясь, и быстрыми движениями вкрутил длинные серебряные иголки в какие-то только ему ведомые места. Коган даже не поморщился, не успел, иголки уже стояли. Лувсан окинул взором лечебное поле и сказал: «Все правильно. А теперь я утомился и съем яблоко». И сочно захрумкал.

Все это было так красиво сделано, что я ему мысленно аплодировал. Маленький спектакль. Съев яблоко, он вынул иголки (очевидно, яблоко было для него таймером), опустил закатанный рукав свитера пациента и спросил: «Можно посмотреть вашу скрипку?»

Леонид Борисович открыл футляр, достал инструмент, подержал за гриф и бережно повернул вокруг оси — легкая, изящная и поэтичная вещь. Лувсан восхищенно поцокал,

глаза его блестели — чувствовал истинную красоту предмета. Когану это было приятно, он к скрипке относился как к живому существу. Чтобы усилить эффект, он с гордостью сказал: «Страдиварий, 1708 года». Лувсан эту гордость в голосе не уловил и посочувствовал: «Народный артист и на таком старье играет!» Я фыркнул, Коган рассмеялся и объяснил ему, что именно такие инструменты великого мастера особенно ценятся. И стоят многие миллионы. «Рублей?» — попытался округлить свои глаза Лувсан. Потом подумал над своим наивным вопросом и стал хохотать. Легкий у него был смех, заразительный.

Коган приезжал к нему еще несколько раз и полностью поправился. Так что иглотерапия в умелых руках — не пустяк. Но где их брать, эти умелые руки? Они, увы, не тиражируются.

Это, как ни странно, понимали наши правители. Один из них, главный партийный босс Москвы, и присмотрел себе Лувсана. Это был тот сутуловатый человек, который разговаривал с подчиненными тихим-тихим голосом специально, чтобы они, вслушиваясь, наклонялись к нему. Виртуоз. Лувсан, конечно, помалкивал о сановном пациенте, но, кажется, пользовал того от всех болезней. Очевидно, успешно, потому что по его распоряжению Лувсану построили премиленький домик-дачку где-то прямо в черте города.

Он и сейчас там живет, но часто выезжает за рубеж — лечит и обучает. Они там тоже не дураки — понимают, у кого лечиться и учиться.

А босс сгинул, Лувсан не смог его избавить от спеси и гонора. Потеряв внезапно почти неограниченную власть, он как-то пошел в сберкассу получать пенсию. Пенсию, как обычно, начислили неправильно, фирменный приемчик с тихим голосом не имел никакого эффекта, холуи исчезли. Его еще и обхамили. Он-то привык играть в одни ворота. Он вскипел, забурлил — инфаркт. Конец. Отвык от общения с простым народом. Такая жизнь.

Некоторое время назад Лувсан вместе с женой и племянником жены приходили ко мне на консультацию. Я был очень ему рад. Он такой же невозмутимый и добродушный. А жена — маленькая, шустрая, с глазами-щелочками — явно им управляла. Я решил проблемы с племянником, они остались довольны. Хотели оплатить консультацию. Лувсан протянул мне деньги. Я категорически отказался: у коллег не берут. «Это правильно, — сказала жена и поделилась опытом: — Когда вам дают деньги за визит, никогда не берите их в руки. Плохая примета. Просто карман халата или пиджака оттопырьте, пусть туда и положат. Я ему всегда напоминаю». Лувсан засмеялся и крепко пожал мне руку. Рука у него была замечательная.

Прямая линия

*...Удивительное паскудство —
насильственно заталкивать жизнь
в глотку людям, которые не могут
за себя постоять и не хотят больше
служить ни господу, ни кому еще...*

Ромен Гари

В любом медицинском стационаре реанимация — это передний край «фронта». Сзади — тыловые службы, резервы, начальство, техническая помощь. А впереди — только больной, на которого замахнулась смертельная коса. Или — или. Он беспомощен и недвижим, он опутан проводами и трубками. Обклеен датчиками. Проколот капельницами и дренажами. Зато он не плачет. Потому что чаще всего — без сознания. Большой плюс, когда он не видит, во что превратился. Зато есть шанс, что его спасут. И действительно, довольно часто спасают. Но он вспоминает это состояние и пребывание как кошмар, как тяжелый сон (если вспоминает).

А что же сами доктора и сестры-реаниматологи? Им-то каково существовать в этом странном мире беспомощных существ? В мире чпокающих звуков дыхательных аппаратов, хриплых стонов. В мире неприятных запахов — лекарств, крови, мочи, пота. И особого

удушающего запаха лежачего тела.

Половые различия здесь почти стираются. Какая разница? Почти никакой. Так, на одну трубку, введенную в несчастное тело, больше, только и всего. Не случайно на титульном листе истории болезни стоит значок «М» и «Ж» — нужно подчеркнуть. Чтоб знать, так, на всякий случай, для статистики — кто это перед тобой распростерт.

Медперсонал здесь молчалив и сосредоточен, назначений так много, что они еле успевают справляться. Получается, что каждая минута на счету. Какие уж тут между собой разговоры? Медицинские сестры удерживаются в реанимации два-три года, потом выдыхаются и уходят, «выгорают». Очень уж тяжелая работа.

У многих реанимационных больных в изголовье, там, где мигают лампочки приборов и светятся зеленоватые кривые линии (это пульс, дыхание, кардиограмма), стоят небольшие иконки — Богоматерь, Николай, Серафим Саровский. Это нужно родственникам. Слабая надежда на то, что они тоже помогают выжить близкому человеку. Довольно часто выживают. С каждым годом реанимационных больных все больше (особенно травматиков), но и количество выживших прибавляется. Прогресс...

Лежал у нас в реанимации однажды VIP-пациент. Он был действительно «ви́п», без дураков. Знаменитый и хорошо «раскрученный», по заслугам. Академик. Его привезли с тяжелым инсультом, без сознания и практически без всяких надежд. Биотоки мозга отсутствовали. На экране осциллографа тянулась безнадежная прямая линия, никаких колебаний. Мозг умер. А тело, тело здорового крепкого человека с мужицкими корнями продолжало жить. Правда, с помощью аппаратов и дополнительных вливаний, но ведь жило! И даже прилично исполняло все необходимые функции. Но он был в глубокой коме, и выход из нее не предвиделся. Его мозг, душа — все, что хотите — находились уже в другом измерении, и здесь, в нашем мире, напрочь отсутствовали.

Тяжелое зрелище для любого непривычного человека. К нему приходила дочь, тоже известная персона, доктор наук, профессор, несколько ближайших сослуживцев и учеников. Они со страхом вглядывались в такое ранее знакомое, а теперь абсолютно чужое лицо, смотрели на мощную, безвольно повиснувшую кисть и почему-то на цыпочках, как бы боясь его разбудить, удалялись. У дочери глаза наполнялись слезами, но она, как и отец, была сильным человеком и держалась. Один раз она спросила женщину, врача-реаниматолога, которая вела больного: «Долго он так будет мучиться?» Та была человеком прямым и откровенным: «Пока аппаратуру не отключим», — и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Вот так он и существовал в отделении (впрочем, он такой был не один). Дежурные сестры привыкли к этому «живому трупу», выполняли необходимые манипуляции — поворачивали, протирали, меняли трубки, делали уколы в мышцу, ставили внутривенную капельницу. Все как назначено. А он все так же лежал тихо и недвижимо, даже не стонал и не хрипел, и, удивительно, почти не худел. Был такой же сбитый, гладкий и вдобавок с таким крупным органом (и вдоль, и поперек), что сестры удивленно и одобрительно крутили головами, обихаживая этот незаурядный агрегат. Они даже приглашали своих товарок с других постов, говоря им, что такой аппарат они больше не увидят в жизни. Те приходили, соглашались, тоже покачивали головами и удалялись в большой задумчивости.

«Я восхищен!» — как кричал Коровьев в известнейшем романе.

Один молодой и излишне разбитной доктор очень веселился по этому поводу и предлагал показывать этот предмет за деньги. Он так шутил. Но суровая женщина-врач сказала ему, чтобы он свой отрастил и тогда уж его показывал за деньги. «За три копейки», — заключила она свой диагноз. Видно, она интуитивно догадывалась о его проблемах и комплексах. Он сразу сник и больше не резвился.

Я когда-то не без пользы слушал лекции этого человека. Он их читал уверенно, даже немного небрежно, снисходительно поглядывая на зеленую студенческую аудиторию. Многочисленные аспиранты и особенно аспирантки преданно, почти не моргая, смотрели на

обожаемого шефа и на ощупь выводили лекционные каракули в своих блокнотах, лежащих на плотно сдвинутых коленках.

Один раз, возвращаясь из института, я увидел через окно троллейбуса этого знаменитого человека. Он стоял в роскошном сером пальто «в елочку» около входа станции метро «Площадь Революции» и держал три довольно хилые розочки. Взгляд у него был такой же снисходительный, как и на лекции. Мол, я человек и ничто человеческое мне не чуждо. Это было так неожиданно и странно, как будто сам Карл Маркс, находившийся, как известно, поблизости, разжал грозный кулак, требуя кружку пива (так злопыхали диссиденты в те неустойчивые годы), и сам взялся за нежные цветочки. Потом троллейбус тронулся, а я так и не увидел, кому эти цветочки предназначались. Шею я вытягивал до упора, чуть не вывихнул, но... не увидел. А жаль.

Дни жизни летели, как перекидные листки календаря. Только сегодня был понедельник, а завтра уже суббота. Что там между ними было? Хлопоты, суета, мелькание. Что-то нас пришпоривало, погоняло, и потому дни проваливались незаметно и навсегда. А что было в душе больного? Этого никогда не узнать. Он лежал тихо, спокойно, и мозг его никаких дней не отсчитывал. Незачем. Счет кончился. Надо было прекращать это безобразие. Но как? Мы не в Америке, своего «доктора-смерть» Джека Кеворкяна... у нас не было и нет. Не продвинутая мы нация. И, главное, тело у академика было такое свежее, розовое, бедра сильные, без всяких там звездочек и пятен, пупок точно посередине. Хоть сейчас на ВДНХ! И что же, всю эту красоту убивать?! Вот ведь как природа посмеялась. Задала задачу, казалось, неразрешимую.

Ну а та суровая женщина-реаниматолог, Валентиной ее звали, эту задачку щелкнула как орех. На очередном дежурстве, ночью, часа в три или четыре (тяжелое время), взяла и выключила дыхательный аппарат. Сказала: «Хватит над человеком издеваться!» И пошла в ординаторскую спать.

Эльфы-хромоножки

*Дети разных народов —
Мы мечтою о мире живем...*

Гимн демократической молодежи

Старые фотографии интересны только тем персонам, которые на них отображены. Ну, может быть, еще кому-то из близких или родственников. Этот близкий смотрит и думает: «Боже мой! Как он (или она) изменился! Кошмар какой-то! Что время делает...» И все. А вот сам фотообъект может вспомнить и рассказать очень многое. Беда в том, что все это вспоминаемое никому другому не интересно. Потому что не окрашено никаким цветом, не пропитано запахом, не звучит в твоих ушах. А главное — не царапает тебя своими краями, углами, неровностями, из которых и рождается волнующее тебя воспоминание. Меня — царапает.

Фото: я сижу на краю кровати, за спиной — никелированная дуга, и на ней — больничное полотенце. Полосатое. Я во врачебном одеянии — хирургический халат с завязочками сзади, круглая шапочка, волосы аккуратно подстрижены и убраны под шапочку. Хирургическая маска висит на шее (чтоб никого не заразить). Но я и не болен. Чуть улыбаюсь. В глазах абсолютно тупая надежда на светлое будущее. Узнаете? Себя помните в таком благостном виде?

На моих коленях сидит мальчик. Темненький. Но не чернокожий. И, пожалуй, не таджик и не узбек. Глаза круглые, большие. Смотрит печально и настороженно. Новенький. Видно, что всего натерпелся. Полосатая пижама, почти арестантская. Он цейлонец. Вот как! Фестиваль молодежи приоткрыл щелку в нашем могучем железном занавесе, и в эту щелку стали протискиваться разные люди. Некоторые — из любопытства, а некоторые — по делу.

Мальчика — звали его Меван, и ему было пять лет — привезла прогрессивная мама. В

чем прогресс? Ну все-таки Россия, дикая северная страна. От Цейлона за тысячи миль. Незнакомо все: люди, язык, пища, одежда. По-английски никто не говорит. И, главное, не понимает. Но у мальчика парализована ножка. Полиомиелит. У мамы нехитрый расчет — подлечить ребенку ножку и обучить его редкому русскому языку. Сингальский и английский он уже знает, выучит русский — будет уже три языка. Правильно мама мыслит.

Два денечка пожила с ним в больнице, спала на диване в кабинете главврача. Поцеловала мальчика крепко, утерла слезки ему и себе, у темнокожих они такие же прозрачные и соленые, как у белокожих (наверное, как и у желто-краснокожих), и укатила. Он поплакал полчаса и пошел на процедуры — массаж и гимнастику, а потом в игровую комнату, была у нас и такая. А там его ждала теплая компания — румын Иона, грузинка Мака, подмосковные Раечка Симкина и душа любой компании Владик Сорокин. У него и вообще-то мамы не было, он из детского дома прибыл. Мать бросила.

Всем им было от пяти до семи лет, и все они были черноглазыми и веселыми. Черноокими — потому что порода такая: цейлонец, грузинка, румын, а Раечка — потому как еврейка. Один Владик прозрачно-голубоглазый и вообще белокурый. Красавчик. А веселыми — от полноты жизни.

Это был 57-й год — разгар полиомиелитной трагедии. Ее пик пришелся на 1954—1955-й годы, но парализованные детишки сгрудились в больнице к 1957—1958-му году.

Вакцины американцев Сэбина и Солка уже в мире появились, в Союзе академик Чумаков на макаках тоже уже получил это снадобье. Но весь вопрос в том, чтобы кольнуть малыша до болезни, а не после. А у наших маленьких пациентов все уже, увы, состоялось. Укусил-таки проклятый вирус. Такой изощренный гад — поражает только серое вещество спинного мозга и только передние рога. Серое вещество выглядит как бабочка: передние крылья-рожки — в них исключительно двигательные клетки, а задние рожки — в них чувствительные клетки. Так этот, как говорит мой внук Гриша, «помоечный гад» (Грише десять лет, и он тянется к биологии) поражает только передние клетки-рога, а на задние даже не обращает внимания. Результат — параличи разной степени тяжести при полной сохранности чувствительности.

И маленький страдалец все чувствует, все знает, понимает, а шевельнуть рукой-ногой, а иногда и всем туловищем — не может. Драма! А еще есть мнение опытных врачей, что вирус охотней внедряется в организмы тонко организованных детей — умных, чутких, глубоко чувствующих мир.

Вот такие пироги. У этого вируса есть еще одна злобная особенность — пересаживаясь с одного человека на другого, он крепнет и озлобляется, становится все более ядовитым (по-научному — вирулентным). И в конце концов может совсем погубить человека. Вирус-убийца. Так что Нобелевская премия американским вирусологам досталась по заслугам.

Но наши ребятки об этом не ведали, а просто продолжали жить. У Мевана была поражена только ножка. Вот он на другой фотографии — в костюмчике, с плюшевым медведем на руках. Одна нога отставлена, он на нее почти не опирается. Но лицо веселое. В детстве дефекты тела не приносят таких страданий, как у взрослых. Он ходил и даже бегал, сильно хромя и придерживая коленку рукой. Такой «хром, хром, где твой дом?»

Мака тоже была хромоножка и тоже бегала, опираясь на коленку рукой. Бегала стремительно, на ходу выкрикивая какие-то грузинские ругательства. Очень темпераментная особа. Волосы прямые, разлетные, глаза — черные угольки, и нос слегка крючком. Но он ее не портил, а украшал. Губы тонкие, сжатые. Чуть что — дерется. Прямо кулаком по носу — бах! Но быстро мирилась. Отдавала свои игрушки, сладости. Жалела побитого. С Меваном дружила, не дралась. Только густые бровки хмурила, если что не так. Они у нее сходились прямо на переносице.

Румын Иону был худеньким долговязым мальчиком. Он очень сильно пострадал — паралич ног и частично рук. Передвигаться мог только в специальных таторах-аппаратах, в

корсете и опираясь на два костыля. Говорил он по-русски с акцентом и смешно завывал в конце слов, если они кончались на гласную: мамау, папау, Макау. Дети смеялись, он тоже вместе с ними. А вот имя цейлонца он произносил твердо — Меван. Он был совершенно незлобив, и ребята его любили.

Когда с ним случилось несчастье, все были подавлены и даже поплакали несколько деньков. Вечером он поскользнулся на кафельном полу, костыли поехали куда-то вбок, и он грохнулся со всего маху, даже не успев подставить парализованные руки. Ударился головой об угол детского столика — внутримозговая гематома. Ночью приезжал нейрохирург, срочно его оперировали и забрали в свою больницу, там он и умер на следующий день. Всех врачей наказали неизвестно за что. Даже мне, молодому инструктору лечебной физкультуры, и то изрядно перепало. Нашего главного врача, неуязвимую и монументальную Таисию Петровну, по партийной линии тряхнули как следует, что не углядела.

Но мальчика не вернешь, очень жаль. Хотя впереди его ждали годы и годы мучений. Тем более он был совершенно не приспособленным к обыденной жизни — деликатное и беззащитное существо.

Вот, к примеру, Владик Сорокин. По виду — совершенный херувим, эльф, только без крылышек. Вместо них — торчащие лопатки. У него не только ножки, но и спинка была поражена. Он все время лежал. Сидеть мог только в корсете. Но был боевым. Всем ребятам придумал клички-прозвища: Мака-Бяка, Рая — Первое мая, Меван — цейлонский чай. А его называли Сорока- Балаболка. Очень был речистый. И озорной. Если не мог дозваться нянечку с «уткой», а это бывало сплошь и рядом, открывал одеяло и аккуратной струйкой писал на соседнюю кровать. Такой устраивал деликатный фонтанчик. Никто ничего не успевал заметить, а он уже укрывался одеялом и вслух придумывал балабольные стишки. Сухо и хорошо.

Меван был совсем иным человеком, как с другой планеты. Мать привезла его в середине зимы, и он с изумлением рассматривал снег, осторожно трогал его лопаткой, пытался взять в рот, лепил снежки и смеялся. У него самого зубы были снежной белизны.

А когда наступила весна, он ужасно забеспокоился и стал требовать, чтобы ему надели белые штаны. «Лето, тепло, дядя Вова, надо в белых штанах. В белых. Не в черных». Я представлял себя в белых пижонских брюках, это в те-то годы (!), и нервно смеялся. Женщины его тоже удивляли — в темных юбках и мрачных блузках. «Надо сари носить, сари — это хорошо, красиво». Наши не слишком умные медсестры по-своему реагировали на его критику. Вечером, когда дети уже лежали в кроватках и свет был погашен, они появлялись в проеме двери в накинутых наподобие сари простынях и делали, как им казалось, изящные индийские танцевальные движения. Это было время индийских кинофильмов. «Радж Капур, посмотри на этих дур» — эти стишки были как раз про них.

Меван вскидывался: «Мама, мама приехала!». А потом разочарованно сникал. Когда мы об этом узнали, особенно наши семейные женщины-врачи, то этих дурех отругали, застыдили. Но с них как с гуся вода. Бездетные пока были, да и жестокосердные. Такая ментальность.

А Меван все больше тосковал по дому. Я упросил главврача отдавать мне его на выходные. Моя мама и тетки с удовольствием с ним возились. Я был еще не женат и тоже свободен. Мы ходили на Красную площадь, рассматривали Мавзолей. Вовнутрь не входили, чтобы не пугать ребенка. Он читал по-русски: «Ленин» и «Сталин», потом громко спрашивал: «А Хрущев здесь не лежит? Почему? Там нет места? А когда он там будет лежать?» Мы переглядывались, давясь смехом, и поскорей его уводили — от греха подальше. Топтуны там роились, как бабочки, каждый третий или даже второй был в строгом недорогом костюме, и все в одинаковой обуви. Взгляд у них был тоже одинаковый, фиксирующий. Ну их в болото. Мы его скорее увозили в зоопарк или в планетарий — в то далекое время он еще исправно работал и завлекал картинами мироздания. Меван смотрел на огромную Луну и мечтательно говорил: «Как дома».

Его мать часто присылала в больницу письма на мое имя, но их забирала главная

врачиха и отсылала куда надо. Потом мне их вернули, и они сохранились, правда, куда-то задевались. Но я их обязательно найду, дам перевести с английского моему младшему сыну Игорю или зятю Алеше и почувствую ту щемящую атмосферу другого, незнакомого и таинственно-привлекательного мира, в который меня переносил ласковый темнокожий мальчик.

Потом детишки разлетелись, потерялись, и след их размыло. Почти. Почти, потому что недавно нашлась Раечка Симкина, она доцент в каком-то сибирском вузе. И, прочитав мою книжку врачебных рассказов, связалась со мной по электронной почте. Мы будем переписываться, и я надеюсь узнать, как сложилась судьба маленьких страдальцев-эльфов.

Секс: радости и проблемы (Эссе)

*Важно понимать, что секс —
это фактор здоровья, крепкой
семьи, благополучия, наконец,
земных радостей, из которых
главная — любовь!*

Человек совокупляется так, как водит автомобиль. А автомобиль он водит, как пишут американцы, в зависимости от того, какой он человек — уверенный или робкий, нахальный или деликатный, эгоистичный или учитывающий интересы других участников движения. Оголтелый или предусмотрительный, внимательный или рассеянный, нежный или грубый. Наконец, умный или глупый, т. е. дурак. Дурак обыкновенный. Сколько хочешь таких. Дур — тоже. Здесь равноправие.

Но в самой сути процесса равноправия нет. Или встречается очень редко. Вот к чему и надо стремиться, добиваясь гармонии.

Это первое правило, как в одежде, в музыке, — добиться гармонии, то есть сочетанного чувства, действия, выражения этого чувства.

Бог и природа придумали эффективный способ размножения любой живой твари. Нет, не только почкованием и не черенками или просто делением, как у амёб. Это тоже в природе, конечно, имеется, но гораздо реже и для нас не интересно, не задевает. А задевает, и очень сильно, способ слияния разнополюх существ. Названий этому способу люди придумали десятки, если не сотни. От приличных до крайне неприличных. Один мой коллега называл этот способ «песня без слов». Но суть от этого не меняется — мужская клетка должна внедриться в женскую. Тогда получится новое существо. Просто и ясно. На первый взгляд. Но процесс этот настолько многогранен, богат сутью и деталями, что его так просто, голыми руками не возьмешь. Про это написаны тома.

Природа придумала колоссальную приманку, награду за содеянное слияние. Организм так устроен, что в момент выброса клетки, как результат эякуляции и оргазма, мозг находится как бы под наркозом. В нем происходят сложнейшие биологические и химико-физические процессы.

Повышается болевой порог (боль почти не ощущается), в подкорковые центры поступают морфийные соединения, которые создают иллюзию радости, счастья, удовольствия. Чтобы их усилить, синхронизируются биотоки мозга (в спокойном состоянии они асинхронны), сила их от этого увеличивается (кстати, тот же эффект наблюдается при эпилепсии, ну, это к слову).

Человек кричит, стонет, вопит, почти как Шарапова на корте. Только тише, чем она, — у кого силы не хватает, а кто боится разбудить соседей. Кстати, американцы записали на CD ее вопли и выгодно продают. Спрос колоссальный, вот так-то.

В общем, взрыв, буря, небо в алмазах. И за этот взрыв надо платить колоссальную цену, иногда неизмеримую с возможностями данного человека. Но это, опять же, другая тема.

Как говорила булгаковская Аннушка: «Нам награду дали, мы на нее ситец покупаем. Имеем полное право». Да, это так, право имеем, — и взрыв-оргазм практически обязателен для выброса клетки, этого головастика с длинным хвостом. Это и есть приманка — выбрось, и получишь море удовольствий. А не выбросишь — ничего не получишь. Если только — по морде.

Но! Огромное «но» — это условие справедливо только для мужской особи. Женщина — страдальца по определению. Она может зачать нового человечка и без наличия этого знаменитого оргазма. И вообще без радости. Как сказал классик: «И кофий нынче пила без всякого удовольствия». Ее оргазм никак и не связан с функцией яйцеклетки.

Дело в том, что физиологически у нее оргазм более отдален по времени, чем мужской. И чтоб он состоялся, надо немало на нее, т. е. на женщину, поработать. Тут и вступают в силу многие мужские качества. И в первую очередь желание подарить, передать собственное наслаждение и удовольствие.

Когда называют мужчину секс-символом мира, континента, страны и просто районного городка — от какого-нибудь Бандераса или Гира до Бэхема и Васи Иванова из егорьевского «Спартака», то под этим понимают не его физиологические и анатомические качества, они не играют почти никакой роли, а сплав его темперамента с желанием и умением воздать женщине должное. Ни в коем случае не ублажить, это был бы полный примитив, а именно воздать. И эти секс-символы всем своим видом обещают постараться именно в этом направлении.

Женщина устроена гораздо тоньше и сложнее по многим психологическим параметрам, чем мужчина. Это не ее заслуга, но и не его недостаток. Природа специально так устроила, как сейчас говорят, «по жизни». Для чего она так все усложнила, это другой вопрос, на который нет однозначного ответа. Но это так.

Она хочет ласки, внимания, сочувствия и обязательной заинтересованности в ее ощущениях и чувствах. Поэтому для нее и адекватна установка, данная в старинной русской песне:

Летят утки, летят утки, и два гуся,
Кого люблю, с тем и е...ся.

Для мужчин эта формула тоже, конечно, желательна, но, увы, не обязательна.

Но тем не менее, если эта формула худо-бедно выдержана, тогда и надо включать технику сношений, которая содержит несколько правил. Говорить об этом как бы не принято в приличном обществе, но если отбросить элементы ханжества и лицемерия, присущие этим обществам, то надо бы сказать многое прямым текстом. Просвещение всегда полезней незнания.

Кстати, о просвещении. Кажется невероятным, но я сам был участником такого разговора. Дело было в Норильске. От общества «Знание» в свой отпуск я ездил с лекциями о прогрессе медицины. Тогда были первые пересадки сердца, искусственный хрусталик, протезы крупных сосудов. Народ слушал с удовольствием, задавал кучу вопросов. Что знал — отвечал. Мне это нравилось. После одной лекции на руднике в красном уголке остался один парнишка. Молоденький, мнется, стесняется. Ждет, когда все разойдутся. «Можно вопрос?» — «Конечно». — «Мы только поженились, неделю. И у нас ничего не получается. Она разводит ноги, старается, даже коленки до конца разгибает, а ничего не получается, не достает до нужного места». — «Постой, ты говоришь «разгибает», у нее что, ноги прямые при этом?» — «Ну да, абсолютно!» — «Но коленки надо согнуть, и как следует, тогда все пойдет. Вы откуда такие непуганые взялись?» — «Я ей тоже говорю — согни, а она думает, что это неприлично, развратно, ей кто-то сказал. И мать очень строгая. Она из неполной семьи, отца нет». — «Беги скорей, сгибай коленки и никого не слушай. Да, не забудь эти коленки-то развести пошире, тогда совсем шик!» — «Спасибо большое». — «Ты хоть кем здесь работаешь?» — «По технике безопасности». — «Как раз по твоей специальности.

Скажи, лектор из Москвы так велел, он знающий человек. Общество «Знание».

Вот какие бывают пироги. Редко, но бывают. Это, конечно, крайность, но аналогии часто встречаются. Один спец у нас на работе, любитель обсудить подобные вопросы, человек опытный-преопытный. «Вот попалась мне одна дама, обнимаемся, то-се. Она запыхтела. И вдруг кричит: «Кусай меня, кусай». Я удивился: «Может, тебе просто по морде дать?» Странная баба. Встал и ушел».

Не понимал, что раз просит кусать — кусай, целовать — целуй, лизать — лижи, трогать — трогай. Все это нормально, а между близкими людьми — даже обязательно.

Потому что это и есть прелюдия любовной игры, подготовка к основному процессу, которая делает его и эффективным, и продуктивным.

Итак, вначале «эрогенные зоны», «зоны уверенного приема» — ухо, шея, губы, зубы, язык, плечи, грудь (сосок обязательно!), живот, спина, ягодицы, бедра (лучше изнутри), наконец, главное место: клитор, малые и большие губы. Что еще? Да что угодно. Надо попробовать целовать, трогать пальцем, языком те места, которые самому охота. Трогать, а она деликатно подскажет, куда предпочтительней направить внимание. Надо только чутко прислушаться. Говорят, один француз сказал, что пока у него движется хоть один палец, хоть кончик языка — он остается истинным мужчиной.

И это почти так. «Почти» — потому что основным будет все-таки совокупление. Тут уж не обойтись без описания позиций, способов введения, фрикций и тому подобных занятных и полезных деталей. Трудновато лишь все это описывать завуалированным языком, хотелось бы напрямик. Позавидуешь герою ильфовских записных книжек: «Он не знал нюансов русского языка и говорил: «Я хотел бы вас видеть голой». Очень хорошо сказано.

Итак, после активной, желательно разнообразной подготовки, когда по чувству оба созрели, выбирается позиция, в которой основным постулатом будет «и волки сыты, и овцы целы». То есть у него отдалится время эякуляции (выброса семени), а у нее приблизится время оргазма.

Да, кстати, примером такой виртуозной подготовки может служить «Штаб-с капитан Рыбников», описанный Куприным ну с очень большим знанием дела. Напомню:

«...Все движения его отличались тихой и вкрадчивой осторожностью. Его ласки, поцелуи и прикосновения были невиданно нежны. И между тем он незаметно окружал ее той нервной атмосферой истинной, напряженной, звериной страсти, которая даже на расстоянии, даже против воли, волнует чувственность женщины, делает ее послушной, подчиняет ее желаниям самца...»

Убедительно? Учись. Кстати, на том же он и погорел. Настолько он был необычен и тонок для русской проститутки, так нежны были его ласки, что она заподозрила что-то неладное, поделилась с подругой, а та — с клиентом-сыщиком. Его и схватили. Вот тебе и понежничал. Но это так, для иллюстрации.

Позиций в учебниках и пособиях описано множество. Индусы — те вообще за сотню перевалили. Но это со всякими малейшими нюансами. Как они их запоминают? А вообще-то основных четыре.

ПЕРВАЯ основная позиция **СПЕРЕДИ** — она на спине, он сверху. Старо как мир и общепринято. То, что наш Вильям Шекспир называл «зверем о двух спинах». Точно сказано. Ну, до состояния зверя надо еще умело дойти. Смотри выше.

ВТОРАЯ основная **СЗАДИ** — она на четвереньках, он сзади на коленях. Взято исключительно из животного мира, но называется «старым казачьим способом». Даже спектакль с таким названием имеется. Правда, содержание другое. Завуалировали. Тоже весьма популярный способ. Настолько популярен, что на машины прикрепляют треугольник — пиктограмму — «соблюдай дистанцию». Законом разрешено. Позиция очень возбуждающая и перспективная, но не всегда доступная — зависит от расположения женского органа. У тех, у кого расположено ближе к анусу, к попе, или чуть выше — первые кандидатки для выбора этой позиции. У тех, у кого ближе кпереди, как бы к пупку — могут не беспокоиться. Неудобно и часто не достает.

Вообще же эта позиция может давать очень высокую степень удовлетворения. Там есть такой нюанс. Внутри влагалища, на его передней стенке («лицом» к пупку) есть небольшая зона, очень чувствительная к прикосновению. Но в положении «на спине» ее возбудить трудно, т. к. мужской член имеет контуры банана, слегка изогнутого вниз, и в точности повторяет контуры влагалища, которое тоже изогнуто вниз. Получается, что член входит туда, как в футляр в ножны.

В том случае, если поперечники члена и влагалища совпадают, то это дает эффект возбуждения упомянутой точки, зоны. Если же нет и член не заполняет объем, то получить удовлетворение существенно труднее. Вот тогда-то и будет позиция «сзади» весьма полезной: изогнутый вниз мужской предмет входит во влагалище, изогнутое вверх. Как тесные перчатки. Но на руках такие ощущения неприятные, а там совсем наоборот. Вот такие дела. Кроме того, откровенное разглядывание голой женской попы очень стимулирует и воодушевляет. Посмотрите картины раннего или позднего Средневековья, Возрождения, наконец. Там доминируют две темы: или религиозная тематика, она целомудренна, или этот самый округлый предмет в больших и разнообразных объемах, рождающий вполне определенные чувства, мысли и желания. Уж больно хорошо нарисовано. Как живые. Мастера знали свое дело и тело.

При позиции «сзади» у мужчины свободны аж обе руки, когда как при положении «спереди» они заняты — надо на них опираться, ну хотя бы чтоб не рухнуть и не придавить. И вот эти свободные руки могут быть употреблены с дополнительным и существенным эффектом. Можно просто гладить спину, можно держать грудь, стимулируя соски, можно комбинировать — одна рука на спине, другая на груди, можно двумя руками захватывать таз на уровне паховых складок и прижимать к себе однократно или многократно, кому как нравится и кто сколько терпит, чтобы не получить преждевременного семяизвержения. Помните? Необходима гармония, только тогда вы не зря хлеб ели. Шутка. Ну, об этой важной стороне процесса дальше обязательно поговорим. Обещаю.

ТРЕТЬЯ основная позиция **СВЕРХУ** — «всадница» — она сверху, он внизу, на спине. Исключительно полезна женщине, т. к. позволяет не только контролировать весь процесс, но и вносить постоянные коррективы, поправки и дополнения. Позиция доступна женщинам с любым расположением половой щели, ближе кпереди или кзади, неважно, она сама автоматически быстро подберет необходимый угол вхождения, наклоняясь чуть вперед или назад, а также выбирая частоту и количество фрикций (вход-выход). Минусами являются два фактора: ее излишний вес и его преждевременная эякуляция. Да, еще надо, чтобы у нее колени гнулись и не очень болели. Иначе далеко не уедешь.

Зато преимуществ масса. Для нее — полное управление этим занятым процессом. Фактически не он ее «осчастлививляет», а она его, не забывая и про себя. Или точнее, она — себя, не забывая про него. Почти как все остальное в жизни. А для него — прекрасное и вдохновляющее зрелище: милое и желанное (по крайней мере, в этот момент) лицо, полное энтузиазма и радости, плечи, груди — разной степени подвижности (без обид: если болтаются, то даже веселее). Вообще — замечательная картина. Только держись. Иначе все слишком быстро закончится. А это нехорошо, бесполезно.

Вообще, для мужчины эта позиция относительно пассивна, кроме эрекции, ничего не требуется. Поэтому специалисты рекомендуют ее использовать после перенесенных болезней — сердечно-сосудистых, хирургических, даже мозговых. Для ослабленных или немолодых. А они что, не люди, что ли? Об этом будет специальный раздел.

ЧЕТВЕРТАЯ, специальная позиция — **НА БОКУ**. У нее «нижняя» нога согнута почти под прямым углом и на эту «нижнюю» помещается его талия (если она есть). Так удобнее добираться до искомого места. При этом его туловище выпрямлено, он как бы «нанизывает» ее на свой предмет. Угол вхождения регулируется ее «верхней» ногой — она может быть больше или меньше согнута в колене и бедре и покоится на его туловище. Хотя слово «покоится» здесь мало применимо из-за бурных, но относительно ритмических движений «вверх-вниз». В этой позиции его «верхняя» рука тоже свободна и может совершать массу

полезных манипуляций — ласкать спину, грудь, ягодицу (верхнюю, нижняя недоступна). Наконец, можно изловчиться и достать свободной рукой до клитора. Поглаживая его осторожно и как бы задумчиво, можно существенно ускорить доведение женщины до кондиции, выполнив все обещанное, т. е. небо в алмазах.

Положение на боку также щадящее, но не только для мужчины, но и для женщины, поэтому широко применяется во время процесса реабилитации после серьезных заболеваний.

Помимо этих четырех позиций существует масса промежуточных, множество вариантов, выбор которых зависит от исполнителей, их желания разнообразить, обновить, расцветить этот древнейший и абсолютно естественный процесс. Здесь не бывает «стыдных», неприличных позиций. Между близкими людьми не должно быть тайн или скрытых желаний, они очень опасны, так как приводят к неискренности, притворству и постепенному отчуждению.

Кроме того, можно напомнить старый американский плакат на скоростных дорогах: «Если вы ведете машину и одновременно обнимаете девушку, помните — и то и другое вы делаете плохо». Не точно, но что-то в этом духе.

Обсудив техническую сторону этого жизненно важного занятия, т. е. позиции, можно перейти к некоторым другим обязательным аспектам, а именно: гигиена, место и окружающая обстановка, время суток, последствие.

Гигиена. Это не пустяк. Плохо или давно не мытый человек любого пола — абсолютно не подарок. Должна быть какая-то немислимая страсть или сильное алкогольное опьянение, чтобы вид неряшливой одежды и грязноватого белья в сочетании с удручающими и удушающими запахами не помешали нормальным любовным объятиям и действиям. Человеку вообще полезно всегда быть чистым, но перед сексуальными играми особенно. Волосы, шея, подмышки, пах, ноги не должны пахнуть ничем. Никакой дезодорант или духи не изменяют ощущение немытого тела.

Вымойтесь сами, поучаствуйте в «помывке» партнера или партнерши, если вы уже интимно знакомы, это вас только воодушевит. Но! Не делайте этого, если вы совсем не молоды и у вас есть скрытые дефекты и болячки и вообще не хочется посвящать любимое существо в прозу своего тела. Будьте осторожны — это минное поле. Сами как следует вымойтесь, и хватит. Только потом можно применить обонятельное наступление — духи, одеколон. Но они должны нравиться не столько вам, сколько партнеру. Вы-то свой запах не чувствуете, привыкли, а его запах вам должен быть приятен. Поэтому в тесно знакомых парах рекомендуют покупать парфюм перекрестно. Он — ей, она — ему.

Приоритет отдается женщине. Я уже говорил, что она намного тоньше устроена природой, и для нее приятный запах такой же мощный возбудитель, как звук, цвет, а иногда и сильнее их. И наоборот — плохой запах может обрушить весь интим. Могу напомнить цитату из бессмертных Стругацких:

«Румата перестал дышать. От феи остро несло смешанным ароматом немытого тела и эсторских духов. Губы у нее были горячие, мокрые и липкие от сладостей... Святой Мика, почему они здесь во дворце никогда не моются?.. В будуаре отчетливо пахло клопами. Он смотрел на нее сверху вниз и видел блестящие от лака неопрятные волосы, круглые голые плечи в шариках свалывшейся пудры... Скверно, ничего не выйдет... С завтрашнего дня перестану мыться. Здесь нужно быть боровом, а не богом!» Прекрасно сказано.

Но это для современного человека. А для наших предков это не было таким препятствием. Даже наоборот, возбуждало. Наполеон в письме к жене Жозефине просил интимно не мыться, так как он скоро прибудет из похода. Пушкин на вопрос о любимом запахе (гламурные игры в обществе) отвечал: «Селечки». (Кстати, запах здорового половозрелого влагилица.) Но тогда и мыться было гораздо труднее — кувшины, тазики, прислуга. И это у богатых. А у простонародья? Можно представить: «Она пошла гневно на него, взмахнув и обдав запахом бабьих юбок». Это знаток народа М. Шолохов. Тогда трусов никаких не носили.

Отдельно о чистоте половых органов. Как сказала одна пациентка: «Перед встречей с

ним (ее будущим мужем) я подмывалась кипятком». Ужас, но образно. Здесь уместны любые цитаты из Мойдодыра. «А нечистым... — просто срам». Так вот, это «срамное» место и должно быть идеально вымытым, без всяких скидок на военно-полевые условия. При желании и привычке к чистоплотности всегда можно найти способ вымыться.

Теперь место и окружающая обстановка. Я говорил, что это процесс интимный (помните: «Интим не предлагать!»), сокровенный, касающийся только двоих людей. И никого более. Так вот, знаменитая фраза: «В СССР секса нет» имеет под собой основания — люди жили в коммуналках, в тесноте и многолюдье, а деревенские вообще в одной комнате-избе. Бесплатный театр и коллективное творчество. С различными комментариями.

Для нормального человека — нестерпимо. Спящие рядом (или делающие вид) дети, родители, родичи. Брр! Кошмар какой-то. Отсюда поиск укромных мест — сарай, куст, пустая квартира друга-холостяка. И так далее, это знакомо абсолютно всем. Да дайте же нормально потрахаться без свидетелей и болельщиков!

Вы поворачиваете жену кверху попой или с энтузиазмом насаживаете сверху на свой член, а в это время свекровь или теща (иногда обе) автоматически фиксируют в своем внимательном мозгу все детали, весь протокол процесса. А бабушка астматически кашляет или заунывно пукает за тончайшей перегородкой. Страшный сон.

Очень ухудшаются нравственные отношения между всеми. Не говорю про детей. Это особая, сложнейшая статья. Получается не наслаждение, не восторг и слезы радости, а скотская случка. Старикам тоже очень вредно. Ухудшает их морально-эстетический уровень и возбуждает нездоровую зависть: «Если бы молодость знала, если бы старость могла».

Уединение и только уединение. Или лучше — никак. Так полезней и честней.

Время суток. Наиболее активное состояние проходит несколько биологически активных пиков. Утром — между 6 и 9, днем — с 12 до 14 часов, вечером — от 21 до 23 — и не позже. Потом уже насилие над своими биологическими часами, некий надрыв. Но это в идеале, поэтому редко достижимо. Но стремиться к этому надо.

Конечно, очень много индивидуальных вариантов, масса переменных факторов: выходной день или рабочий, степень утомления за день и качество предварительного ночного сна, возможность поспать между 14 и 16 часами (наиболее низкий уровень адреналина в крови) или снова в бой и т. д. и т. п.

Надо помнить, что спокойствие, неторопливость (хоть и страстность) процесса, с чувством, с толком, с расстановкой, во многом определяют качество этого акта, насыщения и удовлетворения им. Поэтому на бегу, на ходу, между двумя производственными или бытовыми делами он никогда не будет полноценным. Даже случкой не назовешь, для зверей обидно. Они отдаются этому целиком и не стремятся вернуться к повседневным делам и заботам.

Нужно помнить об одной мужской, чисто физиологической особенности: развитие рефракторного периода в нервной системе после оргазма. Рефракторный — это значит резкое снижение возбудимости системы, невозможность принять или послать новый нервный импульс. Необходимо определенное время для восстановления. Это — норма. Отсюда иногда обиды и непонимание. «Ну вот потом сразу отвернулся и заснул, или закурил, или только отодвинулся. А поцеловать?» С ее точки зрения — правильно, уж поцеловать-то можно? Нужно. Но не страстно, а благодарно. Мол, благодарю за доставленное наслаждение. Шутка.

Количество и периодичность.

Здесь диапазон огромный. Зависит от возраста, взаимной тяги, физического и морального самочувствия, свободного времени и т. д. Однако и здесь есть несколько ключевых правил, и первое из них: надо вставать из-за стола чуточку недокушав. Насыщение придет позже и не вызовет пресыщения.

Здесь совершенно недопустим глупейший спортивный азарт и всякие олимпийские призывы: быстрее, дальше, сильнее, глубже и прочая демагогия. Более уместен наш классик: «Лучше меньше, но лучше». И он, как всегда, прав. Все остальное — чаще всего похвальба

или преувеличение. Даже у правдивого и бравого Швейка:

«...Все желания барыни я исполнил и работал не за страх, а за совесть, согласно вашему приказанию.

— Спасибо, Швейк, — сказал поручик. — Много у нее было желаний?

— Так примерно шесть, — отрапортовал Швейк. — Теперь она спит как убитая от этой езды. Я исполнил все ее желания, какие только смог прочесть в ее глазах».

Второе ключевое правило — обязательное взаимное желание, вернее, баланс этих желаний. Это означает, что не должно быть в этот момент полярных ощущений — он очень хочет, она совсем не хочет (справедливо и обратное). Они должны быть сближены до приемлемого чувственного уровня. Иначе это не гармония, а какофония. «Сумбур вместо музыки», — говорили партийные музыковеды. Но мы ушли в сторону.

Не пристраивайтесь друг к другу, если один из вас болен, переутомлен, сильно чем-то озабочен или отвлечен. Это раздражает и отражается на качестве не только секса, но и отношений.

Правда, чрезмерное устранение, игнорирование «этого дела» тоже не подарок.

«Пренебрегая слишком долго
Игрой супружеского долга,
Не удивляйся, что жена
С утра слегка раздражена».
(Знаток — Игорь Губерман)

Во всем ищите золотую середину — и в частоте, и в периодичности.

Вопрос: опасно ли воздержание?

Смотря в каком возрасте, при каком гормональном уровне, при каком моральном и физическом антураже и окружении.

1. Юноши и девушки. Мальчики созревают раньше, входят в «законный» период гиперсексуальности, от которой немало страдают. Их воздержание — в силу, возраста, окружения, стеснительности — неопасно. Часто находится выход — онанизм, мастурбация. Сопровождается чудесными фантазиями, конкретными мечтами — почти виртуальный секс. Он полезен — обучает мысленно анализировать желанный процесс, бережно рассматривая, опять же мысленно, каждую женскую деталь, каждую мелочь. Тренирует вождение! Выработывает вкус к какому-то определенному женскому типу. Все это в будущем пригодится и по достоинству будет оценено партнершей. Важно не переусердствовать, отдавая ему львиную долю свободного времени.

Девочки, несмотря даже на раннее появление месячных, сексуально созревают гораздо позже и по-другому. Их идеал мужчин складывается тоже виртуально, но гораздо более романтично, одухотворенно. Их довольно часто совсем не интересуют плотские детали, они стыдятся своих любых, как они считают, «греховных» мыслей. Опасное, кстати, положение — легко нарваться на бездушного и хамоватого барбоса.

Иногда они мастурбируют, «знакомясь со своим организмом» (цитата из одной флегматичной мамы о своей дочке).

Делается это достаточно романтично, хотя почти никогда не вызывает оргазма (в отличие от мальчиков).

Они страдают от страха перед взрослыми — родителями, педагогами, вожатыми, товарищами. А те изо всех сил стараются напугать. «Будешь горбатым, похожим на обезьяну, станешь инвалидкой — никто не полюбит» — это самые невинные пугалки. А зачем пугают? Они и сами не знают толком. «Не положено» — и все тут. Без вразумительных объяснений.

Оставьте детей в покое в этом возрасте, пусть выпустят пар и займутся делом. Вот за этим делом и последите, помогите найти себя и свою профессию. А сексуальное взросление

пойдет само собой, с небольшой коррекцией. Не стесняйтесь им объяснять естественность их желаний.

2. Люди зрелого возраста — от 18 до 60 лет. Основной период активной жизни — всяческой жизни: профессиональной, карьерной, семейной, сексуальной, духовной. Хотя духовная протекает в течение всего земного пребывания человека — от рождения до смерти. Поэтому края этого периода 18–60 весьма размыты. Кто-то раньше 18 «зреет», кто-то гораздо позже 60 «гаснет».

В общем, если взять это время усредненно, то можно тоже вывести несколько правил и закономерностей.

В этот период воздержание скорее вредно, чем полезно, потому что оно биологически не обосновано. Это время зачатия полноценного потомства. Можно, конечно, раньше или позже, но это уже скорее нарушение нормы.

Воздержание, особенно несильное (тюрьма, армия, полярная экспедиция), в этом периоде — противоестественно и мучительно. Оно деформирует человека, его физиологические, психологические, эстетические и все другие «...тические» качества. Теперь выяснили, что даже биохимические (!) и те страдают. Казалось бы — состав и баланс гормонов, электролитов, витаминов, азотистых шлаков в организме надежно скоординированы. Да, надежно. Катастрофы не будет. Но и нормального здоровья тоже не будет. А уж радости — вообще никакой. И отвлечения — спортом, искусством, литературой, профессией — помогают мало.

Есть, кстати, один немаловажный медицинский аспект этой «воздержательной» проблемы. Существует такая болезнь, которая называется «мигрень». Известна тысячу лет. У древних греков называлась «гемикрания» (вспомним Пилата и Га-Ноцари). Приступы нестерпимой головной боли. Болит четверть или половина головы. Горит огнем, искры из глаз, тошнит, рвет. Жить невозможно. Потом через день-два постепенно боль стихает и через какой-то срок (чаще через месяц) повторяется с прежней силой.

Ученые-медики пришли к выводу, что женская мигрень — результат гормональной, яичниковой «сшибки». Как только такая женщина беременеет, да еще и вынашивает плод, всякие головные боли прекращаются, женщина о них забывает и получает их вновь через 6–7 месяцев после родов и окончания кормления грудью.

У народов, не использующих контрацептивов, женщины рожают часто, много и не без удовольствия. У них практически не бывает мигрени. У европейцев же отказ от беременности (добровольно или принудительно) приводит к этой болячке в определенном не малом проценте случаев. Ее называли «болезнью монашек» (религиозное воздержание), болезнью «голубых кровей» или «принцесс», когда опасность появления «лишнего» наследника в династии препятствовала нормальной беременности.

Да и в обычных семьях, где неумолимо растет стремление к одному, максимум двум детям, природа мстит с помощью «насылания» разных болячек, в том числе и мигрени.

Природа задумала женщину как важнейшую родильную машину, а она занялась черт-те чем: политикой, искусством, бизнесом, спортом на худой конец, созданием семейного уюта и комфортным ублажением своего мужика — сытный обед, теплые тапки и т. п.

Ну, вот в ответ и получай гемикранию — головную боль.

Что же делать? Не рожать же детей беспрерывно. Нереально. Но выход есть, описан в медицинских руководствах — добивайтесь у женщины оргазма.

В этот ответственный момент происходит некая утилизация, «сгорание» тех женских гормонов, излишек которых и вызывает (хотя и косвенно) мигрень.

Невроз сосудов (расширение — сужение — опять расширение), такое «психопатство» сосудистого русла и является одним из слагаемых этой болезни, увы, трудно поддающейся медикаментозному лечению.

У меня была одна пациентка, лет сорока. Настоящая гранд-дама — брючный костюм, прическа «баббета». Высокая, холеная. Ходила величественно. Заведовала парфюмерным торговым домом. Благоухала как клумба. Маялась от ежемесячных приступов мигрени.

Рвало прямо около «Шанели». Муж был фанатом-геологом. С марта по октябрь — в поле. Ее рвет. С ноября по март — он в городе, она процветает. Один раз поехала в экспедицию — за все лето ни одного приступа. Его любила, гулять налево не хотела. Так и страдала.

Случай достаточно типичный. Так что с воздержанием — непростой вопрос.

Но изменять друг другу по медицинским показаниям — не дело. Все-таки опять это невольно приближает личность к зверюшкам. Кроликам там, хомячкам. Собакам. Конечно, они — друзья человека, но не до такой же степени.

А как же быть с супружеским привыканием?

Бороться. Это нелегко, трудно и часто не хочется. Мне один пациент сказал: «Я не то что не могу, а просто не хочу». Ему было всего пятьдесят лет, но он носил серую рубашку, серый костюм, серый галстук, и даже булавка в галстук была серая, шнурки только были коричневые. Это трудный случай. Надо его всего переодевать. И внутри тоже.

Поэтому когда вы ловите себя на мысли, что все приелось и надоело (в том числе и собственная жена или муж), то посмотрите на свой цвет со стороны, может быть, вы посерели? Целиком или в деталях? Попробуйте «раскрасить» себя и своего визави другими красками, другой одеждой, другими запахами.

Кстати, оральный секс допустим? Для многих это вопрос.

На самом деле — это не вопрос. Мы уже говорили, что между близкими людьми допустимо все, в том числе это. А почему нет? Это и есть дополнительные и даже новые краски, ощущения, наслаждения. Надо только вымыться, а все остальное — замечательно. Не случайно придумано число 69. Эту позицию знали еще в Древнем Риме. А может, и гораздо раньше, просто тогда писать и считать еще не умели. А все остальное делали превосходно.

Для этого умения читать или писать не обязательно.

Теперь секс и алкоголь. Тоже очень непростая тема, как сейчас говорят, «неоднозначная». Сочетаемо или вредно? Скорее сочетаемо. Если для удовольствия. А для зачатия — вредно. Так что зависит от поставленных задач. Но задача зачатия крайне редка в наше время. По многим социально-экономическим причинам, совершенно не связанным с сексом.

Ну, и как быть с удовольствием? По этому поводу существует масса всяческих сентенций — и умных, и глупых. Нечего их перечислять. Самая невинная: «Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки». И прочие глупости.

На самом деле алкоголь в разумной дозе помогает многим индивидам решать такие задачи, которые на трезвую голову малоразрешимы.

Как-то известного поэта (или прозаика, не помню) спросили, почему он обязательно выпивает перед интимом. Он несказанно удивился: «Так ведь стыдно! Только и возможно, что захмелев». В этом есть большой смысл, особенно у людей с комплексами или не привыкших друг к другу. Разумная доза алкоголя снимает многие «табу», повышается уверенность в своих силах и в своей привлекательности. Важно только не «переборщить», иначе получится обыкновенное свинство. (Свиньи здесь ни при чем, у них другая задача — воспроизводство.)

Но можно и без всякого алкоголя, желанный секс действует на человека лучше всяких градусов. Так, иногда, для флера и романтики. И то, если изжоги нет и не надо за руль садиться.

Кстати, алкоголь может замедлить (или, увы, ускорить) эякуляцию — одна из важных проблем, возникающих в совокупающей паре. Но, несколько замедлив или, наоборот, ускорив сей акт, принципиально не воздействует на эту функцию.

Для многих пар характерно это несовпадающее по времени действо. Она еще только в пути к своему сверкающему пику, в лучшем случае — на близком подходе, а он уже тью-тью, отстрелялся и смущенно ищет, чем бы вытереться и как убедительней соврать, что он еще ого-го как силен и покажет, где раки зимуют. Если только захочет.

Но ее обмануть невозможно, женская интуиция и не такие загадки отгадывает.

Если любит, то искусно подстроится, тоже слегка наврет, подыграет — ах, как все замечательно, какой молодец! А если не шибко любит, раздражена и не очень заинтересована, то только хмыкнет и тоже займется своей гигиеной.

Мне жаловался один пациент, что жена ему постоянно делала после этого обидные замечания вроде «потерпеть не можешь» и «эгоист проклятый». «А я не эгоист никакой, а просто очень возбудимый, меня сразу как током пробивает», — уныло оправдывался мужик.

На самом деле это непростая проблема. Предаешься фантазиям, руками потрогаешь где надо и не надо, а если еще и она возьмет в руки (в прямом смысле) твои причиндалы, то никакой альтруизм (антитеза эгоизму) не поможет. «Что же делать?» — горестно вопрошал тот же опозоренный муж-любовник.

Как ни странно, решение лежит в необычной плоскости. Женщина с ее интуицией и тысячелетней мудростью может очень легко справиться с этой проблемой. Подводя это необходимое ей, но туповатое существо (т. е. мужчину) к пику, она деликатно и осторожно может существенно замедлить и отдалить этот пресловутый оргазм на сколь угодно для себя время. И своей рукой, и изменением угла таза, различной глубиной погружения члена внутрь своего лона, регулировкой и замедлением частоты фрикций (держа руки на талии партнера и задавая нужный ритм), сжатием стенок влагалища или, наоборот, их расслаблением. В общем, приемов в ее арсенале множество.

Необходимо только одно — не стесняться этих своих действий, не бояться, что ее сочтут слишком опытной или развратной. Глупости это. Надо выкинуть их из головы и полностью отдаться этому волнующему процессу, из которого благодаря ей они оба выйдут победителями. Женщины всех возрастов, наций и сословий — держайте! (Помните призывы на 1 Мая и 7 Ноября?) Берите этот процесс в свои руки (в прямом и переносном смысле), и все будет просто замечательно. Помните, что он туп, глуп и неразвит, но искренен и очень заинтересован. Учитесь, учитесь и учитесь. Начиная с «курса молодого бойца» и кончая высшим мастерством. Тройной «аксель» или «тулуп». Доступно для любой пары. Только не ленитесь.

Еще одним важным делом в этом возрастном коридоре (но не в 18–60, а 16–45 лет) является предохранение.

Тут уместен лозунг: «Пролетарии всех стран, предохраняйтесь!» Очень и очень непростая проблема. Мы ведь опять хотим нагло обдурить природу — любым способом не дать бойкому сперматозоиду, нафаршированному всеми вашими прекрасными (и не очень) качествами, внедриться в приветливо ждущую яйцеклетку (тоже отнюдь не пустую).

Презерватив — такой и этакый, спираль, гормональные таблетки, пасты и жидкости — скудный человеческий ум не так уж много и выдумал. Что-то одно рекомендовать нельзя. Одной паре подходит такой способ, другой паре — другой. Надо все попробовать и остановиться на чем-то наименее противном и переносимом без особых потерь.

Но что совершенно недопустимо — это прерывание процесса в самом интересном месте. Эякуляция не в теплое и желанное лоно, а в межзвездное пространство. Или как персонаж Алешковского говорил: «Может быть, в среднее ухо?». Это уже не нормальный половой акт, а надругательство над уважаемыми участниками процесса. Причем если для мужской особи это хоть что-то, наполовину секс, а наполовину онанизм (по-другому не назовешь), то для женщины — вообще полное безобразие. Только что она стремилась к сияющим вершинам, небо в алмазах, дышала все чаще и глубже («дышите глубже — вы взволнованы»), приготовилась даже немножко покричать или, как голубица, хотя бы постонать. И тут на тебе: и слова не говоря, он дернулся, откатился в сторону, захрюкал, запыхтел и уже готов смыться, оставив только неприятные следы на смятых простынях. Тьфу на тебя. Успокаивай теперь свои гормоны, загоняй их обратно в русло и принимай радостный вид, оживленно щебечи.

Постарайся сразу не возненавидеть все мужское племя.

Итого: вся предварительная работа, творческая подготовка — все пошло насмарку, зря

оба старались. Надо начинать сначала, а сил и желания уже не осталось. Песня загублена. Не надо так поступать.

Секс в старшем возрастном диапазоне (шестьдесят лет плюс бесконечность).

Жизнь пожилых людей — это такой же сложный мир, как и у молодых. Другие акценты, страхи за свою жизнь и опасения за близких, часто социальная и бытовая неустроенность — всего хватает. А главное — неуверенность в своих силах (у мужчин) и в своей привлекательности (у женщин). Это основной тормоз в сексуальной жизни постаревшего и внешне подурневшего человека.

Но внутри-то он совсем другой! Внутри его мира нет вставной челюсти, теряющихся очков, уродливых шишек на стопах и «отключенного» зада. Внутри он прежний человек — со всеми воспоминаниями, неудовлетворенными желаниями и прочими вполне молодыми мыслями. (Если только не полный Альцгеймер — тогда все замечательно и спокойно.) И как быть этим людям, которые «на лицо ужасные, добрые внутри». Надо постараться сблизить эти два мира — наружный и внутренний.

Как раз секс и может быть механизмом такого сближения. Это не сейчас и не мной придумано. Старики женились на молодых, старухи приглашали молодых рабов или альфонсов и ходили в клуб «Красная Шапочка». И, кроме легкого осуждения завидующих друзей, ничего особенного не происходило. От стариков даже дети получались. Но это эксклюзив. А как быть простым и достаточно оробевшим от бурной жизни людям?

Советы давать легко.

1. Жить от молодых отдельно, устраивать свой мир только по собственному рецепту.

Перестать считать себя стариком или старухой — быть чисто вымытым, надушенным, опрятно одетым (не донашивать старые лохмотья, а покупать новые вещи), стараться не капать пищей на галстук, ширинку или юбку. Кстати, ширинку регулярно проверять на предмет закрытия. Хоть Черчилль и сказал на замечание Рузвельта «старый орел не выпадет из гнезда», но то Черчилль, а то вы, поэтому лучше не рисковать.

2. Женщинам помнить, что они могут быть привлекательны в любом возрасте — милы, романтичны, удивительны. Умело подайте себя, и вы приятно изумитесь количеству (и качеству) привлеченных мужчин. Вспомните молодые годы, они были совсем не так давно.

Видели, как в деревнях старухи пляшут на свадьбах и именинах? Они в этот момент абсолютно молоды, и их жуткие взвизгивания и притоптывания, как ни странно, многим нравятся, а им самим еще больше. «Эх, какая была я молодуха!»

3. Использовать «приманки» из прежнего арсенала. Женщинам — парикмахерская, колечки, неяркая помада, браслетки и цепочки, лосьоны и кремы. Да, обязательное внимание пяткам. Эта желтая ороговевшая кожа и трещины отобьют желание у самого страстного кавалера. Теплые ванны, пемза, примочки, советы педикюрши (они теперь называются «мастер по уходу и скринингу ногтевого ложа» — блеск!) Духи, само собой. Сильнейшая статья. Но не перестарайтесь — слишком много алкогольной продукции на коже может его спровоцировать на обыкновенную и привычную выпивку. И очень сильно его отвлечет или даже уведет в другую сторону. Тоже не перестарайтесь — они хоть и дураки, но очень подозрительны. «Чего это ты защебетала? Новый пылесос надо покупать? Или оконные рамы заменить?» Про секс можно и не вспоминать.

Мужчинам — принести цветы. Даже по дороге с работы. Что-нибудь сладкое. Фрукты. Дыню-торпеду. В ней, помимо «питательных» стимуляторов, есть всякие полезные флаваноиды. Да и вообще вкусно.

Вести разговор спокойно и по возможности умно. Умные мужики — редкость и потому привлекательны. Даже для собственной жены. Про опрятность, подстриженные ногти и ширинку — говорить нечего, обязательны. Красить волосы для омоложения совсем необязательно. Нужно помнить Ильфа: «Омолодился и умер от скарлатины».

Но это все прелюдия. Как сделать, чтобы член стоял? И по возможности достаточно

устойчиво, не подводя тебя в нужную минутку. Конечно, ласки, поцелуи, язык, пальцы — все это замечательно, но стоячий член гораздо лучше. Поэтому не гнушайтесь современной фармакологией — виагра, ее аналоги и т. п. могут сыграть решающую роль. Нужно только начинать с минимальных доз (50 мг, но не 150 мг) и после полового контакта не стремиться к дальнейшим подвигам. Хорошего понемножечку. Кстати, совет «Эхо-Москвы» — «Посоветуйтесь с врачом» — очень дельный, особенно для сердечников. Но бояться не надо. Дело не в таблетках, а в стремлении переплюнуть самого себя и поразить подругу, этакое гусарство. Поручик Ржевский. Это смешно, но только в анекдотах.

4. Регулярность. Важнейший фактор в этом периоде. Вообще, начиная с сорока-пятидесятилетнего возраста и далее регулярность этих занятий необходима.

Давно известно, что всякая физиологическая периодичность полезна: еда, сон, бодрствование — все важнейшие функции более эффективны, когда строго регулярны.

Секс такая же важная функция, как перечисленное выше. Почему же его задвигают на двадцатый план? Это только в песне: «Первым делом самолеты, ну а девушки...» На самом-то деле — наоборот. Но такая вредная тенденция существует. Считается неприличным настаивать на регулярности секса, когда вокруг столько важных и судьбоносных событий — карьерный аврал на производстве, болезнь тещи, концерт Аллы Пугачевой, кубок по футболу, «Спартак» — ЦСКА опять же. Обращение президента к народу, война между евреями и арабами, грядка огурцов на даче, грибы пошли — от рассвета до заката. Когда же трахаться? Некогда, не до этих глупостей. Все тело гудит от усталости, ноги и голова звенят от трудов праведных. А гудеть-то должно совсем в другом месте.

И если для женщины эта нерегулярность противна, но не сакраментальна, то для мужчины это может плохо кончиться. Он начинает увядать, как цветок на холодном ветру, и, главное, начинает верить в приоритет хоккея и пива «Бочкарев» над нормальным сексом. Чисто человеческое качество. Ни один уважающий себя зверь этого не позволит. Абсурд!

Конечно, промежутки между событиями исключительно индивидуальны. Они определяются циклом выброса тестостерона и окситоцина. Одному нужна неделя для накопления этих горючих гормонов, другому две, а третьему двух дней достаточно. Прислушайтесь к себе внимательно, и вы легко определите свой ритм. Старайтесь ему следовать по возможности. Учитывайте, естественно, все важные препятствия и с презрением отбрасывайте всякие несущественные глупости.

Для женщин регулярность секса хоть и не так фатальна, как для мужчин, но тоже очень важна. Мы уже говорили о гораздо более сложном устройстве женской психики, физиологии, вообще душевной функции. Так вот, нерегулярность секса нарушает эти сложные психо-физио-телесные и душевные механизмы. Они как бы уплощаются, забываются. «Ой, я уже и забыла, как это делается, сто лет прошло!» Многим знакома эта формула.

И это действительно факт — со временем «половая пауза», «половое молчание» ухудшают качество женской сексуальности. Она так же, как мужчина, не может после длительной паузы сразу включить или восстановить весь свой потенциал, увеличить «форсаж» и накал своей страсти.

«Лежу как колода или хладный труп, и никаких эмоций. А он-то старается!» Увы, как в том анекдоте — горячий южанин долбит равнодушную, апатичную северную женщину и все увеличивает обороты, а она говорит: «Да слышу, слышу я, не стучите». Жизненный анекдот.

Чтобы «разбудить» такую спящую красавицу, одного сказочного поцелуя мало. Надо разнообразно и, главное, регулярно «будить в ней зверя». И результат не задержится и превзойдет все надежды «будящего и стучащего». «Нет таких трудностей, которые бы не преодолели большевики». Фраза из нашей юности.

Завершая рассказ об этой возрастной категории, могу только процитировать Модеста Ильича Чайковского — «Любви все возрасты покорны». Пушкин этого не писал. Наверно, не был уверен. Зато он написал: «Одной любви музыка уступает».

Важно не попасть в ситуацию, описанную в известном анекдоте про стареющего султана. Эту историю любил рассказывать наш директор, замечательный врач, великий нейрохирург, страстный человек Александр Иванович Арутюнов. Подсмеиваясь над собой и своими сверстниками. Не каждому это дано.

Так вот. Султан отправился в гарем на обычную процедуру. Позвал раба, освещающего дорогу факелом, чтоб не споткнуться, выбрал наложницу и попытался приступить к понятным и приятным утехам. Но... ничего не получилось. Бывает. Тогда он взял факел, а рабу приказал проделать то, что у него не получилось. Раб охотно проделал. Качественно. На что султан гордо сказал: «Вот видишь, как надо светить!»

Жизненная история.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)